

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ♦ 1940 ♦ ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Печатается по распоряжению директора ИИМК М. И. Артамонова
Ответственный редактор С. Н. Бибиков

1. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И РУСИ

(Доклад на сессии Отделения истории и философии АН СССР 26 III 1940)

Результаты обсуждения макета первых двух томов „Истории СССР“ выразились в солидном количестве отзывов и замечаний, касающихся как труда в целом, так и отдельных его частей. Особенно много критических замечаний поступило по разделам второго тома, посвященным древнейшей истории славян. Рецензенты прежде всего отмечали непропорционально малое место, отведенное истории русских славян, сравнительно с другими племенами и народами СССР, обращали также внимание на неполноту характеристики восточных славян конца I тысячелетия н. э., на необходимость дополнения ее изложением истории возникновения Русского государства и доведения этой истории до того хронологического рубежа, который принят для всего тома в целом. Целесообразность такого расширения, по мнению рецензентов, вытекала еще из того, что в истории древнерусского государства конец X — начало XI в. являются весьма важным переломным моментом от дофеодального строя к феодальному. Далее, о необходимости изложения дофеодальной истории древней Руси именно в томе, написанном ИИМК, говорит и то, что важнейшими источниками для познания этого периода являются археологические материалы.

Все эти соображения достаточно убедительны, чтобы с ними согласиться и соответственно перестроить содержание второго тома „Истории СССР“ в части, касающейся истории восточных славян.

Наибольшее количество замечаний и пожеланий вызвал раздел, посвященный вопросу о происхождении славян. Однако если в замечаниях об объеме и хронологических границах истории восточных славян рецензенты независимо друг от друга говорили в общем одно и то же, то в вопросе о происхождении славян мнения разделились. На ряду с приветствиями и одобрениями новой постановки этого вопроса и правильного, как говорили некоторые рецензенты, его разрешения в соответствии с духом учения Н. Я. Марра, имеются отзывы, в которых наша трактовка признается не только неубедительной, но просто непонятной.

Мы учли все замечания и отзывы, и при переработке второго тома „Истории СССР“ с особым вниманием остановились на вопросе о происхождении и древнейшей истории славян.

В курсе „История СССР“, изданном Институтом истории, авторы попросту обошли этот вопрос, сославшись на его неразрешенность. Они ограничились тем, что дали справку о венедах, склавинах и антах и непосредственно вслед за тем — перечень восточнославянских племен по русской летописи. Как, когда и почему венеда, занимавшие сравнительно ограниченную территорию, распространились на большую

часть Центральной и Восточной Европы, оставлено без ответа, даже подобно тому, который давала старая историография, объяснявшая это распространение расселением славян из их прикарпатской прародины.

Уже самый факт, что составители курса воздержались от традиционного объяснения, свидетельствует, что оно потеряло в глазах советских историков всякий кредит. Это факт, конечно, отрадный. Остается лишь пожелать, чтобы на место отвергнутой теории была выставлена новая, более удовлетворительно объясняющая то изумительное явление, в результате которого неславянская, точнее невенедская, территория в короткий срок сделалась славянской. Такая новая теория дается в новой редакции второго тома „Истории СССР“, написанного коллективом ИИМК.

Принято думать, что славяне впервые появляются в истории под именем венедов, которых античные писатели указывают в верховьях Вислы и к северу от Карпат. Основанием для отождествления венедов со славянами при этом, главным образом, служит замечание Иордана, гласящее, что ставшие особенно известными в его время склавины и анты раньше назывались венедами. На этом случайном замечании собственно и построена вся гипотеза о славянстве венедов и об их расселении уже под новыми именами склавинов и антов на юг и восток, по всей той обширной территории, которая в VI в. оказывается во власти славян. Между тем современник Иордана, наиболее серьезный и авторитетный историк VI в. Прокопий, хорошо знавший склавинов и антов и интересовавшийся их прошлым, ничего не знает о переселении их из венедской области и даже имени венедов не упоминает. По его словам, предки славян назывались спорами. Это греческое осмысление какого-то этнического термина (сербы или спалы) могло появиться потому, что до своего выступления против Византии славяне не представляли крупных объединений, а жили отдельными племенами или группами племен „рассеянно“ (греч. „спорас“ — рассеянный).

О переселении венедов на юг и восток в наших источниках нет решительно никаких упоминаний, хотя движение их, якобы в корне изменившее этнографическую карту Средней Европы, не могло пройти незамеченным. Древние авторы, так или иначе отразившие передвижения германских племен II—V вв., ничего не знают о появлении в Дакии и Восточной Германии вместе с ними или отдельно венедов-славян.

Несомненно, что венеды были предками славян, но на ряду с ними у славян были и другие предки, которые в первые века нашей эры отнюдь не отождествлялись с венедами и действительно отличались от них. Только при таком допущении можно понять, каким образом славяне одновременно появляются на громадной территории и притом без каких-либо признаков массового переселения в эти территории нового для них народа, с новой культурой. В этом отношении очень выразительные археологические материалы представляет бассейн Верхнего Днепра, верховий Оки и Волги, куда территорию венедов, при всем желании, распространить невозможно. По этим материалам мы можем проследить непрерывное развитие культуры от древнейших времен до эпохи Русского государства, до времени бесспорного славянства населения этой территории. Никаких перерывов в истории развития культуры этого населения нет, нет никаких оснований для заключения о смене здешнего населения или хотя бы о вселении в его среду какого-то нового культурно-этнического элемента. Следовательно, славяне здесь являются исконным местным этническим образованием, ни в какой степени не обязанным своим появлением расселению венедов.

Из этого и аналогичных примеров можно сделать вывод, что славяне появляются не только там, где ранее были известны венеды, и не только в результате расселения венедов, а следовательно, что предками славян были не одни венеды, а и другие этнические образования древности, которые в наших источниках не отождествляются с венетами, а отделяются от них.

Задача определения этих предков славян очень трудна и в настоящее время еще не может быть выполнена в полной мере и совершенно бесспорно. Для территории нашей страны более или менее ясно, что предками славян является население обширной территории, охватывающей бассейн среднего и верхнего Днепра и верховья сближающихся с ним других речных бассейнов. Это то население, которое в среднем Поднепровье составляло в I тысячелетии до н. э. земледельческую оседлую часть скифского объединения племен, среди которого была распространена скифская культура, а позже в условиях готского и гуннского периодов — культура так наз. полей погребений, связывающаяся уже с антами как с особой восточной группой славян. Что касается верхнего Поднепровья, в широком и несколько условном значении этого термина, включающем верховья Оки, Волги и Зап. Двины, то его культура существенно отличалась от среднеднепровской, в особенности в скифскую эпоху. Она характеризуется в это время городищами так наз. дьякова типа. Близкое сходство ее с среднеднепровской намечается только к середине I тысячелетия н. э.

В Средней Европе предками славян на ряду с венетами можно считать те племена древней Восточной Германии, которых античные писатели знают под именем лугиев, хотя их обычно относят к германцам. Только в одном письменном памятнике имеется намек на то, что лугии этнически отличались от германцев, хотя и жили на территории, за которой в это время уже закрепилось название Германии. Это Певтингеровы таблицы, источник поздний, но составленный по данным не позже начала IV в., а скорее всего и еще более древним. В нем лугии поставлены между сарматами-амаксавиями, т. е. языгами, занимавшими долину р. Тиссы, и венетами, которые здесь названы сарматами. Подобно венетам и лугии обозначены с прибавкой сарматы. Автор дорожника, очевидно, хотел этим показать, что они относятся к группе не германских, а сарматских племен, хотя и населяют часть Германии.

Но если письменные источники не дают достаточных оснований считать лугиев не германцами и причислять их к предкам славян, то такие основания в достаточном количестве представлены в археологических памятниках. Древняя культура Лузании и сопредельных областей, охватывающих Восточную Германию между верховьями Эльбы и Вислы, а равным образом Австрию, Северную Венгрию, Словакию и Галицию, так наз. лужицкая культура, генетически связывается с позднейшей бесспорно славянской культурой без какого бы то ни было перерыва. Существенно, что связующая лужицкую культуру со славянской культура полей погребений, растворяясь на юге в так наз. провинциально-римской культуре, в первые века нашей эры распространяется на востоке до среднего Поднепровья включительно.

Опираясь на археологические данные, мы можем считать лугиев такими же предками славян, как и венедов, если даже не в большей степени.

Повидимому, и часть дакийских племен находится в таком же отношении к славянам, как и лугии. Мы сейчас лишены возможности определить их точнее, но кажется, что костобоки, карпы и некоторые др., в особенности ранее входившие в состав племенного союза бастар-

нов, могут быть присоединены к их числу с достаточным основанием (рис. 1). Недаром ранние византийские писатели упорно называют славян гетами, а Феофилакт Симокатта даже прямо говорит, что славяне — это те, которых раньше называли гетами.

Если таким образом круг родичей или предков славян значительно шире, чем одни только венеды, в которых раньше видели предков всех славян, славянский пранарод, то встает вопрос о том, когда же, при

Рис. 1.

каких условиях все эти предки превратились в собственно славян, когда они приобрели те признаки, которые дали современникам возможность снять их прежние частные обозначения и представлять их всех себе как нечто единое, как народ с одинаковым образом жизни, с одинаковым языком, словом, в качестве славян?

Условием превращения отдельных племенных групп в этническое единство могло быть только их действительное объединение, при котором частные признаки уступали место общим, и количество последних

умножилось настолько, что не оставляло сомнений в наличии славянства как целого, как особого этнического образования. Такие условия в особенности имелись налицо в период готского, а затем гуннского объединения, когда различные и мало связанные между собой племена оказались включенными в громадные политические системы. Еще больше условий для развития общности у славянских племен появилось в период их борьбы с Византией, в период их напора на границы Восточно-Римской империи, когда Балканский полуостров сделался славянским, а принимавшие участие в этом наступлении племена перемешались не только на территории, занятой Византией, но и на своей родине. Наступление на Балканы всколыхнуло весь праславянский мир и завершило процесс формирования славянства как этнической общности на громадной территории, охватывающей большую часть Средней Европы и значительную часть Европы Восточной.

Итак, в вопросе о происхождении славян мы устанавливаем один в высшей степени важный момент, а именно, превращение ряда племен в славян, возникновение между ними этнической общности, настолько очевидной, что это немедленно отражается в наших источниках.

Но, может быть, наши источники вводят нас в заблуждение? Может быть, та общность, наличие которой мы констатируем для VI в., существовала и ранее, но оставалась не замеченной античным миром, плохо знакомым с варварами. Нельзя, конечно, отрицать, что возникновение славянства в середине I тысячелетия н. э. было подготовлено предшествующим развитием составивших его племен. Общие элементы были у праславянских племен и раньше, до их объединения в наступлении на Восточно-Римскую империю. Но о качестве и количестве этих общих элементов мы в настоящее время судить еще не в состоянии. Уже один тот факт, что праславянские племена, находясь продолжительное время под властью германцев и гуннов, не огерманились и не огунились, достаточно убедительно свидетельствует о том, что их этнические особенности сложились задолго до этих завоеваний. Сейчас еще невозможно ответить с полной убедительностью, когда именно, но ясно, что очень давно, в рамках археологической периодизации не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, даже еще в конце неолита, т. е. на низшей или средней ступени варварства. В этот период в Средней Европе и Поднепровье известны культуры, распространенные примерно в тех границах, где позже появляются славянские племена, культуры, родственные между собой и отличающиеся от других культур на соседних территориях. Можно думать, что именно в этот период были заложены основы той культурной и этнической общности, которые, оказавшись очень устойчивыми, в последующее время предопределили образование славян.

Было бы вместе с тем совершенно неправильно полагать, что уже в то время славяне существовали со всеми своими этническими признаками и что позднее в состав славянства не могли войти племена, происходящие от предков с культурой иного рода, или что единокультурные с предками славян племена не могли, наоборот, в дальнейшем сделаться не славянами, а скажем, напр., германцами. Это были пра- или прото-славяне, но еще не славяне. Они, вероятно, в основном определили позднейший этнический славянский тип, но славянство как целое включило в свой состав и другие племенные группы, в конце неолита и в эпоху бронзы по своей культуре отличавшиеся от племен основного, главного очага славянского этногенеза.

С этой точки зрения очень интересно и важно отношение между уже упомянутыми разнокультурными племенами среднего и верхнего Поднепровья. И те и другие сделались славянами, и те и другие, сле-

довательно, были праславянами, но их культуры вплоть до середины I тысячелетия н. э. существенно различались между собой, и если культура среднего Поднепровья в эпоху позднего неолита представляется тесно связанной с областями Средней Европы, Подунавья в особенности, а в дальнейшем в эпоху бронзы включается в широчайшую область распространения культуры так наз. шнуровой керамики, то верхнее Поднепровье представляет за все это время особую культуру, лишь в очень общем плане сходную с среднеднепровской. Разрыв между средним и верхним Поднепровьем делается еще значительнее в скифский период, когда среднее Поднепровье в своем и экономическом и социальном развитии на много обгоняет бассейн верхнего Днепра. И только в начале нашей эры, и в особенности ближе к середине I тысячелетия, археологические данные сигнализируют нам о культурном сближении этих областей. Однородная культура и здесь и там возникает в уже собственно-славянское время, в VIII—IX вв. н. э.

Какой же вывод можно сделать из изложенных выше наблюдений над соотношением культуры верхнего и среднего Поднепровья в разное время? Возможно одно из двух, а именно: или славяне со всеми основными признаками этого этнического образования существовали в верхнем Поднепровье еще в неолите, или верхнеднепровское население сделалось славянским очень поздно, в то время, когда определяются тесные культурные связи его с средним Поднепровьем, основным и древнейшим очагом славянского этногенеза в Восточной Европе.

Окончательное решение вопроса — дело будущего. Решающее слово здесь, конечно, принадлежит лингвистам. В свете археологических данных можно думать, что никакого единого, даже, скажем, протославянского народа, заселявшего колоссальную территорию от верховий Дуная до Волги, не было и быть не могло не только в неолитический период, но и значительно позже, что круг славянских племен постепенно увеличивался, расширяясь за счет вовлечения в славянский этногенез племен, которые могут быть названы праславянскими только лишь потому, что они в конце концов превратились в славян и внесли что-то в общеславянское достояние. То же обстоятельство, что эти племена стали в конце концов славянскими, а не германскими, не финскими, не какими-либо иными, определяется не их биологическими свойствами, не расой, а историческими условиями, в которых они развивались, их связями культурными и политическими со своими соседями.

Вот то гипотетическое решение проблемы славянского этногенеза, которое предлагается во втором томе „Истории СССР“ взамен теории расселения славян из некоей прародины. Это решение опирается в первую очередь на конкретные данные археологического порядка и на учение Н. Я. Марра. Пользуясь терминологией Н. Я. Марра, те племена, которые еще не были славянскими, финскими, германскими и т. п., можно назвать яфетическими, предполагая, что строй речи у этих племен был еще не индоевропейский. Следует, однако, заметить, что этническое родство между племенами могло существовать и на яфетической стадии в развитии языка и что уже в это время предки славян могли представлять достаточно обширное этническое образование со сходными языками. Однако определить это единство в его качественном и количественном отношении мы еще пока не в состоянии.

Следующим вопросом, к которому необходимо привлечь внимание, является вопрос об образовании восточных славян и той культуры, какая характерна для них в последней трети I тысячелетия н. э.

Выше уже отмечалось, что праславянские племена среднего и верхнего Поднепровья во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первую половину I тысячелетия н. э. весьма значительно различались между

собой не только по характеру своей культуры, но и по уровню социально-экономического развития. В самом деле, в то время, когда среднее Поднепровье переживало последний период варварства с его крупными союзами племен, имущественной дифференциацией и наследственной властью вождей, в то время, когда оно тесно было связано с античными колониями Причерноморья и пользовалось многими предметами античного импорта, полученными в обмен на хлеб, на рабов и другие товары, какие в большом количестве вывозились греками из стран северного Причерноморья, в верхнем Поднепровье господствовали в полной мере еще формы патриархально-родового строя в их классическом выражении: большесемейные патриархальные общины жили каждая своим замкнутым миром, почти полностью сами удовлетворяя свои потребности, каждая жила в особом укрепленном поселении, небольшая группа которых образовывала отдельный род; племена были отделены друг от друга широкими полосами незаселенных пустынных территорий. Правда, и там и тут в основе хозяйства лежало земледелие, но в одном случае это было земледелие плужное с посевом хлеба не только для себя, но и на продажу, а в другом — подсечное, огневое и только для своих надобностей. Ни частной собственности, ни индивидуального хозяйства, ни сколько-нибудь заметного экономического, а следовательно, и социального расслоения в верхнем Поднепровье этого времени не заметно.

В первые века нашей эры, когда в среднем Поднепровье господствующей формой общественной организации была, видимо, территориальная община, когда здесь развивается рабовладение и общество находится накануне перехода от варварства к цивилизации, на севере только-только еще намечается процесс разложения патриархально-родового строя и, вместе с тем, появляются признаки развивающихся экономических связей со средним Поднепровьем. На север проникают вещи среднеднепровского происхождения. Тот этап социально-экономического развития, который в среднем Поднепровье получил столь яркое выражение в богатых погребениях скифского типа второй половины I тысячелетия до н. э., в верхнем Поднепровье — наступает с запозданием более чем на тысячелетие, только в самом конце I тысячелетия н. э., когда здесь появляются погребения вроде больших гнездовских курганов или таких черниговских курганов, как Черная могила и Гульбище. Сравнение Черной могилы с скифскими „царскими“ курганами вполне правомерно и обнаруживает наличие ряда параллельных явлений. И там и тут вместе с умершим погребается большое количество различных вещей, животных и даже людей. В одном случае в могилу, а в другом на костер идут наложница и слуги. Ясно, что в этих памятниках отражаются представления одного порядка, соответствующие однородным социально-экономическим отношениям.

Мы знаем эти отношения. Они характерны для высшей ступени варварства, для периода военной демократии, когда возникает частная собственность, индивидуальное хозяйство, наследственная власть опирающегося на богатство и вооруженную силу вождя, когда развивается рабство в его новых, уже не патриархальных формах. Этой ступени верхнеднепровское славянство достигло очень поздно, значительно позже своих среднеднепровских соседей, которые, наоборот, рано перейдя на эту ступень в силу разных причин, надолго на ней задержались.

Таким образом русская культура и государственность обязаны своим происхождением слиянию двух культур, двух групп населения, занимавших разные территории и, конечно, в этом слиянии события VI—VII вв., времени борьбы славянства с Восточно-Римской империей, времени передвижения громадных масс славянства на юг, за Дунай, не могли не иметь большого значения.

Великое славянское вторжение в пределы Восточно-Римской империи в VI—VII вв. представляет значительное сходство с германскими вторжениями на территорию Римской империи в III—V вв. Сходство это не случайно, а вытекает из естественного хода вещей, из столкновения между одряхлевшей цивилизацией и полным сил варварством. Победа германцев была обусловлена развалом рабовладельческого хозяйства и античной политической системы, не имевшей сил, чтобы справиться с внутренней классовой борьбой и наступлением варваров. Успехи славян в их наступлении на Восточный Рим, на Византию точно так же совпали со вспышкой ожесточенной классовой борьбы, с гражданской войной в Византии. В результате этой войны и нашествия варваров, прежде всего славян, в Византии устанавливаются феодальные порядки, и возрожденная варварами община входит в состав общественных учреждений империи, оставляя, по словам Энгельса, „угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права территориальную сплоченность и средство сопротивления.“¹

Набеги, а затем и переселения в Византию громадных полчищ производились не только соседними с границами империи славянами. В эти полчища вовлекались иной раз очень отдаленные племена; в частности, в Поднепровье движением на юг были охвачены не только среднеднепровские, но и североднепровские племена, хотя бы в том смысле, что последние занимали местности, частично освобожденные их южными соседями. Именно такого рода передвижения, при которых представители разных племен объединялись для совместных завоевательных предприятий или смешивались, заселяя те или иные области, при наличии известной однородности хозяйства и культуры, обусловили возникновение этнически родственных славянских народов на громадной территории от Эгейского моря до Балтийского и от верхнего Дуная до верховий Дона и Волги.

В русской историографии не раз возрождалась гипотеза о колониальном движении славян с юга на север, из среднего Поднепровья на Волгу или на Волхов. Таким образом будто бы расселялись праславяне, этими путями уходили киевские славяне от разорения, причиняемого кочевниками. В действительности основное движение в древности происходило в прямо противоположном направлении. Целый ряд данных свидетельствует, что в VII—VIII вв. происходила весьма существенная передвижка населения с севера на юг, которая и привела к окончательной консолидации восточного славянства.

Если обратиться к археологическим памятникам среднего Поднепровья VIII—IX вв., то нетрудно заметить, что характерные для первой половины и середины I тысячелетия неукрепленные селища и громадные поля погребений сменяются курганными погребениями и примитивными городищами так наз. роменского типа. Эти памятники рисуют картину относительно примитивного и отсталого быта, не испытавшего на себе влияния культуры Причерноморья, что было так характерно для культуры антского периода.

Анализ материалов роменских городищ и сопутствующих им курганов приводит к выводу, что они оставлены населением, пришедшим с севера. Его культура складывалась на Десне, в верхнем Поднепровье и в верховьях Оки. В области левобережья пришельцы составили племенной союз, известный под наименованием северян, что, может быть, соответствует их происхождению.

В свете северной колонизации среднего Поднепровья становится понятным любопытное явление в истории южной группы восточносла-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVI, ч. 1, стр. 132.

вянских племен, уже не раз обращавшее на себя внимание историков, а именно, известное повторение в VIII—IX вв. внутренних процессов, уже пережитых предками славян в этой области в скифо-сарматскую и антскую эпохи. Северные славянские племена принесли с собой в среднее Поднепровье не только более примитивный быт и отсталую культуру, но, разумеется, и соответствующий им более примитивный общественный строй — сравнительно целостную родоплеменную организацию. Произошла, следовательно, варваризация среднеднепровского славянства. Понятно, что такое положение в данных условиях могло иметь лишь временный характер. В течение VIII—X вв. историческое развитие в будущей Киевской земле идет быстро и племена среднего Поднепровья не только восстанавливают прежний уровень общественного развития, но и уходят в этом отношении значительно дальше прежнего.

Должно быть еще в VIII в. восточнославянские племена, обитавшие в области днепровского левобережья, попали под власть Хазарского каганата, зависимость от которого ослабела только с появлением в Причерноморских степях новых орд кочевников. Набеги со стороны этих новых врагов и вызвали среди поднепровских славян необходимость в создании политической организации, способной оказать отпор. Известно, что мадьяры, находясь в Поднепровье (Ателькузу), часто совершали набеги на славян и русь, грабили и уводили пленных. Некоторые славянские племена были вынуждены платить им дань. В то же время на севере славянские племена страдали от набегов норманнов, варягов.

Борьба отдельных славянских племен с соседями, покушавшимися на их независимость и бравшими с них дань, способствовала формированию среди них племенных союзов. Повесть временных лет отмечает существование на северо-западе союза племен с ильменскими славянами во главе. То же самое явление наблюдается и на юге, вокруг наиболее прогрессивного центра того времени на среднем Днепре — Киева, среди наиболее передового славянского населения, сохранявшего в какой-то мере традиции древней скифской и антской культуры. Естественно, что здесь зародыши государственности возникли раньше, чем где-либо в другом месте древней Руси.

Крупное политическое образование типа варварского государства возникает здесь еще в начале IX в., о чем свидетельствуют первые известия о походах Руси против хазар и Византии.

Первые сведения о русских походах на юг содержатся в случайных указаниях житийной литературы: в житии Стефана Сурожского и Георгия Амастридского. В первом из них рассказывается о нападении князя Бравлина на южный берег Крыма от Херсонеса до Керчи. Это нападение, видимо, относится к началу IX в., когда Крым, за исключением Херсонеса, принадлежал хазарам. К первой же половине IX в. (до 842 г.) относится нападение Руси на малоазийское побережье Византии от Пропонтиды до Синопа, о чем рассказывается в житии Георгия Амастридского. 18 июня 860 г. 200 русских кораблей прибыли к самому Константинополю, и русы осадили столицу могущественной империи. Император Михаил, чтобы снять осаду, должен был заключить с русами договор „о мире и любви“.

Вопрос о том, что за Русь совершала нападения на берега Черного моря в первой половине IX в., давно уже интересовал русскую историографию и решался по-разному. В связи с известиями об этих нападениях родилась гипотеза об особой черноморской Руси, местонахождение которой особенно охотно искали в Тмутаракани, на Таманском полуострове.

Данные для решения этого вопроса представляет замечательное сообщение Бертинских анналов, в котором говорится о послых народа

рос, прибывших от своего кагана в Византию с целью заключения союза и в 839 г. присланных императором к франкам, чтобы они могли безопасно кружным путем вернуться к себе, так как прямая дорога для них в это время оказалась отрезанной дикими воинственными племенами.

Послы кагана народа рос не могли вернуться к себе прямым путем из Константинополя потому, что степи Причерноморья в это время оказались захваченными печенегами, прогнавшими мадьяр на запад от Днепра и, очевидно, враждовавшими с русью. Русью же этой не могла быть никакая иная, кроме киевской. Именно киевские русские князья именовались, по образцу хазарских владык, каганами. Каганом называет „царя Руси“ ибн-Русте. Этим титулом русские источники называли еще князей Владимира и Ярослава. Посольство Руси к императору Феофилу могло преследовать только одну цель, а именно, установление союза с Византией перед лицом нового опасного врага, печенегов. О том, что Византия была весьма серьезно обеспокоена появлением этих кочевников, свидетельствует ее роль в построении в 834 г. хазарской крепости Саркел, предназначенной для борьбы с печенегами, а также заботы, какие были приложены Феофилом для благополучного возвращения послов русского кагана. Очевидно, Византия возлагала серьезные надежды на помощь Руси против печенегов, которых не смогли удержать ни хазары, ни мадьяры.

Неизвестно, насколько оправдались эти надежды. Во всяком случае и Руси не удалось отбросить печенегов. Хищные орды их обосновались в нижнем Поднепровье, что, однако, не помешало Руси через некоторое время возобновить свои походы на Византию, а империи искать союза уже не с Русью против печенегов, а, наоборот, с печенегами против Руси.

В Бертинских анналах заслуживает особого внимания одна подробность, а именно, сообщение о национальности русских послов, которых франки после тщательного расследования признали шведами. Франки в 30-х годах IX в. находились в тесных политических связях со шведами и отлично знали как их, так и других скандинавов, в это время особенно упорно нападавших на побережья Западной Европы. Они не могли ошибиться в определении этнической принадлежности своих подозрительных гостей. Из этого следует, что в Киеве в первой половине IX в. в составе дружины „кагана русского“ были уже скандинавы-варяги.

Нет надобности долго останавливаться на вопросе о роли варягов в образовании Русского государства. Этот вопрос так долго привлекал к себе внимание русских историков, так горячо ими дебатировался, что в настоящее время должно быть не осталось ни одного аргумента, который бы не был использован сторонниками или противниками норманнской теории.

Ни в малейшей мере не отрицая раннего проникновения варягов на Русь и их участия в образовании Русского государства, следует отметить, что скандинавы времен викингов стояли приблизительно на той же стадии общественного и культурного развития, как и восточные славяне, и уже по одному этому не могли принести с собой на русскую землю ни совершенно новой и более высокой культуры, ни государственности. Варяги не вызвали на Руси процесса образования государства, они влились в этот процесс и, может быть, сделали его более быстрым. Даже движение с севера на юг, в результате которого возникла „империя Рюриковичей“, объединившая северную и южную части восточного славянства, как мы видели, началось до варягов.

Последний вопрос, на котором надлежит остановиться, касается термина „русь“, под которым восточные славяне выступают с начала IX в.

В курсе „История СССР“, изданном Институтом истории и представляющем, так сказать, последнее слово в области русской истории, по этому, как равно и по ряду других вопросов, авторы стали на путь компромиссов. Они полагают, что рос и русь — два термина разного происхождения: один южного, другой северного, „волею исторических судеб встретившиеся и отождествившиеся“ (стр. 91). Шахматов убедительно доказал, что отождествление варягов с русью в летописи не является первоначальным; оно введено составителем Повести временных лет редакции 1111 г.; в предшествующем Начальном своде 1093 г. говорилось, что варяжские дружины стали называться русью лишь после того, как перешли на юг, в Киев. Летописцу понадобилось отождествление варягов с русью в связи с его тенденциозной концепцией о происхождении Русского государства и князей из дома Рюриковичей. Утверждая происхождение русских киевских князей от варягов, естественно и самую русь выставить скандинавским племенем.

Некоторым основанием для этого могло быть то, что на севере соседи славян, финны, называли скандинавов, шведов — руотси, термином, из которого образоваться название „русь“ не могло.

Термин „русь“ не северного, скандинавского, а южного, славянского происхождения. Корень „рос“, „рус“ широко распространен в топонимике древней Руси. По Н. Я. Марру, он принадлежит древнейшей культурно-этнической среде. В северном Причерноморье, еще в первые века нашей эры известны роксоланы, название которых представляет скрещенное образование из широко распространенного этнического обозначения „аланы“ и другого, тоже, очевидно, этнического имени „рокс“ или „рос“. Несколько позже в наших источниках появляются росомоны; окончание этого племенного названия, повидимому, того же рода, что и у приблизительно одновременных с ними маркоманов, и может быть отнесено за счет германской среды, через которую до нас дошел этот этнический термин. В сирийском источнике VI в. в Восточной Европе указан народ рос, едва ли не тот самый, который фигурировал в двух предшествующих названиях.

В первой половине IX в. в византийских и других источниках мы опять встречаемся с термином „рос“, „рус“, тесно связанным с Поднепровьем. Судя по этим источникам, русь, русская земля — это Киев, Чернигов, Переяславль, земля зарождающегося Киевского государства, а в дальнейшем и всей державы Рюриковичей.

Византийские и восточные авторы, а также договоры русских с греками дают нам картину военных и торговых отношений Руси с соседями. Та русь, с которой имели дело эти соседи, представляла собой социальную верхушку, стоявшую во главе военно-торговых предприятий. В состав этой верхушки входили и пришельцы-варяги, которые в известных случаях занимали даже доминирующее положение, играли первенствующую роль. Отсюда и то отождествление руси с варягами, норманнами, которое как будто бы вытекает из слов Константина Багрянородного о названиях порогов, из противопоставления руси и славян у некоторых восточных писателей.

Та русь, которая была им известна, которая совершала военные и торговые походы, ходила, взимая дань, в полюдые, это не племя, а социальная группа, киевская дружина, включавшая в свой состав варягов, но состоявшая далеко не из них одних.

Русь — древний этнический термин, связанный с поднепровскими племенами и ставший у них обозначением политического образования с центром в Киеве и его представителей в лице князя, дружины, горожан и всех прочих членов внеплеменного социального слоя.

В краткой статье нет возможности не только исчерпать, но даже и затронуть все спорные темы древней истории славян и руси. Я поэтому остановился только на тех, которые привлекли наибольшее внимание рецензентов второго тома „Истории СССР“ и авторского коллектива, работавшего над его новой редакцией. Из членов этого коллектива в данной связи следует назвать П. Н. Третьякова и В. В. Мавродина, много потрудившихся, каждый в своей специальности, над вышеизложенными вопросами.

М. И. Артамонов

ГАИМК—ИИМК И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЗА 20 ЛЕТ

(Извлечение из доклада „Итоги археологического изучения Средней Азии“,
читанного 27 V 1940)

В начале нашей Великой социалистической эпохи в 1919 г. было положено основание Российской Академии истории материальной культуры; заведующим Разрядом Средней Азии был назначен акад. В. В. Бартольд.

Во вновь организованную Академию истории материальной культуры В. В. Бартольд пришел с большим знанием фактов и пониманием непосредственных задач, стоящих перед археологией Средней Азии. Более того, товарищ и друг Н. Я. Марра по научно-исследовательской работе, он прекрасно понимал, чем должна быть археология как одна из исторических дисциплин. В некрологе, посвященном Н. И. Веселовскому, В. В. Бартольд полемизирует с последним по вопросу о месте археологии в системе исторического знания. Для Н. И. Веселовского археология — самостоятельная наука, которую можно ставить рядом с историей. Для В. В. Бартольда это положение категорически неприемлемо.

„Едва ли правильно, — пишет он, — такое сопоставление истории и археологии, как двух самостоятельных, хотя и связанных между собой наук. Археология, как дисциплина, посвященная одной из категорий источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача истории, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда“¹

В. В. Бартольд прекрасно понимал, какие исключительные перспективы сулит серьезно поставленное археологическое изучение Средней Азии. Ему было лучше, чем кому-либо, известно, что Средняя Азия, сыгравшая в древности и средневековье огромную роль в истории человечества, хранит на своей территории памятники мирового значения — развалины городов, древних крепостей, прекрасных по своей архитектуре зданий и других предметов старины. Ему было ясно, что, на ряду с Ираном и Кавказом, археологическая работа в Средней Азии в XX в. сможет привлечь к себе в такой же степени мировое внимание, как в свое время это было с раскопками в Египте и Месопотамии.

Дореволюционная археология оставила в области изучения прошлого Средней Азии не малое наследство. В основе ее лежали: работа В. А. Жуковского по изучению развалин Ст. Мерва, до сего дня

остающаяся одной из лучших книг по изучению восточного города. Труды Археологической комиссии по изучению архитектурных памятников Самарканда и г. Туркестана, работы Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и Туркестанского кружка любителей археологии, выразившиеся не только в предварительном описании ряда ценнейших археологических памятников Средней Азии, но и в исследовании путем раскопок, правда, проведенных не всегда на высоте требований современной археологии. Руководителем и вдохновителем лучших из этих работ был, как известно, В. В. Бартольд.

Основанием Российской Академии истории материальной культуры, возглавленной Н. Я Марром, Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед всей страной, в частности и перед Средней Азией, широкие перспективы археологического изучения.

В 1920 г. В. В. Бартольд совершает научную командировку в Ташкент, Самарканд и Бухару, чтобы на месте ознакомиться с состоянием дела археологического изучения Средней Азии или, как тогда чаще всего говорили, Туркестана.

Отчет о командировке в Туркестан в 1920 г. написан В. В. Бартольдом весьма оптимистично. Приехав в Среднюю Азию (тогда Туркесреспублика) в самый разгар больших ремонтных проектов, согласно которым чуть ли не все крупные памятники Самарканда предполагалось ремонтировать, В. В. Бартольд ознакомился в Ташкенте и Самарканде с идеей, которой он очень сочувствовал и которую следующим образом формулировал в своем отчете: „раскопки должны предшествовать если не всяким ремонтным работам, то осуществлению всяких более сложных реставрационных проектов“.¹ Как и в дореволюционные годы, В. В. Бартольд оказывал большое влияние на направление и характер археологических работ в Средней Азии.

Для производства больших ремонтно-реставрационных и археологических научно-исследовательских работ необходимо было учреждение, которое обладало бы специальными средствами и знающими работниками. Декретом Совнаркома Туркесреспублики от 23 V 1921 г. вводилось положение о „Комитете при Наркомпросе по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы“ (Туркомстарис) с местопребыванием его в Ташкенте и с образованием при нем специальной Самаркандской комиссии.

Первой крупной работой в Средней Азии после Октября была экспедиция, возглавленная архитектором А. П. Удаленковым и направленная на изучение архитектурной группы Шах-и Зинде в Самарканде.

Экспедиция эта была создана соединенными усилиями Главмузея и РАИМК. В экспедиции участвовало 8 сотрудников, в том числе известный художник Петров-Водкин. В программу экспедиции входили следующие основные задачи: 1) консультация по вопросам охраны и ремонта памятников, 2) подробный археологический обмер всей архитектурной группы Шах-и Зинде, на основании которого можно было бы провести анализ архитектурных форм, конструкции и строительных приемов. Однако экспедиция за время, которое она провела на месте (4 месяца), смогла выполнить только археологический обмер Шах-и Зинде. За 4 месяца удалось тщательно обмерить всю верхнюю группу, два безымянных мавзолея по западной стороне коридора и всю среднюю группу. Для нижней удалось полностью осуществить только планы фасадов и разрезы двух мавзолеев. Раскопок, связанных с потребностями археологического изучения памятников, экспедиция не произ-

¹ ИРАИМК, II, стр. 3–4.

водила. Это была ошибка, ибо, отказавшись от раскопчного приема, она поставила себя в условия, когда ее работники давали научное описание памятника в его настоящем состоянии, а не в том, в каком он был по окончании постройки. В работах экспедиции А. П. Удаленкова не получил осуществления как раз тот самый принцип, который проводил в своем упомянутом выше отчете о командировке в Туркестан в 1920 г. В. В. Бартольд. Подводя итоги экспедиции 1921 г. в Самарканд и отмечая ее недостатки, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что ее материалы (чертежи, рисунки, кальки и т. д.) представляют большую научную ценность.

Начиная с экспедиции А. П. Удаленкова 1921 г., РАИМК в течение ближайших лет, в лице своего Разряда Средней Азии, возглавляемого В. В. Бартольдом, была в постоянном контакте как с среднеазиатскими учреждениями по охране памятников, так и с местными археологами. Можно сказать с абсолютной уверенностью, что вплоть до самой смерти В. В. Бартольда не было ни одного серьезного научного археологического начинания, которое прошло бы мимо его компетентного суждения.

В. В. Бартольд, как руководитель Разряда Средней Азии ГАИМК и фактический вдохновитель археологических работ в самой Средней Азии, прекрасно понимал, что архитектурными памятниками, тем более архитектурными памятниками одного Самарканда, ограничить задачи археологического изучения Средней Азии нельзя. Вот почему В. В. Бартольд выдвигает как в самой ГАИМК, так и среди работников Туркомстариса, превратившегося в 1925 г., в связи с национальным размежеванием в Средней Азии, в Среднеазиатский комитет (Средазкомстарис), задачи изучения наиболее крупных городищ, не исследованных или мало исследованных до сего времени. В первую очередь выдвигаются два района, игравшие в средние века в жизни Средней Азии огромную роль, а именно Хорезм и культурные когда-то земли по нижнему течению Сыр-дарьи, а также такие примечательные в археологическом отношении места, как Шахрисябз и Узгент.

В 1926 г. Разряд Средней Азии командировал меня в Шахрисябз в целях изучения исторической топографии этого города и его архитектурных памятников.

Под непосредственным руководством В. В. Бартольда мною были предварительно собраны все письменные свидетельства о Кеше-Шахрисябзе, дабы не повторять часто совершаемых археологами ошибок, когда письменные свидетельства привлекаются после археологического исследования, как это было между прочим и с изучением развалин Ст. Мерва у В. А. Жуковского. Поездка в Шахрисябз принесла свои плоды. В ГАИМК привезено было немалое количество снимков с Ак-Сарая (остатки дворца Тимура) и с целого комплекса зданий, в который входят мечеть Улугбека, развалины мечети Тимура и мавзолеев, связанных с именем шахрисябзского шейха Шемс ад-дин-Кулала.

Мне представляется, что прочитанный осенью того же 1926 г. доклад на тему „Шахрисябз при Тимуре“ если не решил, то во всяком случае правильно поставил наиболее важные вопросы исторической топографии Шахрисябза, а также если не окончательно определил, то во всяком случае помог определить наиболее важные из развалин вышеуказанного комплекса построек.

После 1926 г. в Шахрисябзе производились работы архитектором Б. Н. Засыпкиным и работниками Узкомстариса. Однако в последних работах затрагивались вопросы чисто архитектурного характера и только походя, попутно они касались некоторых деталей из области исторической топографии. Работы в Шахрисябзе должны быть продолжены

нами если не непосредственно, то во всяком случае местными среднеазиатскими работниками. Особое внимание должно быть обращено на развалины дворца Тимура Ак-Сарай — памятника мирового значения. В Средней Азии это единственный из дворцов средневековья, дошедший до нашего времени, и произвести раскопки на его территории — одна из важных и благодарных задач.

Параллельно с работой в Шахрисябзе Разряд Средней Азии подготавливал поездку в долину нижнего течения Сыр-дарьи, где в домонгольскую эпоху и некоторое время после нее лежали культурные земли и города, богатство которых выросло, главным образом, на торговле с кочевниками. Начало изучению развалин этого района положено было еще в 1867 г. одним из талантливых востоковедов XIX столетия П. Лерхом.¹

Объектом исследования намечены были развалины Сугнака — города, имевшего весьма интересную историю. С одной стороны, он был столицей Белой орды в XIII—XV вв., с другой, он так тесно связан в себе кочевую степь с земледельческими оазисами, что на его истории можно было прекрасно изучить все характерные черты взаимодействия их обоих.

Подготовленная предварительным собиранием материала в письменных источниках поездка в Сугнак дала даже больше того, что от нее ожидали. Городище Сугнака оказалось весьма интересным и лишней раз показало, как много значит археологический материал для истории города. Письменные свидетельства здесь так хорошо переводились на вещественные остатки, что когда участнику этой экспедиции, автору настоящего сообщения, пришлось писать отчет и подготавливать к печати статью „Развалины Сугнака“,² он чувствовал большую удовлетворенность и сознание, что научной поездкой 1927 г. действительно продолжено дело, начатое еще П. И. Лерхом.

После Сугнака автору удалось в том же году выполнить работу по краткому археологическому описанию городища старого Узгента и по фотосъемке его замечательных архитектурных памятников XII в. Фотоснимки Сугнака и Узгента составили неплохую коллекцию, которая из Разряда Средней Азии и перешла в фототеку ГАИМК.

Более всего, однако, В. В. Бартольд интересовался состоянием городища и памятников одного из крупнейших городов Средневековья — Ургенча, который достиг своего высшего развития в XIII—XIV вв., когда он входил вместе с северным Хорезмом в состав Золотой Орды. Главные занятия Разряда Средней Азии были направлены на хорезмийскую проблематику. Тематами бесед, сообщений и даже докладов были вопросы, так или иначе связанные с Хорезмом. В существовавшем тогда Ленинградском научно-исследовательском историческом институте в 1928 г. мной был прочитан доклад на тему „О значении Хорезма в истории культурной жизни Средней Азии и юго-восточной Европы“. Последней теме В. В. Бартольд придавал важное значение, так как вся его предшествующая исследовательская работа приводила его к мысли о большой роли, которую Хорезм сыграл именно в жизни хазарского, кыпчакского (половецкого) и особенно золотоордынского Поволжья. Экспедицию в Хорезм на городище Куня-Ургенч удалось совершить летом 1928 г. и продолжить ее в 1929 г. В 1928 г. она была проведена совместно с Средазкомстарисом, в 1929 г. совместно с Туркменкультом. Во второй экспедиции от ГАИМК принимали участие Н. Б. Бакланов и безвременно умерший молодой ученый

¹ П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

² Сообщ. ГАИМК, II, 1929, стр. 123—159.

А. А. Некрасов. За два года был собран обильный подъемный материал, сделаны все необходимые фотоснимки как по городищу, так и по развалинам богатейших архитектурных памятников, произведены необходимые их обмеры и сделаны на месте — путем наблюдений и сопоставлений памятников с письменными свидетельствами — выводы чисто топографического характера, в частности по такому важному вопросу, как вопрос о перемещении Ургенча монгольского периода на новое место по сравнению с временем хорезмшахов. Археологическое наблюдение со всей убедительностью показало, что город после монгольского разгрома возродили на старом месте. Благодаря работам этих двух экспедиций удалось опубликовать, правда небольшую, книжку „Развалины Ургенча“, ¹ которая по существу впервые ознакомила научный мир с прекрасными памятниками богатейшего и культурнейшего города Ургенча — столицы домонгольского и монгольского Хорезма. Мавзолей, быть может ханака, выстроенная повидимому Тюрабек-ханым, женой правителя Хорезма Тимур-Кутлука, во времена Узбек-хана (1312—1340), оказался одним из самых лучших по своей мозаичной изразцовой декорровке зданий на мусульманском феодальном Востоке. Изумительной и единственной является мозаичная отделка купола мавзолея Тюрабек-ханым изнутри.

Экспедиция в Ургенч открыла широкие перспективы для решения ряда вопросов в области культурного взаимодействия Хорезма и Поволжья, Хорезма и Мавераннахра, Хорезма и Ирана, а также Закавказья, не говоря уже о дальневосточных влияниях на самый Хорезм. Все эти важные и интересные вопросы удалось правильно поставить, но отнюдь, конечно, не решить, ибо для окончательных ответов необходимо было иметь много фактов из других областей. Однако после экспедиций в Ургенч можно было считать прочно решенными вопросы о влиянии Хорезма, и в частности Ургенча, на материальную культуру и искусство Поволжья в эпоху Золотой Орды, особенно двух Сараев и Булгара. Убедительные доказательства этого и были приведены в двух моих работах: „К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке“ ² и „Столица Золотой Орды — Сарай Берке“ ³.

Параллельно с изучением Ургенча в 1928 и 1929 гг. экспедициями было обследовано еще одно замечательное городище — Миздахкан, лежащее между Аму-дарьей и Ургенчем в 25 км от последнего. Здесь оказались настолько примечательные памятники, как, например, цитадель явно домонгольского происхождения, по всей вероятности X в., и здания монгольского и домонгольского времени, что без привлечения их нельзя теперь решать многих вопросов. Насколько мне известно, руководитель и вдохновитель наших работ по исследованию Ургенча и Миздахкана ⁴ был удовлетворен результатами исследования, носящего во многом предварительный и осведомительный характер. Вспоминаю, что когда после наших с Н. Б. Баклановым сообщений В. В. Бартольд подводил итоги хорезмской работы, он особо подчеркнул, что последняя, строго говоря, еще только начинается.

Параллельно с развертывающейся работой в ГАИМК В. В. Бартольд со вниманием продолжал следить за делом археологического изучения Средней Азии в самой Средней Азии и руководить им. Более всего его интересовала работа В. Л. Вяткина, человека, который отдал изучению памятников Самарканда и, особенно, городища Афрасиаб всю

¹ Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930.

Изв. ГАИМК, т. VII, вып. 2—3, 1931.

Гос. Эрмитаж. Серия: Феодализм на Востоке, отд. вып., 1932.

⁴ А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. ЭКВ, V, 1930, стр. 551—581.

свою жизнь. К сожалению раскопочные работы, проводившиеся В. Л. Вяткиным чуть ли не систематически из года в год, не сопровождались ни строго продуманной фиксацией раскапываемых объектов, ни публикацией отчетов, вследствие чего, как показало дальнейшее, после смерти В. Л. Вяткина никто не смог разобраться как следует в оставшихся от него разрозненных клочках бумаги, на которых велись его археологические записи. А между тем, всем, кто соприкасался с ним и с его работой, хорошо были видны его исключительные знания в области истории вещественных памятников Самарканда, да и всей Средней Азии. Не оправдала надежд и вышедшая в январе 1928 г. его книга „Афрасиаб“,¹ в которой далеко не полностью отразились большие знания покойного археолога.

В изучении хорезмской проблемы принимал деятельное участие молодой талантливый, ныне уже покойный, ученый А. А. Некрасов, последний по времени ученик В. В. Бартольда.

Несколько позже, чем в Ленинграде, начинается археологическое изучение Хорезма московскими работниками ГАИМК. Начало работ было здесь положено научным сотрудником М. В. Воеводским, который в 1934 г. на средства Средазгипровода провел археологическое изучение левобережного Хорезма. В плане археологической разведки экспедицией было пройдено около 500 км и осмотрено 9 древних городов и крепостей. Большой интерес представляет изучение развалин Земахшара и его района.

Экспедиция обратила особое внимание на изучение керамики не только с точки зрения точности ее датировок или выявления ее художественных достоинств, но и самой техники гончарного производства в Хорезме в раннее средневековье.²

После трехлетнего перерыва, работы по изучению Хорезма возобновились в 1937 г. Под руководством С. П. Толстова и при участии археолога А. И. Тереножкина была направлена археологическая экспедиция в правобережный Хорезм. Экспедиция эта в течение двух лет (1937—1938) работала на территории Кара-Калпакской АССР на средства Узкомстариса, Государственного Эрмитажа и Центрального музея Кара-Калпакской АССР. Выбор хорезмского правобережья обуславливался прежде всего тем обстоятельством, что на основании сведений из письменных источников, сообщавших о полном запустении некоторых районов правобережья к XIV в., здесь можно было надеяться найти целые участки с остатками раннемусульманского и даже домусульманского прошлого. Надежды работников экспедиции целиком оправдались, за два года работы найдены интереснейшие памятники, начиная от бронзового века (конец II тысячелетия до н. э.) и до VIII в., до времени завоевания Хорезма арабами.

Главные работы Хорезмской экспедиции были проведены в районе мертвого оазиса, одним из крупнейших памятников которого является Беркут-кала. Здесь на площадке, не превышающей 20 кв. км, расположено более 60 укрепленных домов, относящихся ко времени V—VIII вв. Участникам экспедиции удалось раскопать крупный замок Тешик-кала, принадлежавший какому-то хорезмскому аристократу, и две укрепленных усадьбы, помеченных на археологической карте номерами 4 и 34.

¹ В. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1928.

² М. В. Воеводский. Сообщение о работах Хорезмской экспедиции 1934 г. (рукопись архива МОИИМК). — M. Voyevodsky. Summary Report of Khvarizm Expedition. Bull. of Amer. Inst. for Iran. Art and Archaeol., т. V, № 3, 1938, стр. 235—244.

Археологическая экспедиция в правобережный Хорезм 1937—1938 гг., проведенная под руководством С. П. Толстова, внесла в науку много нового материала, давшего возможность не только поставить ряд важнейших вопросов древней истории Средней Азии, но отчасти и установить направление, в котором они в ближайшее время будут решаться.¹

Главные из этих вопросов имеют значение не только для местной хорезмской истории, но и для истории древней Средней Азии в целом. Вопросы эти следующие: 1) о роли древнего Хорезма в культурной жизни юго-восточной Европы и остальных областей Средней Азии; 2) о древнехорезмской письменности, интересными памятниками которой являются древние хорезмские монеты; 3) о социальной природе укрепленных хорезмских усадеб, целый заповедник которых найден А. И. Тереножкиным в 1937 г. в Беркуткалинском мертвом оазисе.

Последний вопрос имеет тем большее значение, что он дает новый серьезный аргумент для решения вопроса об определении социального строя Хорезма и Согда в V—VII вв., как строя рабовладельческого. В 1939 г. Хорезмская экспедиция под руководством С. П. Толстова продолжала свои работы на значительно расширенной территории. В поле зрения экспедиции этого года входит, главным образом, левый берег Хорезма.

В 1936 г. начинаются серьезные работы по археологическому изучению Семиречья. На средства Казахского филиала Академии Наук СССР, Комитета наук при СНК КирССР и ИИМК в 1936 и 1938 гг. производились работы по изучению памятников прошлого в бассейне рек Таласа и Чу, под руководством ст. научного сотрудника ИИМК А. Н. Бернштама. Работы эти являются продолжением известной двухлетней археологической поездки В. В. Бартольда в 1893—1894 гг. в Семиречье.² Только через 42 года вновь были серьезно поставлены вопросы, выдвинутые сначала Лерхом,³ а потом В. В. Бартольдом в отчете об упомянутой поездке. Центром внимания этой экспедиции в 1936 и 1938 гг. было археологическое изучение Тараза. Уже в 1936 г. удалось окончательно подтвердить предположение В. В. Бартольда, что древний Тараз надо искать на территории современного Аулие-ата, ныне Джамбула. Раскопками, проведенными на территории шахристана в его северо-восточном углу было вскрыто пять культурных слоев (V в. н. э.—XIX в. н. э.). Наиболее богатым оказался третий слой, дающий материал XI—XII вв., чем особо подчеркивается расцвет Тараза при караханидах. Находки в более древних слоях, среди которых особенно выделяется сосуд с сирийской надписью и варварское подражание римскому солиду V в., не только подтверждают, но и дополняют наши сведения из письменных источников о культурных связях Тараза с Передней Азией в древности и раннем средневековье. Экспедиция под руководством А. Н. Бернштама проделала большую работу и по изучению Таразского района. Здесь ею было установлено местоположение ряда населенных пунктов и городов, известных из письменных источников. В верховьях Таласа в КирССР был обследован так наз. гумбаз Манаса. Сотруднику экспедиции А. М. Беленицкому удалось прочесть надпись на памятнике, из кото-

¹ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмский алфавит. ВДИ, № 1—2, 1938. Там же в отделе „Хроника“ информация о работах Хорезмской экспедиции.

² В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. СПб., 1897.

³ П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870.

рой следует, что здесь находится могила Кенizeк-Хатун. Мавзолеем возведен ее отцом в конце XIV или в начале XV в. В верхнем Таласе обследовано было также несколько городищ, из которых некоторые удалось отождествить с известными в средние века городами Шельджи, Куль, Сус, и др.

В том же районе экспедиция вскрыла несколько курганов с катакомбами, где обнаружены были интересные предметы (стрелы, часть лука, колчаны и др.), характеризующие культуру кочевников I в. до н. э. — II в. н. э.

В долине р. Чу экспедиция внимательно осмотрела городище Ак-Пешин, причем ее наблюдения склоняются в пользу давно высказанного предположения В. В. Бартольда, что развалины города Баласагуна, игравшего большую роль в политической и культурной жизни караханидов и каракитаев в XI и XII вв., находятся в районе „башни Бураны“, куда и входит упомянутое выше городище Ак-Пешин.

В 1939 г. археологические работы ИИМК в братских среднеазиатских республиках развернулись особенно широко. Продолжались работы в Семиречье, в долинах рек Таласа, Чу, и было проведено предварительное обследование почти совсем неизученной в археологическом отношении долины р. Или. Главное внимание участники экспедиции 1939 г. обратили на памятники кочевого быта эпохи ранних кочевников III в. до н. э. — II в. н. э. — раскопки Берккаринского и Кенкольского могильников.¹

Экспедиция не только собрала в могильниках прекрасный археологический материал, частично уже выставленный в Эрмитаже (предметы Кенкольского могильника), но и установила, повидимому, местоположение в местечке Дунгене Каратальского района города Кыялыка и близ с. Чингильды — города Эквиуса. Успешные археологические работы, проведенные в Семиречье, являются значительным шагом вперед по сравнению с прекрасным для своего времени, упомянутым выше отчетом В. В. Бартольда. В 1939 г. проведена была также археологическая Зарафшанская экспедиция ИИМК и Государственного Эрмитажа под моим руководством. Одна партия этой экспедиции продолжила работу Г. В. Григорьева на Тали-Барзу и Кафыр-кале в окрестностях Самарканда, другая провела обследование городища Пейкенд, находящегося в песчаной степи в 9 км от станции Якатут Ашхабадской ж. д. В обоих пунктах экспедицией проведены раскопки, собраны интересные вещественные материалы, сделаны исторически важные наблюдения.

ГАИМК — ИИМК не только сам посылал археологические экспедиции или организовывал их совместно с другими научными учреждениями (Государственный Эрмитаж, Узкомстарис, Туркменский институт истории, Казахстанский филиал Академии Наук СССР, Комитет наук КирССР и др.), но и поощрял участие своих научных работников в экспедициях других учреждений.

В 1934 г. Государственным Эрмитажем совместно с Узкомстарисом была осуществлена экспедиция под моим руководством в древний Бухарский район для обследования: 1) остатков Кампыр-дувала — оборонительной стены, ограждавшей в древности культурный Бухарский оазис; 2) городища по известной в древности Самаркандской дороге на участке между железнодорожными станциями Кызыл-тепе и Катта-курганом. Экспедиция эта собрала большой материал как для выяснения истории Кампыр-дувала в древности вплоть до X в., когда он перестал существовать, так и для описания городищ Тавависа, Хазары, Дабусии

¹ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Семиречье в 1939 г. Краткие сообщ. ИИМК, IV, 1940.

и Арбинджана и других населенных пунктов по левому берегу Зарафшана. Среди других памятников этой экспедицией была открыта замечательная постройка на колоннах, древнейшая в Средней Азии мечеть в Хазара, относящаяся ко времени не позже начала X в., а по всей вероятности, к IX в. или даже к концу VIII в.

В 1934 г. научный сотрудник Г. В. Григорьев по поручению и на средства Узкомстариса провел работу по обследованию археологических остатков близ Каунчи в Янгиюльском районе УзССР. Богатый материал этих раскопок позволил автору поставить вопрос о культуре живших в этих местах саков.

Еще более интересны трехлетние работы Г. В. Григорьева 1936—1938 гг. в Тали-Барзу, в 6 км на юг от Самарканда.

Это замечательное городище, представляющее, по всей вероятности, остатки известного в древности Ривдада, соперника Самарканда, дало 6 культурных слоев — от первой половины I тысячелетия до н. э. и до VIII в. н. э.

Наиболее интересными по богатству материала являются слои „ахеменидский“ и „эллинистический“ Ценность работ на Тали-Барзу не только в том, что здесь вскрывается весьма интересное древнее поселение — укрепленная резиденция местного владельца, перерастающая в город, но и в том, что раскопки на Тали-Барзу позволяют иметь точно датированные типы керамики, благодаря чему можно установить более точные датировки для памятников из других мест древнего Согда.

Нельзя не отметить, наконец, выдающееся открытие ст. научного сотрудника ИИМК А. П. Окладникова, работавшего в 1938 г. на средства Узкомстариса в долине Сурхан-дарьи, где им впервые для Азиатской части СССР была обнаружена палеолитическая стоянка с остатками неандертальца.

Работники Сектора Средней Азии, ведя археологическую работу, в большинстве своем являлись историками, решающими важные вопросы прошлого Средней Азии на основе сочетания письменных источников, вещественных памятников и данных языка. Подводя итоги пройденному пути, следует подчеркнуть, что перед Сектором Средней Азии сам ход развития советской исторической науки поставил три крупных проблемы: 1) сложение и развитие дофеодального и феодального города Средней Азии; 2) дофеодальная культура Средней Азии, которая все больше раскрывается как культура рабовладельческого общества; 3) этногенез народов Средней Азии. За двадцать лет работы по археологическому исследованию Средней Азии работники ИИМК не только собрали большой фактический материал, но и в десятках напечатанных трудов значительно продвинули разработку ряда вопросов, помогающих разрешению вышеуказанных проблем.

ГАИМК — ИИМК стремился работать в контакте с научными учреждениями братских среднеазиатских республик, памятуя, что обмен опытом только поднимает на новую высоту нашу советскую науку. Более всего эту связь ИИМК удалось осуществить с Узкомстарисом, который за те же 20 лет проделал огромную работу по археологическому изучению Узбекистана и охране его памятников старины. Узкомстарисом много сделано как в области изучения дофеодального и феодального города, главным образом, на материале развалин Термеза, так и по изучению дофеодальной культуры Узбекистана — вспомним замечательные находки остатков дворца Бухар-худатов в Варахше, имеющие в полном смысле слова характер мирового открытия.

Вместе с ростом социалистической культуры в братских советских республиках Средней Азии, а также успешным освоением богатого

культурного наследия народов, их населяющих, все большее значение приобретает археологическая работа, поскольку она, с одной стороны, обогащает культурные ценности этого наследия новыми находками и открытиями, а с другой, на основе нового материала вместе со всеми другими источниками ставит и решает вопросы истории культуры народов Средней Азии.

А. Ю. Якубовский

II. СТАТЬИ

ПОСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО СОГДА

(По данным исследования городищ Самаркандского района)

Впервые в письменных источниках Согд (Сугуда) упоминается как одна из сатрапий Дария Гистаспа. В клинописных надписях Дария это название приведено в числе среднеазиатских провинций. Геродот упоминает эту страну в числе сатрапий Дария. Кроме того, мы узнаем, что во время второй греко-персидской войны согдийцы принимали участие в ополчении Ксеркса. Упоминается Согд и в Авесте. В дальнейшем о нем мы узнаем от историков похода Александра Македонского в Среднюю Азию в 329—327 гг. до н. э., когда Александр завоевал Согд и включил в состав своего государства.

В этот период Согдом называлась страна, расположенная в бассейне р. Зарафшан. Однако в Согд иногда включалась вся территория между средним течением Сыр-дарьи и Аму-дарьей.¹ После мусульманского завоевания Согдом называлась лишь восточная часть долины Зарафшана, примерно от города Дабусии.² В узбекский период это название носили лишь два тумана, расположенные к северо-западу от г. Самарканда, по среднему течению Зарафшана.³

Археологические исследования начались в долине Зарафшана вскоре после завоевания края русскими. Однако главное внимание исследователей было сосредоточено на архитектуре мусульманского периода. Кроме того, более или менее крупные раскопки производились на городище Афрасиаб, находящемся в г. Самарканде (предполагаемая Мараканда греческих историков). Здесь вели работы Борзенков (1874), В. В. Крестовский (1883), Н. И. Веселовский (1885),⁴ В. В. Бартольд (1904) и, наконец, в течение ряда лет В. Л. Вяткин.⁵

В 1936 г. по инициативе Самаркандского исторического музея начато было археологическое изучение Самаркандского района. Здесь сохранилось значительное количество руин древних поселений, представляющих собой огромные холмы, так наз. тепы. Научным сотрудником Самаркандского музея И. А. Сухаревым и нами был обследован район между Самаркандом, Зарафшаном и отрогами Зарафшанского хребта (Агалык-тау), на площади около 200 кв. км. Здесь зарегистрировано несколько десятков городищ, причем среди них выделился

¹ Страбон. География, кн. XI, гл. 8, § 8, перев. Мищенко.

² W. Tomaschek. Sogdiana, стр. 62, 63 и карта № 2.

³ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета. Справ. книжка Самарк. обл., вып. VII, 1902, стр. 57.

⁴ Н. С. Лыкошкин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае... Прот. Турк. кружка люб. арх. (ТКЛА), Ташкент, вып. 1, 1896, прилож., стр. 12 и 27.

⁵ Разведки и раскопки Л. Зимина (1913—1914) и А. Ю. Якубовского (1934) в Бухарском оазисе и В. Л. Вяткина в районе Катта-кургана (1929), а также мелкие рекогносцировки других исследователей относились, главным образом, к памятникам уже мусульманского периода.

один тип, дающий наиболее древние материалы. Эти городища имеют чрезвычайно характерные черты: в плане они представляют собой каре из разрушенных построек. В центре двора, образуемого этими постройками, находится высокий холм, также являющийся руинами зданий.

Обследованная местность представляет собой мягкий склон, идущий от отрогов Зарафшанского хребта в направлении к р. Зарафшану; он прорезан в меридиональном направлении рядом сухих русел.

Одним из этих русел, пересекаемых каналом Даргом, является Яманджар-сай, идущий от гор до городища Афрасиаб, где он впадает в арык Сиаб. На всем его протяжении расположен целый ряд городищ: Джин-тепа, Кафир-кала, два безымянных, Найза-тепа, Тали-Барзу, Каварзор-тепа и, наконец, Афрасиаб. Все эти городища, как расположенные на юг от Даргома, в ныне безводной степи, так и в орошенной полосе, дают одинаковый археологический материал и одинаковые строительные признаки (за исключением Афрасиаба, где город мусульманского периода уничтожил остатки домусульманских построек). На одном из этих городищ — Тали-Барзу — были проведены раскопки.¹

Городище² расположено в 6 км на ЮЮВ от Самарканда. Оно занимает площадь около 5 га и отличается характерным для архаических городищ планом. Городище представляет собой каре из разрушенных построек, и посреди двора стоит высокий холм, также являющийся руинами зданий.

Исследования показали, что городище Тали-Барзу должно соответствовать городу Ривдаду, который известен как местопребывание ихшидов — домусульманских владетелей Согда. Район, центром которого являлся Ривдад, носил название Маймург. О нем В. В. Бартольд пишет: „По количеству деревьев и замков и по густоте древесных насаждений первое место занимал Маймург, находившийся непосредственно к югу от Самарканда. Между его главным селением Ривдадом, где находились замки домусульманских владетелей Согда, и Самаркандом был всего один фарсах“³

Раскопки на городище показали, что вся толща культурных наслоений, доходящая в каре городища до 8 м, а в центральном холме до 18 м, представляет собой напластование не менее шести слоев. В течение многих веков возводились здесь здания, причем старые разрушались и на их руинах воздвигались новые (рис. 2).

Прежде всего исследование позволило наметить, конечно в самых общих чертах, хронологию шести основных слоев городища:

ТБ I — вторая четверть I тысячелетия до н. э.

ТБ II — V—IV вв. до н. э.

ТБ III — III—II вв. до н. э.

ТБ IV — I в. до н. э. — II в. н. э.

ТБ V — VI—VII вв. н. э.

ТБ VI — конец VII — начало VIII в. н. э.

¹ В 1936, 1937 и 1938 гг. работы производились силами Самаркандского музея под руководством автора, а в 1939 г. отрядом под руководством автора в составе совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа под общим начальством А. Ю. Якубовского.

² Городище Тали-Барзу несколько раз упоминалось в печати (В. Л. Вяткин, Справ. книжка Самарк. обл., VIII, 42; Изв. Средазкомстариса, вып. 3, стр. 279; Прот. ТКЛА, 1900, стр. 35). Однако описания его сделано не было. В. Л. Вяткин лишь высказал предположение, что это погребение домусульманского периода. Предварительная заметка о работах 1936 г. была опубликована в журнале „Социалистическая наука и техника“ (Ташкент, 1938, № 2—3).

³ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, 1910, стр. 105.

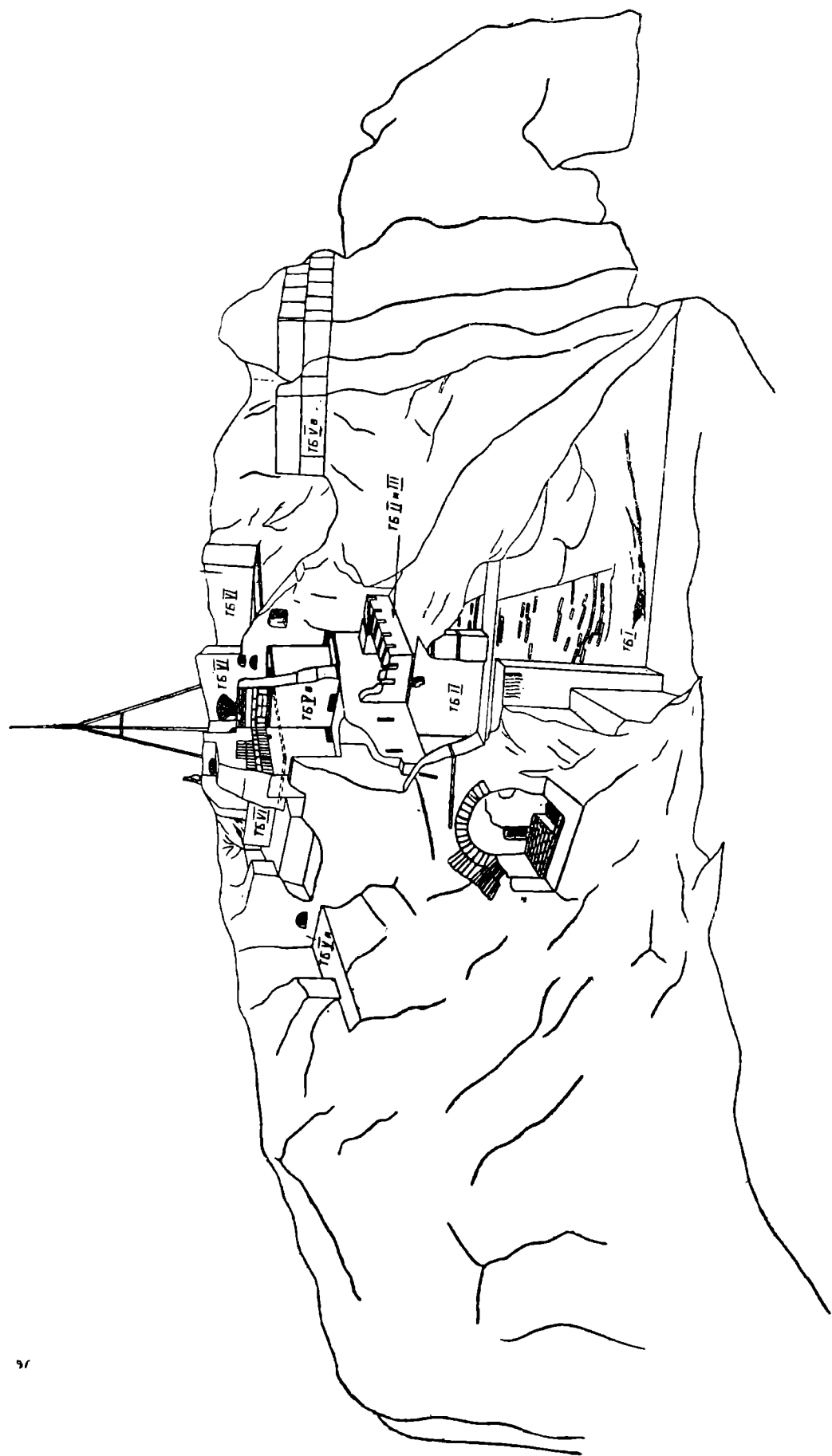

Рис. 2. Талик-Барзу. Зачистка северного склона центральной вышки городища.

Самый древний слой (ТБ I) обнаружен под центральным холмом. Здесь лежит прекрасно изолированный слой, содержащий остатки культурных растений, кости домашних животных, керамику и, наконец, терракотовые статуэтки. С этим слоем связывается здание, сложенное из сырцового кирпича, скрытое под более поздней постройкой ТБ II (рис. 2).

Формы керамики здесь чрезвычайно характерны. Обращают на себя внимание вазы на высоких ножках, окрашенные красной ангобой без лощения. Эта форма генетически восходит к формам, распространенным в Иране и Туркмении, начиная с III тысячелетия до н. э.¹ Архаические черты заметны и в других формах, хотя керамика уже приготовлена на гончарном круге. Обращает на себя внимание подставка для вертела („шашлычница“) в виде стенки из глины, причем края ее изображают голову барана. Эта форма известна в сакской культуре по Сыр-дарье. Подобные же вещи известны на Кавказе и в Западной Европе, хотя там они относятся к более раннему периоду.

Статуэтки из этого слоя носят архаические черты. Наиболее древней формой, характерной для этого слоя, является статуэтка, головка которой представлена на рис. 3, а.² Это, повидимому, статуэтка женщины; на голове ее „скифский“ колпак, сзади прикрывающий шею. Над лбом обозначена стленгида — нечто вроде кокошника (хотя, возможно, что это челка). Лицо имеет крупные глаза и большой нос. Другой тип статуэток изображает женщину с полным лицом, крупными глазами и большим носом, украшенную серьгами и гривной.³ (рис. 4, а). Женщина эта одета в длинную рубаху, штаны и обувь, доходящую до лодыжек. На некоторых статуэтках видно, что иногда на плечи накинута мантия. Одной рукой она указывает на половые органы, а в другой держит между грудей флакон. Повидимому, перед нами богиня воды и плодородия Анахита, и именно Анахита Авесты, где она описывается всегда в богатых одеждах.⁴ Другие статуэтки дают иной тип лица и причесок. Одеты они примерно так же, как и Анахита (рис. 4, б).

Второй слой Тали-Барзу перекрывает первый. В этот период возникло то огромное здание, которое занимает всю площадь городища. Старые постройки забиты глиной, устроена платформа и на ней воздвигнуты новые постройки. В центре возникает здание с бойницами (рис. 2, ТБ II и III). Все вместе представляет собой единый строительный комплекс. Углы его укреплены башнями с бойницами. Между башнями идет ряд комнат, перекрытых сводчатыми потолками, сложенными из сырцового кирпича и глины. Внешняя стена комнат является и внешней стеной крепости. Комнаты освещаются узкими бойницами по одной в каждой комнате. Комнат было не менее 500. Башни около углов стояли по несколько в ряд.

Материал из этого слоя отчасти сходен с материалом из предыдущего слоя, но включает и ряд новых форм. Появляются сосуды

¹ Ср.: E. F. Schmidt. Tepe Hissar. Excavations 1931. The Museum Journ., № 4, 1933, Philadelphia, т. XXIII, стр. 341.—R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan, т. I, 1908, табл. II, стр. 186.

² Данная головка статуэтки происходит из подъемного материала, но в слое найдены фрагменты этого же типа. Полная ее форма приведена в труде С. Trever „Terracotas from Afrasiab“ (М.—Л., 1934, рис. 148). Материалы, приведенные в данной статье, принадлежат Самаркандскому музею (рис. 3, а, б, г и рис. 4, а, б), Гос. Муз. этнографии в Ленинграде (рис. 3, в) и Гос. Эрмитажу (рис. 3, д, е и 4 в, г, д, е).

³ Подобная статуэтка издана В. Л. Вяткиным, как происходящая с Афрасиаба. Ср.: Афрасиаб городище былого Самарканда. Ташкент, 1928, рис. 14.

⁴ J. Darmesteter. Le Zend Avesta. Paris, 1892, т. II, стр. 382 (Aban Jacht 5, § 64 и во многих других местах).

с ленточным орнаментом в виде нескольких переплетающихся кругов. Ручки некоторых сосудов изображают животное. В значительном количестве обнаружены курильницы, которые имеются уже в предыдущем слое. Статуэтки дают новые формы (рис. 3, б). Обнаружено изображение человеко-быка, прочерченное на стенке сосуда. Это авестийское божество Гупат-шах, который связан с луной, является покровителем авестийского рая (*var'a*), „он постоянно находится на берегу моря, приносит жертву и совершает возлияния“. ¹

Материалы из двух нижних слоев Тали-Барзу характерны для всех городов данного района на определенном этапе истории Согда.

Мы можем себе представить, что в ахеменидский период здесь имелось довольно густое население, жившее в родовых укрепленных поселениях. Это население было оседлым и знало искусственное орошение, причем для истории ирригации важно отметить, что в то время существовала система орошения, основанная на совсем иных, в последующее время исчезнувших источниках водоснабжения.

Вокруг таких поселений оазисами располагались посеы, сады и виноградники, причем мы даже знаем сорта разводимых растений.

На ряду с земледелием, было известно и скотоводство, причем большую часть стада составлял крупный рогатый скот. В прирученном состоянии был, повидимому, кулан.

Украшения на статуэтках говорят о том, что здесь была развита обработка драгоценных металлов. О внешнем виде украшений мы можем судить по вещам из так. наз. амударьинского клада, найденного на берегах Аму-дарьи и частично относящегося к рассматриваемому нами периоду. Это прекрасные ювелирные изделия, гривны, браслеты, статуэтки, нашивки на одежде с изображениями животных и людей, часто инкрустированные драгоценными камнями. ² Статуэтки из нижнего слоя Тали-Барзу сами по себе свидетельствуют о высоком уровне развития этого искусства.

Костюм, переданный на статуэтках, дает представление об одежде древнего населения Согда. На одних статуэтках мы видим характерный „скифский“ костюм, ³ на других мантию с ложными рукавами, накинутую на плечи, которая так характерна для восточноиранского мира ⁴ и сохраняется до настоящего времени в Афганистане (кусева).

Во второй половине ахеменидского периода в Согд проникает западноиранское мидийское влияние. Появляются статуэтки в типично мидийском костюме (рис. 3, б). На нашем рисунке изображен персидский царь или сатрап. На голове его корона с зубцами, уши прикрыты волосами. На нем длинные одежды с характерной трактовкой поперечных складок на нижней части фигуры. Статуэтка чрезвычайно близка к изображениям ахеменидских царей на цилиндре из коллекции de Clercq'a ⁵ и монетах ахеменидов.

Таким образом мы видим, что в высшем слое общества древний арийский костюм сменяется новым западным. Такой же процесс про-

¹ J. Darmesteter, ук. соч., Jacht 9, сноски 23; *Iasna*. Н. 1, § 11. По поводу данного изображения К. В. Тревер написано обстоятельное исследование, которое печатается в издании Гос. Эрмитажа.

² O. M. Dalton. *The Treasure of the Oxus*. London, 1905.

³ Ср. рис. 4, а и б и у С. Trever (ук. соч., рис. 148).

⁴ Ср.: O. M. Dalton, ук. соч., рис. 2, 7, 69.

⁵ I. Menant. *Recherches sur la glyptique orientale*, 1886, p. 174. Повидимому, исходным изображением для этого типа корон является корона Дария I на Бисутунском рельефе. — Stanley Casson. *Achæmenid Sculpture*.—A. U. Pope. *A. Survey of Persian Art*. London—New York, 1938, т. I, стр. 352, фиг. 83.

Рис. 3.

a — ТБ I, головка статуэтки в „скифском“ головном уборе; *б* — ТБ II, статуэтка, изображающая ахеменидского царя или сатрапа; *в* — Самарканд, терракота, изображающая колесницу с тремя нимфами в паланкине и сидящим Бесом впереди (приобретение С. М. Дудина 1902 г.); *г* — ТБ IV, буддийский образок; *д* — Кафир-кала, статуэтка человека тюркского типа с булавой в левой руке (атрибут тюркского хакана) и веткой в другой (барсом — атрибут зороастрийского культа) *е* — Кафир-кала, оттиск с глиняного штампа, изображающий лицо человека в шлеме в виде головы хищника (увел. $\frac{1}{3}$).

Рис. 4.

а— ТБ I, статуэтка богини Анахиты; *б*— ТБ I, реконструкция статуэтки в восточноарийском costume; *в*— ТБ IV, монеты конца I в. до н. э. из числа 29, найденных на городище; *г*— ТБ II, изображение лица человека под ручкой сосуда греческого стиля; *д*— ТБ III, изображение лица человека в каннелюрчатой короне с фатой, повидимому богини Атаргатис; *е*— Кафир-кала, оттиск на стенке сосуда головы человека в шлеме.

исходил и в других местах. Так, мидийский костюм был заимствован ахеменидами, а много позже парфянами.¹

Как отмечено выше, согдийцы жили в укрепленных поселениях, построенных по определенному канону. Уже С. П. Толстов обращался к Авесте как источнику, отразившему в известной мере строительный канон древних арийцев Средней Азии.² Несомненно, тот идеал поселения рода арийцев, райский „var“, который описывается в Авесте, имел реальные основания. Перед творцами Авесты стояли эти родовые поселения, представляющие собой единый комплекс построек, квадратный в плане, сложенный из глины. Ахура Mazda приказывает Ииме, сыну Виванхата, при приближении зим несчастий (соответствующих библейскому потопу): „Сделай там один var длиной в бег лошади по каждой из четырех сторон“.³ Далее Ахура Mazda учит, как надо строить var: „мни землю твоими пятками и меси твоими руками, как делает теперь горшечник, который разводит землю и ее разбавляет“⁴

Кроме того, из Авесты мы узнаем, что дворцы имели „десять тысяч больших окон, десять тысяч малых“. В последних мы усматриваем бойницы, обнаруженные на Тали-Барзу и других городищах.

Изображения богини Анахиты и Гупат-шаха, курильницы, обломки оссуариев и т. д.—все это с несомненностью говорит о том, что здесь был распространен культ Заратустры.

Исследование городищ этого периода ставит целый ряд вопросов. Во-первых, встает вопрос о происхождении самой системы поселений. Надо ли искать корни их где-то за пределами Средней Азии или же они возникли на месте из более ранних форм жилища? Несомненно, большинство строительных приемов этих городищ мы находим в архитектуре городищ Месопотамии гораздо более ранних периодов, чем Тали-Барзу, однако, здесь, на почве Средней Азии, мы можем проследить все этапы развития их, начиная от пещеры, вырытой в лессе. Эти пещеры, обнаруженные раскопками на Сыр-дарье, представляют собой узкие коридоры (примерно 1.75 × 6 м) со сводчатыми потолками и относятся, по видимому, еще к периоду бронзы. Следующим этапом являются жилища одного из самых диких народов, отмеченных во время похода Александра Македонского, парапамизадов — жителей Гиндукуша. Курций сообщает, что они сложены из кирпичей и сходятся наверху, наподобие корабельного днища,⁵ т. е. пред нами та же пещера в виде коридора, но уже сделанная на поверхности земли. Соединение нескольких таких построек в одну образует укрепленный дом, который мы неоднократно находим в раскопках древних поселений Средней Азии.⁷

Вокруг подобных домов располагаются остатки неукрепленных жилищ. Назначение этих мощных построек не вызывает сомнений. Аналогичные здания еще в XVIII в. служили в Восточном Туркестане убежищем больших семей на случай нападения врагов.⁸ Глинобитные жилища, располагавшиеся вокруг центральных зданий, в конце концов

¹ Юстин, кн. 41, гл. 1.

² История СССР. На правах рукописи, ч. 1, 1939, стр. 186.

³ J. Darmesteter, ук. соч., Vend., farg. 2, § 25. Бег лошади на ипподроме равен 2 милям (ук. соч., т. 1, стр. 25, сноска 23).

⁴ Там же, § 31. Пользуюсь переводом Дарместетера 1892 г., как наиболее логичным.

⁵ J. Darmesteter, Jacht 24, § 45.

⁶ Q. Curtii. Rufi de gestis Alex. mag. VII, 12. F. Schwarz несомненно ошибается, когда видит в этом сообщении описание купола. Ср. его работу „Alexander d. Gr. Feldzüge in Turkestan“, 1893, стр. 90.

⁷ Ср.: Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР. Ташкент, 1935; Согдийский сборник, 1934.

⁸ Иакинф. Описание Чжунгарии и Вост. Туркестана, ч. II, 1829, стр. 233—234.

слились в единую постройку и, подчиняясь квадратной форме отдельных жилищ, образовали каре. Возможно, что именно в этом процессе, а не в заимствованиях, мы должны искать объяснение возникновения жилищ согдийцев.

Весьма интересен вопрос, в каких отношениях стояла культура Согда к культуре западного Ирана. Кроме того, что согдийцы платили дань в денежном выражении и участвовали в походах персидских царей, мы знаем, что при постройке дворца Дария I в Сузах согдийцы доставили камень ляпис-лазули и киноварь.¹ Как известно, ляпис-лазули добывается на территории древней Бактрии (Бадахшана), а киноварь в Фергане.² Не были ли уже тогда согдийцы посредниками в торговле? Возможно, что и ликиец Фарнух, один из доверенных лиц Александра Македонского, знавший согдийский язык,³ изучил его во время торговых посещений Согда; очевидно, научиться согдийскому языку он мог только в Согде, причем, повидимому, он не был чиновником ахеменидов, так как в последнем случае его переход к Александру историки, несомненно, отметили бы. Кроме того, известно, что на территории Согда существовали города (Мараканда, Кирополь и др.) и даже греческая колония бранхидов, уничтоженная Александром.⁴ Сопоставление письменных известий с археологическими данными говорит о том, что культура Согда ахеменидского периода стояла на относительно высокой ступени развития.

Остальные слои Тали-Барзу дают гораздо меньше материалов для характеристики жизни населения, оставившего их.

Третий слой уже относится к периоду после завоевания Александра Македонского.

Надо полагать, что завоевание оказало большое влияние на жизнь народов Средней Азии, но мы не располагаем письменными сведениями о Согде в этот период. Несомненно лишь то, что в отношении искусства влияние греков было очень значительным. Появление греческих форм в искусстве на территории Средней Азии знаменует собой большие изменения в идеологии населения.

К сожалению этот период в жизни Согда археологическими исследованиями освещен чрезвычайно слабо. Мы имеем лишь отдельные находки греко-бактрийских монет и предметов, несомненно греческого происхождения (рис. 3, в).

Наши исследования показали, что культура ахеменидского периода здесь резко сменяется культурой греческой. Ахеменидские слои городища Тали-Барзу перекрываются слоем, в котором мы находим вещи только с несомненно греческим влиянием. Появляются греческие формы керамики⁵ и греческие изображения (рис. 4, г, д). Однако в остальном ощутимых результатов греческого владычества не заметно. Во всяком случае на территории Согда в архитектуре непосредственного греческого влияния не сказалось.

В середине II столетия до н. э. Согд был завоеван кочевниками, надвинувшимися из западного Китая и с севера Средней Азии. Образовалось царство юечжей. О Согде в этот период письменные источники не упоминают, и поэтому слой ТБ IV, сменивший эллинистический

¹ E. Herzfeld. *Altpersische Inschriften. Erster Ergänzungsband zu den archäologischen Mitteilungen aus Iran*. Berlin, 1938, стр. 18.

² М. Е. Массон. К истории добычи ртути в Ср. Азии. Журн. „Народное хозяйство Средней Азии“, 1930, № 5. — Д. В. Мушкетов. Геологический очерк Туркестана, 1928, стр. 68—69.

³ Арриан. Анабазис, кн. IV, гл. III, перев. Н. В. Коренькова.

⁴ O. M. Dalton, ук. соч., стр. 31.

⁵ Ср. эпохоу в моей статье „Тали-Барзу“ (журнал „СОНАТ“, Ташкент, 1938, № 2—3, рис. 7).

слой Тали-Барзу, представляет большой интерес. Прежде всего становится ясным, что вся культура этого слоя находится в полной зависимости от культуры греко-бактрийского периода, однако в вещественных материалах заметно значительное огрубение.

В этот период ахеменидское здание Тали-Барзу, которое было использовано и в эллинистический период, в большей своей части подверглось перестройке. В различных местах его появляются новые здания, построенные по совершенно иным принципам с иным строительным материалом.

На смену эллинистическим появляются буддийские изображения (рис. 3, 2). В связи с этим встает вопрос о том, когда проник буддизм в эти районы. Традиционное мнение связывает значительное распространение буддизма с царствованием царя-буддиста Канишки в конце I в. н. э. Однако целый ряд исторических сведений говорит, что уже с III в. до н. э. принимались меры к распространению буддизма далеко за пределы Индии.¹ К тому же известно, что уже на монетах Кадфиза I стоит буддийская формула „защитник истинной веры“.² По нашим материалам уже в I столетии до н. э. в долине Согда появляются буддийские образки.

В том же слое ТБ IV найден обломок сосуда с процарапанным на нем словом, которое, по исследованию А. А. Фреймана, является древнейшей из известных до настоящего времени надписей на согдийском языке.³

Кроме буддийских статуэток, здесь появляется какое-то новое божество, представленное статуэткой, изображающей всадника с огромным носом и глазами. На голове его диадема с семью точками, изображающими, повидимому, венец царей юечжей с семью драгоценными камнями, как ее описывают китайские хроники.⁴

К этому же времени относится клад серебряных монет в количестве 29 шт., найденный на городище (рис. 4, в). Они восходят к типу, описанному Allotte de la Fuje с именем Антиоха, относимому автором к концу II в. до н. э.⁵ Наши монеты более поздние и имеют на лицевой стороне следы согдийской надписи.⁶ Эти монеты, повидимому, чеканились в Согде в конце I в. до н. э.

В этот период Согд, по всей вероятности, входил в состав юечжийско-кушанского царства, и есть некоторые основания предполагать, что центром его был город Кушания, находившийся недалеко от современного Катта-кургана.⁷

В Кушанский период согдийские торговцы проникают далеко на восток вплоть до Китая.⁸ Городища, соответствующего древней Кушании, до настоящего времени еще не найдено, но, несомненно, поиски его должны быть организованы и должны увенчаться успехом.

Период с III по V в. н. э. совершенно не освещен ни письменными источниками, ни археологическими данными. Из письменных источников известно лишь, что в V и в начале VI в. Средняя Азия была в подчинении у эфталитов. Городище Тали-Барзу в период III—

¹ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, 1903, стр. 11.

² Allotte de la Fuje. Monnaies incertaines de la Sogdiane. Extrait de la Revue Numismatique, 1910, I, стр. 121.

³ А. А. Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. ВДИ, 1939, № 3, стр. 135—136.

⁴ Иакниф. III, стр. 181 и 182.

Allotte de la Fuje, ук. соч., IV сер., 1925, т. 28, ч. II, стр. 47. Таблица в предыдущей части работы (1910), X (VI), 7—12.

⁶ Там же, стр. 156.

В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 11, 93 и сл.

⁸ H. Reichelt. Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. ч. II, 1931, стр. 6.

V вв. лежит в развалинах. Повидимому, подобная же участь постигла и некоторые другие города и не только Согда; встает вопрос, не находится ли это в связи с усилением Кушании, что могло повлечь за собой насильственное уничтожение прежних центров.

Более полное представление об истории Согда мы получаем со времени завоевания его тюрками в шестидесятых годах VI в.

В период VI—VII вв. в долине Согда китайские источники упоминают целый ряд мелких царств. Долина Согда в этот период описывается как цветущая страна, со значительным развитием городской жизни и торговли.¹ Колонии согдийцев распространяются далеко на север и восток вплоть до Китая.² В середине VII в. Согд на короткий период становится в зависимость от Китая.³

К этому времени относится пятый слой Тали-Барзу. Исследования показали, что жизнь в этом месте снова возрождается. При этом остатки старых построек разрушаются и забиваются глиной. Вся площадь обносится толстой стеной. На центральном холме на одиннадцатиметровой высоте возникает мощное здание, сложенное из огромных глиняных блоков. Материал из этого слоя резко отличается от всего того, что было нам известно из предыдущих слоев. Бросается в глаза то, что вещи здесь повторяют в глине так наз. сасанидское серебро. Тут характерные блюда с тисненными изображениями растений и животных, сасанидские кувшины, чашки, сосуды с тисненными изображениями человеческих лиц и статуэтки. На другом городище Кафир-кале обнаружен целый квартал гончаров, где подобные вещи находятся в большом числе. Тип изображенных людей — турецкий (рис. 3, д, е и 4, е). Это прекрасно вяжется с сообщениями письменных источников об установлении власти тюрков. Любопытно, что часть статуэток изображена с атрибутами зороастрийского культа, что указывает на быстрое подчинение завоевателей старой согдийской культуре и на возрождение зороастризма. Монеты из этого слоя — бронзовые литые по китайскому образцу, но с согдийской надписью. До настоящего времени эти монеты не были прочитаны и только теперь, в результате работ на этих городищах, они обратили на себя внимание и нашли надлежащее объяснение.⁴ На одной из монет имеется имя Вашумана, царя Согда, назначенного китайским императором в 650—655 гг. Таким образом все это подтверждает сообщения письменных источников о тесной связи Согда с Китаем. Материал, подобный описанному выше, находится и на других городищах Самаркандского района и, между прочим, на городище Афрасиаб.

К этому же периоду (VI—VII вв. н. э.), если не к более раннему, относится раскопанный участок городища, расположенного в другом конце долины Согда, в Бухарском оазисе. Здесь в 1937 г. В. А. Шишкиным было начато исследование городища Варахша. В песчаной пустыне, на площади более 500 кв. км, разбросано до сотни городищ. Город Варахша был столицей домусульманских владетелей Бухарского оазиса. Раскопки, проведенные здесь, вскрыли остатки дворца, стены которого были украшены прекрасной алебастровой скульптурой. Изображения людей, зверей, птиц, рыб и растений когда-то составляли фриз, украшавший стены здания.

¹ St. Julien. Mémoires sur les contrées occidentales... par Hiouen Tchang. Paris, 1857, pp. 18—21. — E. Chavannes. Documents sur les ou-Kiue occidentaux. — Сб. трудов Орхонской экспедиции, СПб, 1903, стр. 132—134.

² P. Pelliot. Le Cha Tcheou Tou-Fou Tou King et la Colonie Sogdienne... Journ. Asiatique, 1916, janvier-février. II série, т. VII, стр. 121—122.

³ E. Chavannes, ук. соч., стр. 135.

⁴ А. А. Фрейман. К имени согдийского илхида Гурека. ВДИ, № 3 (4), 1938, стр. 147. — О. И. Смирнова. О трех согдийских монетах. ВДИ, № 1, 1939, стр. 116.

Раскопки последующих лет вскрыли одну из стен зала дворца или храма, на которой была обнаружена живопись, исполненная по красному фону в четыре краски. Сюжетами являются шествия животных и сцены охоты, повидимому, индийского царя на львов и грифонов.¹ Возможно, что на других стенах будут открыты изображения царей иной национальности. Так, от китайцев мы узнаем, что на восток от г. Кушании было двухэтажное здание. „На северной его стене красками написаны древние императоры срединного государства, на восточной — дулгасские ханы и индийские владетели; на западной — владетели босыские и фолинские. Владетель, учинив поклонение перед ними, уходит“.² Повидимому, стены были украшены не только в храмах, но и в частных жилищах. Так, Аммиан Марцеллин сообщает, что около Ктесифона была одна дача. „По всем стенам дома были развешаны картины туземного письма с изображением царя, убивавшего зверей на разного рода охотах. Вообще у персов живопись и скульптура имеют только один сюжет — убийство и война“³ Но до настоящего времени мы не знали, как выглядит эта живопись, которая, повидимому, была широко распространена на территории Средней Азии и Ирана. Чрезвычайно важно то, что скульптура и живопись Варахши говорят о большей связи с искусством Индии, чем сасанидского Ирана.

Не меньшее значение для науки имеет открытие другого согдийского замка в верховьях Зарафшана, недалеко от сел. Захматабад, на горе Муг, в котором укрылся от арабов „согдийский царь, самаркандский господин Дивастич“.⁴ Здесь экспедицией А. А. Фреймана были обнаружены остатки двухэтажного здания из сырцового кирпича, с характерными комнатами в виде ряда параллельных узких коридоров со сводчатыми потолками. В развалинах было найдено большое количество различных вещей и, между ними, 81 документ из архива царя на согдийском языке. Документы написаны на бумаге, коже и палках. Это первая находка согдийских документов на территории Согда. Кроме архива, в раскопках были найдены печати с изображениями людей и животных, монеты серебряные и бронзовые, литые по китайскому образцу с именами согдийских царей, обломок щита с написанным на нем красками всадником, оружие и ткани шелковые и хлопковые, деревянная и гончарная посуда и пр.

К этому периоду (конец VII — начало VIII в. н. э.) относится последнее здание Тали-Барзу, с которым и прекратилась жизнь на нем. Оно построено на забитом глиной здании ТБ V (рис. 2). К сожалению большая часть его уничтожена и вскрыто всего несколько служебных комнат. В полу одной комнаты найдено несколько монет согдийского царя Тархуна⁵ (до 710 г. н. э.) и бухар-худаа этого же периода. Впервые на территории Согда появляется поливная керамика. Кроме того, найдены различные предметы обихода и оружие.

В отношении поселений Согда, их внешнего облика арабское завоевание оказало очень сильное влияние. Установление прочной центральной власти делало ненужными укрепления отдельных поселений. Против нападений крупных шаек кочевников в первые столетия арабского владычества, вокруг целых районов возникают длинные стены. Так,

¹ В. А. Шишкин. Новые данные по искусству Согдианы. Искусство, № 5, 1938, стр. 148 и сл. Его же доклад 19 II 1939 в ИИМК и сообщение Ю. П. Гремячинской 8 IV 1940 г. в Доме архитектора в Ленинграде.

² Иакинф, III, стр. 246, под 742 годом.

³ Аммиан Марцеллин. История, XXIV, 6, 3, под 368 г., перев. Ю. А. Кулаковского.

⁴ Согдийский сборник, Лгр., 1934 (статья А. А. Фреймана, стр. 12 и В. А. Крачковской и И. Ю. Крачковского, стр. 53).

⁵ О. И. Смирнов, укр. соч.

если к домусульманскому периоду традиция относит возведение стен вокруг Согда, то бухарский, шашский и исфиджабский „камфир-дувалы“ возникли после арабского завоевания.¹ Зато еще сильнее укрепляются города, базары, сторожевые пункты на торговых путях и стратегические пункты. Но вопрос о поселениях этого периода уже не является темой настоящей работы.

Г. В. Григорьев

СОГДИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

Вопрос о согдийской колонизации Семиречья еще в 1927 г. был предметом рассмотрения В. В. Бартольда.² Но археологический материал по этой теме не был и не мог быть привлечен в то время. В. В. Бартольд мог использовать лишь данные письменных источников. Сведения же письменных источников о согдийской колонизации не старше VII в.³ и главным образом сосредоточены в мусульманской литературе. В ней наиболее ценными являются: безымянная персидская рукопись X в. Худуд ал-Алем („Границы мира“)⁴ и сочинение автора XI в. Махмуда Кашгарского.⁵ Многие исследователи считают возможным говорить о колонизационной деятельности согдийцев в Восточном Туркестане уже с I в. н. э.⁶ Для Семиречья таких данных нет, но поскольку путь в Восточный Туркестан лежал через Семиречье, последнее автоматически включалось в сферу влияния согдийской колонизации.⁷ Имеющиеся в распоряжении историков письменные документы относились ко времени на шесть и даже десять веков позднее того периода, когда предполагалось начало колонизационной деятельности согдийцев. Собранные А. Штейном и переведенные Х. Рейхельтом документы из Восточного Туркестана не изменили положение дел.⁸ Семиречье в них не упоминается. Однако исторический прогноз, с некоторыми поправками в части хронологии, получил свое подтверждение на археологическом материале благодаря систематическим работам по археологическому изучению Семиречья, проводимому Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра совместно с Казахстанским филиалом Академии Наук, Комитетом наук при СНК Киргиз-

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 26—27.

² В. В. Бартольд. К вопросу об языках согдийском и тохарском. ИРАН, т. I, 1926.

³ St. Julien. Histoire de la vie de Hiouen-Tsang et de ses voyages dans l'Inde depuis l'an 629 jusqu'en 645. Paris, 1853. — Он же. Mémoire sur les contrées occidentales. Paris, 1857.

⁴ Ср.: Бартольд. Худуд ал-Алем, Лгр., 1930. — V. Minorsky. Hudud al Alam. GMS, New series, XI, London, 1937.

⁵ Ср. В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском, стр. 36 и сл. — W. Barthold. Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islams, т. XIV, т. XV, 3/4, т. XVII, 1/2.

⁶ Ф. Розенберг. О согдийцах. ЗКВ, т. I. — Он же. Согдийские „старые письма“. К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии. ИОН, № 5, 1932.

⁷ Пути могли лежать и не через Семиречье, напр. через Фергану. А. Herrmann (Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom um 100 nach Chr. Geb., Leipzig, 1922), отмечает, что было три пути — северный (через Хами), южный (Чачкалик, Хотан, Яркенд), средний (Лобнор и бассейн Тарима). Кроме того, были пути через Памир и Гиндукуш, между Кашгаром и Ферганой. Ср. его работу „Die alten Seidentrassen zwischen China und Syrien“ (1910). Однако, путь через Семиречье оставался одним из наиболее древних.

⁸ A. Stein. Serindia. Oxford, 1921, т. II, стр. 67. — H. Reichelt. Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. I. Die buddhistischen Texte, Heidelberg, 1928; II. Die nichtbuddhistischen Texte, Heidelberg, 1931.

ской ССР и Государственным Эрмитажем.¹ Параллельное изучение данных археологических источников и письменных свидетельств позволяет выяснить не только значение колонизации, но и поставить вопросы о ее периодизации, а также уточнить датировку начала этой колонизации.

Согдийской колонизации предшествовал в Семиречье процесс культурных влияний с Запада, начиная с эпохи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.). Этому должно быть отведено определенное место при анализе памятников скульптурной бронзы, обнаруженной в Семиречье, — столов-жертвенников и светильников.²

К порядку чисто культурных влияний Запада в IV—II вв. до н. э., правда далеко не систематических, относится, например, появление грекобактрийских элементов в искусстве кочевников Северного При-тяньшанья.³ Брактеаты с изображением сатиров и медуз (возможно горгоны), недолго просуществовав, снова уступили место изображениям голов льва, тигра и других животных, более близких идеологическому уровню кочевников.⁴ Греко-бактрийское искусство в противоположность искусству Восточного Туркестана, Северной Индии и Согда не вошло органически в искусство кочевников Семиречья.⁵ „Звериный стиль“ кочевников так и не уступил место западному искусству.

Семиречье негостеприимно приняло Александра Македонского; 80 пройденных им стадий к востоку от Сыр-дарьи в дневной переход его войск, о чем согласно (с несущественными вариантами) сообщают Арриан⁶ и Квинт Курций,⁷ говорят о том, что греки даже не дошли собственно до Семиречья. Таким образом в IV в. до н. э. не было непосредственного влияния культуры Запада на культуру кочевников Семиречья. Походы Эфтидема вряд ли достигли Семиречья, тем более Сибири, как это предполагает В. Тарн.⁸ Вместе с тем следует признать, что влияние грекобактров на культуру Семиречья было достаточно сильное, но оно не сопровождалось непосредственным заселением Семиречья, а проходило главным образом через торговые взаимоотношения. Такое положение оставалось до рубежа нашей эры. Изменяется оно лишь с первых веков нашей эры. В ранних памятниках Семиречья рубежа нашей эры в курганах кочевников появляются уже серии вещей, изготовление которых трудно относить к далеким от этих мест странам. Мы имеем в виду, например, керамику, сделанную

¹ А. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 4 (9), 1939. — Он же. Археологические работы в Семиречье. Краткие сообщ. ИИМК, вып. IV, 1940.

² Находки 1937 г. на оз. Иссык-куль не опубликованы и хранятся в Государственном Эрмитаже, в отделе „Искусство и культура Средней Азии“. См. также сбсрник в честь С. Ф. Ольденбурга (Лгр., 1934, стр. 477 и сл.), где опубликован жертвенник, найденный еще в 1912 г. под Алма-Атой.

³ М. Воеводский и М. Грязнов. Усуньские погребения на территории Киргизской ССР. ВДИ, 2 (3), 1938.

⁴ О наличии звериного стиля в эту эпоху в Северном При-тяньшане см.: А. Бернштам. Берккаринская пряжка. О скифской традиции в сарматском искусстве. Известия КФАН (печ.). О замене грекобактрийских сюжетов местными сюжетами (замена позы Ганимеда — буддийской танцовщицей; Геракла с Бахусом — буддийским демоном *Atavika*, ведущим мальчика; античной Горгоны и Медузы — львом в хотанской терракоте: той же Горгоны — орнаментом и т. д.). См.: A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925.

⁵ Этим влияниям посвящена большая литература. См. по Восточн. Туркестану: A. von Le Coq. Die buddhistische Spätantike in Mittelasiens. Berlin, 1928. — Он же. Auf Hellas Spuren in Ost-Turkestan. Leipzig, 1926. По Индии см. классические работы: A. Foucher. L'Art Greco-Buddhique du Gandhara. London—Paris, т. I—1905, т. II—1918. — Он же. The Beginnings of Buddhist Art. Paris—London, 1917.

⁶ Арриан, кн. IV.

⁷ Квинт Курций, кн. VII, 34—35.

⁸ W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. IV, Cambridge, 1938.

на гончарном круге, с лощением, резко отличную от местной керамики кочевников. Впрочем по ней еще трудно сказать, произошла ли она из Согда или из оазисов Восточного Туркестана, но во всяком случае она не изготовлена самими кочевниками. Таковы отдельные находки керамики в Кенкольском¹ и Берккаринском² могильниках. Видимо, в эту пору в Семиречье уже проникали мастера, быть может, в качестве военнопленных. Более выразительны находки на городищах.

Городища Семиречья в нижних слоях содержат инвентарь согдийского происхождения. Таковы, например, находки в нижних слоях Тараза³ (Джамбул) или городища Красная Речка.⁴ В серию находок входят терракоты и керамика с варварским подражанием восточноримскому солиду рубежа IV—V вв. Характерной чертой этих предметов является наличие влияния восточнотуркестанского стиля, вместе с типичными чертами собственно согдийской культуры, не изжившей в себе мощную струю греко-бактрийских традиций. Точной датировки для находок из нижних слоев семиреченских городищ пока еще у нас нет. Но во всяком случае, они относятся ко времени от III до V вв.

В плане связи с Согдом можно рассматривать статуэтку из цитадели Тараза (обломок ручки сосуда), как явно восходящую к авестийской Анахит, но лишенную скрупулезной прорисовки всех украшений, столь характерных атрибутов на согдийских образцах. Упрощенное и запоздалое по сравнению с Согдом „издание“ в Семиречье сюжетов согдийского происхождения является вообще характерной чертой находок в Семиречье. Отметим также такую вещь, как форму для лепки из глины мужской головы. В трактовке головы чувствуются черты гандарского искусства, профиль лица греческий. Единственной ей аналогией могут, по-моему, служить головы греко-бактрийских правителей на монетах.⁵ Спущенная на лоб стрела (?) сюжетно перекликается с айритамскими фризами из Термеза,⁶ а общая стилистическая трактовка не выходит за круг согдийских терракот.⁷ Любопытен сосуд из нижнего слоя цитадели Тараза, который, особенно в своей верхней части, приближается к среднеазиатской энохое, описанной Г. В. Григорьевым.⁸

Существенное значение имеет и характер первых земледельческих поселений в Семиречье. Это отдельные укрепленные дома, сложенные из дувала и сырцового кирпича. Они состоят из параллельно расположенных длинных комнат 1.5—2 × 6—8 м, крытых коробовым сводом. Дома были двух-, а возможно и трехэтажные (нижний этаж—подвал). Судя по тому, что такие дома, исследованные в городище Красная Речка уже в VII—VIII вв., были разрушены и перекрыты зороастрийскими кладбищами, их возникновение, естественно, следует относить к эпохе до VII в.⁹ Этим пока еще не-

¹ А. Бернштам. Кенкольский могильник (печатается в изданиях Гос. Эрмитажа).

² Краткие сообщения, IV, 1940, стр. 42—48.

³ ВДИ, 4 (9), стр. 169 и сл.

⁴ А. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 2 (11), 1940 (печ.).

⁵ К. Тревер. Проблема греко-бактрийского искусства. III Междунар. конгр. по иранск. искусству и археол. М.—Л., 1939.

⁶ М. Е. Массон. Археологические работы в Узбекистане за 1933—1935 гг. Там же, ср. табл. LV

⁷ Аналогичный штамп см.: A von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens, стр. 88, рис. 180. Согдийские терракоты см.: К. Тревер. Terracotas from Afrosiab. Leningrad, 1934.

⁸ Г. Григорьев. Тали-Барзу. Журн. „СОНАТ“, 2—3, 1938. — Он же. Городище Тали-Барзу. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, 1940.

⁹ О доисламском характере таких домов см.: Согдийский сборник, Лгр., 1944, стр. 23 и сл.

многочисленным материалом исчерпываются наиболее яркие данные, свидетельствующие о проникновении в Семиречье согдийцев переселенцев-колонистов. Мы уже отмечали выше, что трудно установить точную дату этого переселения. Если исходить из того, что в Восточном Туркестане уже в начале I в. были колонии согдийцев, то тогда представляется логичным включение Семиречья в эти хронологические рамки. Но дело в том, что у нас нет прямых данных к причислению вышеуказанных памятников, а особенно оседлых поселений, к числу непосредственных свидетельств колонизации в I в. н. э. Вызывает сомнение и датировка восточнотуркестанского материала.

Как известно, А. Штейн датирует найденные им в Дунь-Хуане согдийские рукописи I веком н. э. на том основании, что они лежали с китайскими документами этого времени.¹ Другую группу документов из Лоу-Лань он датирует, основываясь на том, что Лоу-Лань опустела в IV в. н. э.² Однако, как показал П. Пелльо, в Лоу-Лань была согдийская колония с VII по VIII в.³ Правда, появление последней могло быть вызвано второй согдийской колонизацией (об этом ниже). Вместе с тем нет данных утверждать, что Лоу-Лань опустела в IV в. Вэй-шу определенно утверждает, что „в 4-й год правления Тай-янь [439 г.] владетель [Шаньшань] отправил младшего своего брата Суянь на службу при дворе“⁴ (Шаньшань является древней Лоу-Лань).⁵ По свидетельству Вэй-шу владетели Лоу-Лань оказывали сопротивление соседним правителям. Отступая под натиском соседей, жители опустошили свое владение (V век!), но еще в середине V в., когда Вань Дугуй — китайский полководец — выступил против Лоу-Лань, владетель Лоу-Лань „Чжень-да со связанными впереди руками вышел и покорился“.⁶ Это опять же свидетельствует, что жизнь в Лоу-Лань не прекращалась. Как далее гласит китайский текст, Лоу-Лань не была разгромлена, а, наоборот, китайский двор отнесся к ней весьма благожелательно.

Приведенные данные говорят о том, что соображения А. Штейна о датировке согдийской культуры в Лоу-Лань требуют уточнений. Укажем еще на тот факт, что археологический материал из Лоу-Лань, относящийся к первым векам нашей эры, не имеет ярких черт согдийской культуры.⁷ Археологический материал весьма похож на коллекции, собранные нами в Кенкольском могильнике и Г Гейкелем в верховьях Таласа.⁸ Культура Лоу-Лань, обнаруженная А. Штейном, так же как культура Таласских катакомб, относится к I—II вв. н. э., но в ней нет ничего согдийского. В ранних терракотах Восточного Туркестана явно выступают черты гандарского искусства и просто индийского происхождения, а также сильные переживания греко-бактрийских элементов (например Хотан).⁹ В то же время раскопки в Согдиане показали, что

¹ A. Stein. A third Journey of Exploration in Central Asia, 1913—1916. The Geograph. Journ. 1916, стр. 25.—Ed. Chavannes. Les Documents Chinois, découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental. Oxford, 1913.

² A. Stein. Ruins of Desert Cathay. London, 1912, стр. 394—396 — Он же. Serindia, стр. 673.— Он же. A third Journey, стр. 25.

³ P. Pelliot. Le Cha Tcheou Tou-Fou Tou King et la Colonie Sogdienne de la région du Lob Nor. JA, т. VII, 1916, стр. 111—123. Основатель и правитель этой колонии — выходец из Самарканда по имени K'ang Jen tien (стр. 121—123).

⁴ Вэй-шу, гл. 102, л. 2-б; у И. Бичурина (Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851) неправильно датировано это событие 436 г. (ср. ч. III, стр. 142).

⁵ Вэй-шу, гл. 102, л. 2-б

⁶ Вэй-шу, гл. 102, л. 3-а.

⁷ A. Stein. Innermost Asia, т. II, табл. XVI—XXVI.

⁸ H. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkistan. Helsinki, 1918.

⁹ См. Путеводитель по залам Отдела Востока. Гос. Эрмитаж, Лгр., 1939, стр. 219

в Согде культура первых веков нашей эры иная, чем в Восточном Туркестане, и больше проникнута кушанскими элементами.¹

Также мы не можем принять датировки бумажных согдийских документов из Дунь-Хуан на основании найденных с ними китайских документов, написанных на деревянных дощечках. Китайские документы датированы I в.² Изобретение бумаги относится к началу II в. н. э. Бумага, изобретенная на юге Китая в провинции Чу китайцем Ts'ai Lun в 105 г. н. э., еще не скоро получила распространение у китайцев.³ Трудно предположить, чтобы согдийцы уже со II в. начали пользоваться в широких объемах (для частной переписки) бумагой, тогда как китайцы пользовались для письма еще деревом. Архив Дунь-Хуанской башни, где были найдены китайские, согдийские и кароштинские документы, мог быть случайного происхождения. Быть может и палеографические данные согдийских документов, не имеющих к стати дат, но в которых имеются арамейские буквы старого начертания, окажутся при вторичном рассмотрении палеографами не столь древнего характера.

По содержанию писем можно судить о наличии здесь, в Восточном Туркестане, согдийцев, но нет основания говорить о колониях, ибо приведенные в письмах названия колоний являются согдийской транскрипцией китайских селений. Таковы, например, ḡw'n — Дунь-Хуан, km'yḏ — Комул, kč'n — Гао-чан и kr'wr'n — Лоу-Лань.⁴ Вызывает также сомнение, что уже в начале II в. и Самарканд носил такое название. Согдийская транскрипция, согласно Рейхельту, точно передает имя „Самарканд“ (Sm'rknḏh),⁵ что скорее отвечает Самарканду VII в., а не II в. Идет ли здесь речь о собственно Самарканде или о колонии под тем же названием в Восточном Туркестане, сказать трудно. Характерно, что китайцы не знают Самарканда для времени Вэй-шу (VI—V вв.). Впервые термин „Самарканд“ встречается в бесспорной китайской транскрипции лишь в Тан-шу. Судя по Э. Шаванну,⁶ название „Самарканд“, возможно, появляется в Вэй-шу, но в очень спорной транскрипции. В этой связи, быть может, и собственное имя srγ⁷ следует читать не Сараг, как предлагает это Пелльо,⁸ а saγy — город в Чуйской долине,⁹ отождествляемый нами с развалинами городища Красная Речка.¹⁰ Обращаем внимание и на то обстоятельство, что оазис Иву, как он называется китайцами в Ханьское время, назван в документах km'yḏ || km'yl — Qomul.¹¹ Но под этим тюркским названием оазис Иву-Хами известен лишь с VI в.¹² Не можем не отметить и того факта,

¹ Это достаточно ясно показано в результате раскопок В. Григорьева под Самаркандом на городище Тали-Барзу.

² Ed. Chavannes. Les Documents Chinois. . .

³ Ф. Розенберг Согдийские „старые письма“, стр. 469.

⁴ H. Reichelt, ук. соч., ч. II, стр. 48 и 49. — Ф. Розенберг, ИОН, № 5, 1932, стр. 454—55.

⁵ H. Reichelt, ук. соч., стр. 53.

⁶ Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. СПб., 1903, стр. 132.

⁷ H. Reichelt, ук. соч., стр. 53.

⁸ P. Pelliot. T'oung Pao, т. 28, вып. 3—5, 1931, стр. 458—460 (рецензия на труд H. Reichelt'a).

⁹ ВГА, т. VI (у Кудамы и ибн-Хордадбега).

¹⁰ Ср. нашу статью „К исторической топографии Чуйской долины“ (ВДИ, печ.). Ср. ВДИ. 4 (9), 1939, стр. 180. Иная точка зрения у Миньорского (ук. соч., стр. 285, прим. 5).

¹¹ Ф. Розенберг, ук. соч., ИОН, № 5, 1932, стр. 455.

¹² Imbault-Huart. Les pays d'Hami ou Khamul, descriptions, histoire d'après les auteurs chinois. Bull. du Comité des travaux historiques et scientifiques, Section de Géographie, Paris, 1892. Ср.: P. Pelliot. Kao-Tsh'ang, Qoço, Houo'Tcheou, et Qarâ-Khodja. JA, Paris, 1912, II.

что кс'п || Гао-чан тоже неизвестен для младшей династии Хань. Имя Гао-чан появляется впервые лишь в китайском источнике Вэй-шу, который указывает, что „Цзинь назвал эту область — Гао-чан цзюнь“, ¹ т. е. не раньше второй половины III в., так как династия Цзинь существовала с 265 г. по 317 г. н. э. Сам термин „цзюнь“ свидетельствует здесь о первоначальном военном поселении.

Отсюда явствует, что мы не можем принять датировку „старых согдийских писем“ I—II вв. н. э., хотя эти письма и являлись, по существу, основой для построения теорий Ф. Розенберга о широкой торговой деятельности „полуфеодалов-полубуржуа“ согдийцев. Приведенные нами факты показывают, что „старые согдийские письма“ в лучшем случае не старше VI, а скорее всего VII в., т. е. относятся к тому времени, когда и возникает описанная П. Пелльо колония на Лобноре. Этим выводом мы не отрицаем возможности согдийской колонизации и в более раннее время, но подчеркиваем, что аргументация исследователей все же остается слабой, т. е. основывается на поздних письменных источниках.

К этому следует добавить, что все известные нам согдийские археологические материалы, происходящие из китайского Туркестана и датированные I в. н. э., в действительности могут быть отнесены ко времени V—VI вв. ²

Как мы старались показать выше, в Семиречье вопрос о колонизации согдийцами решается аналогичным путем. Характерным фактом является то положение, что китайцы, описывая Семиречье для I—II в., не упоминают совершенно о согдийцах и их культуре, не говорят ничего об оседлых поселениях. ³

Объяснить это незнанием или невниманием с их стороны нельзя. Ведь говорят же они об оседлых поселениях Ферганы еще для более раннего времени (например известный Чжан-Цянь). ⁴ Характерно, что усунь в V в. дают китайским посланникам Тун-Юань и Гао-Мин проводников и переводчиков, когда они отправляются в Фергану и Шаш. ⁵ Несомненно, что этому знакомству усунь были прежде всего обязаны тесным связям, возникшим с присогдийскими странами со времени согдийской колонизации Семиречья.

Свидетельством того же порядка является отмеченный Сюань-Цзаном (VII в.) в качестве органического явления для Чуйской долины факт наличия согдийцев и их поселений, возникших несомненно задолго до его приезда, т. е. до 630-х гг. ⁶ Такими поселениями и являются, например, развалины тепе Краснореченского городища.

Не утверждая окончательной и точной даты начала первой согдийской колонизации Семиречья, а вслед за этим и Восточного Туркестана, мы вместе с тем считаем возможным отрицать датировку этой колонизации, предложенную в литературе, т. е. I в. н. э. По археологическим материалам начало колонизационной деятельности согдийцев

¹ Вэй-шу, гл. 101, л. 13-а.

² Мы имеем в виду появление в стенных росписях VI—VII вв. Восточного Туркестана (Кызыл, Кучарский оазис) сасанидского круга. С Олденбург. Русская Туркестанская экспедиция. Спб., 1914, стр. 67 (воспроизведения на стр. 68, рис. 57, стр. 50, рис. 47, Туюк Мазар)

³ Цянь-Хань-шу, гл. 96-б. — Ср.: K. Shiratori. Ueber die Wu-sun-Stämme in Centralasien. RO, т. III, вып. 2—3, 1902.

⁴ F. Hirth. The Story of Chang K'ien, Chinas Pioneer in Western Asia. JAOS, т. XXVII.

⁵ Вэй-шу, гл. 102, л. 1-б. О раннем Согде н. э. K. Shiratori. A Study on Su-t'ê or Sogdiana. MRDTB, Токуо, 1928, стр. 81 и сл.

⁶ Си-юй-цзи, л. 8-б. Сюань Цзан отмечает, что „все поселения подчинены тюркам“ и вся страна от Суяба на запад называлась Су-ли. т. е. Согдом: Си-юй-цзи (л. 9-а).

можно скорей всего относить к промежутку времени между III—V вв. н. э. Этот период колонизации мы называем для Семиречья первым периодом согдийской колонизации, когда колонии согдийцев представляют еще обособленное культурное и социально-экономическое явление в среде кочевников Семиречья.

С VII в. изменяется характер взаимоотношения культурных явлений Семиречья и Согдианы.

Прежде всего следует указать, что культурное влияние Согдианы увеличивается по объему и значению. На ряду с привнесением в Семиречье элементов художественного творчества, несомненно, связанного с греко-бактрийским искусством, согдийцы прочно завоевывают себе место в ряде областей ремесла и других сторонах экономической жизни. Так, например, появляются архитектурные налеты, украшавшие внутренние стены домов, в виде греческой пальметки, найденные на городище древнего Тараза.

Особо ярко выступает согдийская передача излюбленного сасанидского мотива орнаментации: круг из точек, заполненный внутри сюжетным или орнаментальным рисунком. Распространение этой орнаментации выходит за пределы Семиречья, но, несомненно, с ним связано. Такие орнаментальные комбинации известны нам трех типов. Во-первых — это глиняный налет в виде круга, обрамленного бугорками и с геометрическим рисунком внутри, например найденный в одном богатом тюркском погребении в Монголии на р. Тола,¹ и аналогичные круги в виде штампованного орнамента на керамике из Семиречья; во-вторых — сасанидский круг с рисунком китайского мотива (лотоса) внутри, аналогичный орнаменту на шелковых тканях, найденных в Монголии (Тола)² и на Алтае (р. Катанда);³ в-третьих — сасанидские круги с изображениями внутри горных козлов теке, обнаруженные нами на фрагменте глиняного столика „достархан“, найденного около цитадели городища Ак-Пешин (недалеко от Токмака, Киргизия). Наличие сасанидского круга, особенно в сочетании с лотосом, больше всего должно быть обязательно семиреченским согдийцам, которые в своем ремесле причудливо сочетали излюбленные мотивы двух великих цивилизаций, посредниками между которыми они являлись.

Быть может мастерству согдийских ремесленников, живших в среде кочевников Семиречья, обязано появление так называемых „поделок“ на сюжеты сасанидских блюд, известных нам по случайным находкам, хранящимся в Эрмитаже,⁴ и по недавним находкам на Енисее.⁵ В последнем случае мы видим, однако, столь выразительные элементы степного искусства, что можем предполагать и самостоятельную традицию, лишь сомкнувшуюся, а возможно и повлиявшую на сюжет сасанидских изображений.⁶

В круг памятников, связанных в той или иной мере с согдийским мастерством второй согдийской колонизации, должна быть отнесена и керамика, что мы уже отмечали в печати.⁷

¹ Г. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. „Северная Монголия“, II, стр. 78.

² Г. Боровка, ук. соч., стр. 74.

³ А. Захаров. Раскопки акад. В. Радлова в 1865 г. Тр. ГИМ, М., 1926, т. IV, вып. 1.

⁴ См. также: А. Спицын. Случайные находки близ Семипалатинска. ИАК, 12, стр. 76—77.

⁵ Л. Евтюхова и С. Киселев. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ. Краткие сообщения, III (см. подробнее: ВДИ, 4(3), 1939).

⁶ К. Тревер и И. Орбели. Сасанидский металл. М., 1935. Ср. табл. 3, 5, 6, 9, 14, 15. Особенно разительно сходство с изображением на сасанидском блюде, где Шапур II охотится на львов (табл. 6).

⁷ Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 4(9), 1939.

Все вместе взятое показывает, что с VII в. мы имеем сильное увеличение роли и значения согдийской культуры. К этому времени в Северном При Тяньшанье, в долинах р. Чу и Таласа, мы наблюдаем появление городов, генетически связанных с ранее бывшими здесь поселениями. Тип этих городов с цитаделью, шахристаном и рабадом идентичен мавераннахрским городищам, где они являлись следствием исторического развития предшествующих согдийских поселений. Следовательно, и здесь согдийская колонизация не прекратилась, а, наоборот, усилилась, что дало возможность к возникновению города мавераннахрского типа.¹ Факты, заключенные в письменных источниках, разъясняют это положение. Они показывают, что с конца VI в., вследствие внутренних конфликтов и социальных противоречий, в Согдиане созрели условия для нового массового движения согдийцев в Семиречье, в частности из Бухары. Причины эти неоднократно отмечались И. Марквартом и были названы им „тиранией Аброя“.² Новую трактовку этого эпизода дал С. Толстов.³ Для нас важно в данном случае сообщение персидского историка Нершахи, подтвержденное китайскими источниками о массовом переселении согдийцев в VII в., якобы основавших город Хамукат, ибо оно свидетельствует о второй колонизации края. Следует отметить, что согдийцы могли попадать в Семиречье в качестве военнопленных во время, походов тюрков в Согд, напр. тюркского кагана Яньду (конец VI в.) или Мочжо (начало VIII в.).⁴

Согдийцы были в среде тюрков и до VII в., о чем свидетельствует Менандр, повествующий о посольстве Земарха.⁵ Нершахи сообщает о том, что „по прошествии некоторого времени, власть Аброя возросла, он стал жестоко править этой областью, так что терпение жителей истощилось. Дехканы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат“⁶ Это с несомненностью свидетельствует, что письменный источник верно отразил версию о новой колонизационной волне в Семиречье. Быть может с этой второй согдийской колонизацией связано появление и основание согдийской колонии в Лоу-Лань, о которой писал П. Пелльо.⁷

Многочисленные переселения согдийцев были и во время арабского завоевания Семиречья в первой половине VIII в.

С этой второй колонизацией мы можем связать и курсивное согдийское письмо на ручке сосуда из городища Красная Речка,⁸ равно как и распространение согдийского письма в Семиречье. Здесь произошло приспособление согдийского письма к тюркскому, ибо здесь мы обнаружили древнейшее уйгурское письмо, написанное согдийско-„уйгурской“ вязью. В то время как на Востоке надгробные стелы тюркских

¹ В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Лгр., 1929, стр. 27 и сл.

² L. Marquart. *Eranschahr nach der Geographie des Moses Xorenaci*. Abh. G.W.G., т. III, 1899—1901. — Он же, вместе с J. J. M. Groot. *Das Reich Zabul und der Got Lun vom 6—9 Jahrhundert*. Festschrift Eduard Sachau zum siebenzigsten Geburtstage. Berlin, 1915, стр. 254. — Он же. *Wehort und Arang*. Leiden, 1938.

³ С. Толстов. Тирания Аброя. Историч. сб. III, М.—Л., 1939.

⁴ Суй-шу, гл. 84; ср.: Тянь-шу, гл. 140-6; И. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 267, 324 и сл. (О походах тюрков в Согд); П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Тегина. ЗВО, т. XII, вып. II—III.

Менандр в „Византийских историках“ С. Дестуниса (СПб., 1861). Так, напр., посол тюркского кагана Маниах, который ездил в Византию, и на посольство которого в ответ выехал Земарх — был согдиец.

⁶ Нершахи. История Бухары. Перев. Н. Лыкошина под ред. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 12.

⁷ Pelliot. JA, т. VII, 1916.

⁸ А. Фреймая. Древнейшая согдийская надпись. ВДИ, № 3, стр. 135 и сл.

и уйгурских каганов писались еще руническим письмом,¹ в Семиречье уже бытовал согдийский шрифт на тюркских монетах.² Не к уйгурам непосредственно, а через тюргешей Семиречья перешло от согдийцев это письмо и стало культурным приобретением тюркских народов. Первое тюркское письмо согдийским шрифтом обнаружено не в уйгурских документах, как это принято считать, а на тюргешских монетах VIII в.

Вторая согдийская колонизация была отлична от первой. Она, во-первых, была многоэтапной, причем четко выделяется второй этап в связи с арабским завоеванием и походами саманидов: Нух ибн-Асада (840) и Исмаила Самани (893—894).³ Но сама согдийская культура в IX в. доживает свои последние дни не только в колониях, но и в метрополии. Здесь, в Семиречье, она становится составной частью культуры тюркских кочевников. Сообщения Махмуда Кашгарского о том, что согдийцы приняли одежду и нравы тюрков, что жители от Баласагуна до Испиджаба говорят и по-согдийски и по-тюркски, причем „уже не было людей, которые бы говорили только по-согдийски“, свидетельствует об ассимиляции согдийцев местным тюркским населением.⁴

Подведем краткие итоги. Согдийская колонизация имеет два ясных периода развития. I период согдийской колонизации (III—VI вв.) не завершился ассимиляцией согдийцев местным населением. Роль согдийцев среди племен кочевников Семиречья в первом периоде ограничивалась торговлей и взаимоотношениями, не перераставшими в органическое сплетение культуры согдийской с местной кочевой. II период согдийской колонизации, отмечаемый с конца VI в., связан с бухарской эмиграцией и, вместе с тем, является периодом постепенной ассимиляции согдийцев с тюрками-кочевниками, приведшей к полному

¹ Ср. надпись на трехязычном памятнике из Монголии (тюрко-согдийско-китайском): „Этого неподобного, из неба возникшего, счастливого, бывшего геройского мудрого небесного уйгурского кагана письмо“. Т. е. уйгурский каган пишет руническим письмом на памятнике, в котором имеется согдийская надпись. См.: W. Radloff. АТМ, III, L., стр. 91—92.

Сведения об этом памятнике и литературу вопроса см.: Olaf Hansen. Zur sogdischen Inschrift auf dem Dreisprachen Denkmal von Karabalgasun, Helsinki, 1930, стр. 14.

Первая фраза согдийского текста повторяет смысл рунической надписи. Памятник датируется 800—805 гг. Положение, аналогичное вышеуказанному, имеется и в более ранних текстах уйгурских каганов, напр. стела Моюн-Чура. Текст в честь победы Моюн-Чура над восточными тюрками в 745 г. написан особой уйгурской руникой. См. издание этого текста: G. Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. Journal SFOug XXX, 1913. Ср.: А. Бернштам. Руническая надпись в уйгурской рукописи Записки ИВАН, т. VII. Здесь я отмечаю, что руника у уйгур бытовала, как исключение, еще в XII в. В Селенгинской стеле Моюн-Чура см. строчку: „свои вечные [букв. тысячелетние и десяти тысячелетные. — А. Б.] письмена и знаки я там [район Утукена. — А. Б.], велел сочинить [я врезать — А. Б.] в плоский камень“. См. „Селенгинский текст“, стр. 9—10. Руническое письмо тюркских памятников первой половины VIII века достаточно хорошо известно (знаменитый текст Кюль Тегина).

² А. Бернштам. Тюркешские монеты. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, стр. 105 и сл. Вряд ли можно принять мнение В. Радлова о том, что уйгурская рукопись Chuastuanit относится к IV столетию и происходит из северного Притяньшанья (W. Radloff. Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. СПб., 1909, стр. V). Наиболее ранняя, видимо, рукопись уйгурским шрифтом издана Le Coq'om (Türkische Manichaica aus Chotscho, I. Anhang АКАВ, Berlin, 1911). Однако ее датировку первой половиной VIII в. оспаривает W. Henning (Argi and the „Tochariens“, BSOS, т. IX, ч. 3, 1938, стр. 552). На возможное возражение, что руника могла бытовать у уйгур только на каменных стелах, как более удобное письмо, чем вырезывание уйгурской вязи, укажем, что еще в IX в. известны целые книги, написанные уйгурской руникой, напр. „Книга предсказаний“ — Irq bitik. См.: V. Thomsen, D-r M. A. Stein's Manuscripts in turkish „runic“ script from Miran and Tun-Huang. YRAS, 1912 (яв. вып.), и целый ряд других документов из Восточного Туркестана.

³ В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 27. Действия Нух ибн-Асада были собственно ограничены пределами Испиджаба, в то время как Исмаил ибн-Ахмед доходил до Тараза и его округа.

⁴ В. Бартольд. К вопросу об языках согдийском и тохарском, стр. 36 и сл.

растворению их культуры в среде последних. Окончание этого периода падает на конец IX в. Выявленные в последнее время археологические материалы говорят о том, что эта колонизация имела менее „чистый“ характер, чем первая. Наряду с согдийцами, прежде всего видную роль в колонизации играли христиане-сирийцы.¹

А. Н. Бернштам

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА В САМАРКАНДЕ XV—XVI вв.

Уже при Тимуре Самарканд превратился в крупнейший ремесленный центр Средней Азии. Ремесло и впоследствии играло преобладающую роль в экономической жизни города. Однако вопросы ремесла и жизни ремесленного населения в Средней Азии для этой эпохи освещены еще слабо. Наша статья посвящена двум вопросам, касающимся истории ремесла в XV и XVI вв. — видам ремесел и тенденции их развития, а также общественному положению и организации ремесленного населения. Важный материал в отношении первого из указанных вопросов дает топонимика города, которая сохранилась в большом количестве для этих двух веков.

Многие пункты города Самарканда XVI в., в первую очередь базары, а также кварталы, носят названия отдельных видов ремесла. Такие названия для города феодальной эпохи, конечно, не случайны. Каждый такой пункт в действительности был занят ремесленниками данной профессии. Подтверждение этому мы находим между прочим у Бабура, писавшего о Самарканде конца XV в. Он специально отмечает эту особенность города и пишет, что в нем „каждый вид ремесла имеет свой особый базар“.² Список таких базаров мы можем составить по сборнику казийских документов XVI в.,³ в котором мы находим следующие названия: базар ткачей (баззозон), базар мастеров палаток, базар мастеров веревок, базар столяров, базар кузнецов (кольбандон-подковщиков), базар медников, базар седельщиков, базар мастеров вэрблюжных седел, базар валяльщиков кошм, базар дрогистов (аттарон).

Следует отметить, что приведенный список далеко не исчерпывает общее число базаров, известных в это время. По меньшей мере еще столько же упоминается в источниках, однако, чаще всего они названы по именам отдельных лиц или различных религиозных учреждений, ничего не говорящих о виде ремесла, которое сосредоточено на данном базаре.

Столь же характерными являются названия кварталов по профессии заселявших их ремесленников. К таким кварталам относятся следующие: квартал золотошвей, квартал мастеров сафьяна, квартал кузнецов, квартал литейщиков котлов, квартал каменотесов, квартал сапожников, квартал мясников, квартал боен, квартал пекарей.

К ним можно отнести квартал хумдонак (обжигательной печи), где, повидимому, жили керамисты.

Приведенный список названий ремесел является сам по себе показательным. Далекое не для всякого другого периода истории Средней

¹ В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВО, т. VIII, вып. 1—2. — А. Я. Борисов. Сирийская надпись из Тараза. Изв. КФАН (печ.).

² The Babur-nama, V. I, transl. by A. Beveridge, стр. 81.

³ Казийские документы XVI века. Изд. Узкомстариса, Ташкент, 1937. В этом издании воспроизведены только образцы отдельных категорий документов. Автор пользовался самой рукописью, хранящейся в Ташкентской Гос. публичной библиотеке УзССР. Не привожу пагинации для отдельных названий, так как это сделано мною для другой работы.

Азии мы смогли бы привести подобный перечень. Однако в этих названиях отразилась небольшая часть ремесленных профессий, которые знало ремесло Самарканда и о котором имеются сведения в источниках. Здесь нет возможности привести списки всех тех профессий, которые мы находим в источниках. Остановлюсь лишь на одной особенности ремесленного производства рассматриваемого времени. Эта особенность заключается в тенденции к узкой специализации ремесленных профессий. Так, в строительном деле, наряду с мастерами-строителями существует целый ряд других специальностей, занимающихся изготовлением различных строительных материалов. К ним относятся мастера ганджа, кирпичники, плотники, каменотесы, штукатуры, глазуровщики и др.¹

Еще более характерными являются отрасли производства, продукция которых идет на широкий рынок. В этом отношении весьма характерно ткачество. Термин „ткач“ заметно вытесняется названиями мастеров, изготавливающих отдельные виды материи, как, например, ткач алачи (грубая ткань, известная в русском переводе под названием пестряди), ткач футы, ткач чита (ситец), ткач камхо (камка), ткач касаб (шелковая ткань), ткач тесем, ткач платков. Следует также отметить выделение профессии набойщика тканей — чимгара.

То же самое наблюдается и в кожевенном производстве, где имеются четыре различные профессии по изготовлению обуви и столько же по выработке сбруи. К последним относятся седельщики, мастера уздечек, мастера верблюжьих седел и мастера нагаек. Кроме того, отдельно упоминаются мастера по изготовлению кожаных колчанов и мастера кошелев.

Из числа других крупнейших отраслей производства необходимо отметить перечень мастеров, занимавшихся обработкой металлов, где специализация тоже подчас весьма узка. Не считая тех профессий, которые уже упомянуты в списке названий кварталов и базаров, здесь встречаются следующие специальности: литейщики чугуна (чугангарон), золотых дел мастера, тянульщики золотой и серебряной проволоки, золотобой, чеканщики, резчики печатей, мастера иголок, мастера напильников, гвоздильщики. Сюда же относятся и мастера по выделке железного орудия: стрел, копий, ножей, доспехов и др.²

В основе этой тенденции ремесла к специализации лежит безусловно стремление к увеличению производительности труда в связи с требованиями обширного рынка и нажимом купцов, державших в своих руках как местную, так и караванную торговлю.

При благоприятных условиях в дальнейшем углубление специализации могло привести к образованию мануфактурного способа производства. Однако в результате упадка экономической жизни, наступившего в XVII и XVIII вв., происходит значительная деградация ремесла.

Новые данные мы находим в источниках и в отношении общественного положения и организации ремесленного населения. Монгольская эпоха характеризуется проникновением в городское ремесло рабских или полурабских отношений. Ремесленники, работавшие в казенных мастерских, известных под названием „корхона“, приравнивались к рабам, так же как и те группы ремесленников, которые обслуживали хозяйства крупных феодалов.

¹ Помимо казийских документов, перечень профессий, связанных со строительным делом, мы находим в одном указе, сохранившемся в неизданном сборнике копий и образцов официальных документов XV—XVI вв., хранящемся в рукописном отделе Института востоковедения Акад. Наук СССР под шифром А 210.

² Подавляющее большинство приведенных названий взято из сборника казийских документов.

В эпоху Тимура эти отношения исчезают далеко не сразу. Многочисленные группы ремесленников, переселенные из завоеванных стран в Самарканд и другие города Средней Азии, находились на положении, близком к рабскому. Известно, насколько тяжелы были условия труда этих переселенных ремесленников на крупных строительствах, принимавшихся Тимуром и членами династии. В какой-то мере Тимур воспользовался и системой корхона. Об этом говорит известный рассказ Клавихо о мастерах по производству оружия, безвыходно работавших в цитадели.¹

Есть основания полагать, что казенные мастерские сохранились в городах тимуровских государств вплоть до конца XV в., при этом предметы их производства служили одновременно монополией казны.² Однако можно утверждать, что корхона все же широкого распространения уже не имели. Более характерной в этот век является феодальная зависимость ремесленников от дворцовых ведомств, вернее от лиц, их возглавлявших. Эта зависимость нашла свое выражение в форме одного из распространенных, но мало изученных феодальных институтов — дербеста. С отношениями, в которые становились ремесленники, находившиеся в дербесте, знакомят нас образцы документов-указов этого времени. Так, одним из таких указов, выданным начальнику оружейной палаты, были пожалованы „под приказ и усмотрение“ ряд групп (цехов) ремесленников, занятых в производстве оружия. В его обязанности входит, как говорится в указе, „наблюдение за работой этого племени и каждого [ремесленника] в соответствии с его способностями и умением использовать, ни одного мелочного упущения и ошибки не пропуская“ Однако наиболее важной является часть указа, обращенная к чинам государства, где говорится, что последние должны считать „мастеров стрел, луков, мечей и доспехов находящимися в его [начальника оружейной палаты] дербесте“, в связи с чем сборы от ремесла и посевов³ ремесленников становились его „неоспоримым владением“. Одновременно устанавливается налоговый иммунитет находившихся в дербесте ремесленников. Они называются „шериками“ — термином, которым обычно обозначались феодально-зависимые крестьяне.⁴ Таким образом, судя по этому указу, мы имеем дело с категорией ремесленников, находившихся в производственном и общественном отношении в ярко выраженной феодальной зависимости от представителя государственной власти.

Институт дербеста представлял собой наиболее открытую форму проникновения феодальных отношений в городское ремесло, но, видимо, распространялся на ограниченную группу ремесленников, представляющую особую важность для государственной власти, в данном случае на мастеров оружия.

Меньшей зависимостью характеризуется положение других категорий ремесленников, занятых обслуживанием дворцовых ведомств, но на которых не распространялся статут дербеста. Во главе таких корпораций ремесленников ставился в качестве старшины один из мастеров, тем или иным путем заслуживший доверие власти. На него возлагается прежде всего наблюдение за качеством работы. В указе о назначении старшины цеха мастеров палаток говорится,⁵ что всякую

¹ Рюи Гонзалес де-Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд. СПб., 188, стр. 330.

² Абдаррезак Самарканди. Матла'ас-саадоин ва маджма'ал бахрейн. Рукоп. Лев. Гос. унив., № 157, лист 251—в.

³ Факт владения ремесленниками участками земли в пригородах для этого времени известен и по другим источникам.

⁴ Указанный сборник документов, ИВАН, А 210, лист 45-а.

⁵ Там же, лист 72-а.

палатку, „сшитую узкой или короткой, [старшина] пусть разрежет на куски и мастера хорошенько прочит“ Через старшину же проходит привлечение на работу членов корпорации.

Однако указы ничего не говорят о более глубоких сторонах отношений, возникших между корпорациями ремесленников и казной или соответствующими ведомствами. Есть основание думать, что работы по обслуживанию двора являлись формой натуральной трудовой повинности, заменявшей налоговое обложение.

Те же указы знакомят нас с третьей категорией корпораций ремесленников, которая непосредственно к обслуживанию двора и казны не привлекалась, а работала на рынок. Однако, несмотря на это, характерно, что и в таких корпорациях назначение старшин является прерогативой государственной власти. Одной из главных обязанностей такого старшины были раскладка и сбор налогов внутри цеха.¹ Другой весьма важной его функцией, особенно характерной для цехового строя, являлось установление цен на товары данного вида производства.² При этом старшинами устанавливались цены не только на товары местного производства, но и на привозные изделия.

К сожалению, другие стороны ремесленной жизни города слабо отражены в наших документах, как и вообще в источниках. Однако некоторые дополнительные небезинтересные моменты организации ремесла мы можем уловить.

Главными фигурами в ремесленном производстве являлись мастер-уstad — хозяин мастерской и шагирд — ученик. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, среднеазиатское городское ремесло не знало подмастерья, фигуры, столь характерной для европейского средневековья. Но на ряду с мастером и учеником упоминается коргар³ — рабочий, положение которого определить, впрочем, трудно.

Что касается взаимоотношений между мастером и шагирдом, то они в достаточной мере четко определяются рядом документов (васика), сохранившихся в сборнике казийских документов.⁴ По своей форме эти документы представляют собой расписки, которые давал сам ученик или его родственник мастеру в том, что он, ученик, „отдает себя в наем“ мастеру за определенную плату на весь период ученичества. В свою очередь он же берет в наем того же мастера для своего обучения — обычно за меньшую сумму.⁵

Разница идет якобы в уплату за харчи и одежду ученика. Таким образом работа ученика в продолжение всего ученического периода не оплачивается, и мастер должен лишь кормить и одевать его. В каждом документе-расписке особо оговаривается, что мастер обязан обучить ученика искусству данного ремесла и всему, что связано с ним, настолько, чтобы мастера этого цеха одобрили его работу. Данное требование *chef d'oeuvre*'а с обязательной общественно-корпоративной оценкой его является обычным, как известно, также для европейского средневекового ремесла.

Сроки обучения разнообразны для отдельных видов ремесла и колебались от 1¹ до 5 лет.

¹ Там же, лист 116-в.

² Там же, листы 11 -в и 117-в.

Там же, лист 72-а.

⁴ Образцы таких документов приведены в указанном издании „Казийских документов XVI в.“ (стр. 24—25).

⁵ Лицемерная форма сделки направлена в обход формальному запрещению шариата пользоваться бесплатным трудом.

Даже для одной профессии период ученичества мог значительно варьировать. Так, обучение у ткача алачи продолжалось от 1¹ до 4 лет. Средняя продолжительность ученического периода, в большинстве случаев, составляла 3—4 года.

А. М. Беленицкий

ОСВОЕНИЕ ОГНЯ

Огонь был первой силой природы, покоренной человеком. Покорение огня окончательно оторвало человека от животного царства и сыграло величайшую роль в истории человечества.

Древний период человеческой истории, низшая ступень дикости, протекал еще без знания огня. На этой ступени развития находился, вероятно, питекантроп.

Однако очень рано, в конце низшей ступени дикости и в начале средней ступени дикости, человек знакомится с огнем и начинает широко его использовать. Памятниками этого являются известное местонахождение синантропа, а также некоторые стоянки Западной Европы, относящиеся к шелльскому времени.

Трудно предположить, что в эту эпоху человек уже умел искусственно добывать огонь. Древнейший период в истории овладения человека огнем — это период использования естественного огня, непрерывного поддерживания его и переноса его с места на место.

Современные племена дикарей хотя и умеют добывать огонь, но избегают это делать. Они предпочитают поддерживать в стойбище неугасимый огонь, при перекочевках переносить огонь с места на место, а в том случае, если огонь потухнет, одалживать его у соседей. Это является пережитком длительного периода, в течение которого люди знали огонь, но не умели его добывать. Из всех племен земли только одни андаманцы еще в XIX в. находились на стадии поддерживания и использования огня. Им не были известны способы искусственного добывания огня. Пережитки же этой стадии развития сохранились в культе и мифологии („неугасимый огонь“) у очень многих племен и народов земли. Знаменитый миф о Прометее повествует не об обучении человека способам добывания огня, а о переносе огня. Таким образом миф о Прометее отражает ту стадию, которая предшествует открытию добывания огня.

Памятником стадии использования естественного огня является местонахождение синантропа, которое может быть отнесено к концу низшей ступени дикости и которое дало большие скопления золы. Сюда же относятся стоянки Шпихерн и Бурбах во Франции, давшие следы костров вместе с остатками теплолюбивой шелльской фауны (гиппопотам, древний слон и др.), стоянка Лайтенерберг в Богемии, давшая следы костров вместе с костями этрусского носорога и махайрода, грот Обсерватория близ Ментоны и другие памятники. Все они могут быть отнесены к шелльскому времени, к самому началу средней ступени дикости.

В эту эпоху человек мог пользоваться огнем, получившимся в результате лесных пожаров или же вулканических извержений. Напомним, что в начале плейстоцена вулканическая деятельность была развита гораздо сильнее, чем в настоящее время.

Если в стоянках шелльского времени остатки углей и костров появляются в виде исключения, то в мустьерских стоянках уже, как правило, находят скопления древесного и костного угля, а иногда и специально вырытые в земле очаги (яркий пример этого дает

Чокурча). Можно предположить, что неандертальцы, хорошо овладевшие огнем и систематически его применявшие, уже умели его искусственно добывать. В верхнем палеолите человек овладевает огнем еще в большей степени. Увеличиваются скопления золы и угля, находимые в верхнепалеолитических стоянках. Совершенствуется устройство очагов, увеличивается их количество, появляются ямы-печи, каменные светильники, а также постоянные прочные жилища как показатель оседлости. В неолите процесс овладения огнем и увеличения его хозяйственного значения идет еще дальше. Несомненно, с этим процессом было связано расселение человечества по поверхности земли, а также расширение источников питания человечества (рыба, растительная пища и т. д.). Развитие того и другого можно констатировать на протяжении всего палеолита и неолита.

Каковы же были древнейшие способы добывания огня, появившиеся у неандертальцев мустьерской эпохи, и как они возникли? Во время археологических раскопок не удастся обнаружить остатки несомненных древнейших орудий для добывания огня. Для того чтобы их гипотетически восстановить, нам придется дать обзор способов добывания огня, бытующих у современных примитивных племен.

Таких способов несколько: 1) выскабливание огня (огневой плуг), 2) выпиливание огня (огневая пила), 3) высверливание огня (огневое сверло), 4) высекание огня, 5) получение огня сжатием воздуха (огневой насос).

Выскабливание (выпахивание) огня производится с помощью деревянной палочки, которую водят, сильно нажимая по лежащей на земле деревянной дощечке или палочке. В результате такого скобления получают тонкие стружки или древесный порошок; они нагреваются (вследствие трения дерева о дерево возникает теплота) и начинают тлеть. Их присоединяют к легковоспламеняющемуся труту и раздувают в пламя. Выскабливание огня имеет довольно ограниченное распространение. Больше всего оно распространено в Полинезии. Изредка этот способ встречается у папуасов, австралийцев, тасманийцев и у некоторых примитивных племен Индии и Центральной Африки; но всюду здесь преобладает высверливание огня.

Огневая пила примыкает к огневому плугу, но деревянная дощечка пилится или скоблится не вдоль ее волокон, а поперек. При пилении также получается древесный порошок, который начинает тлеть. Выпиливание огня широко распространено у австралийцев, а также известно в Новой Гвинее, на Филиппинских островах, в Индонезии и в некоторых местах Индии и Западной Африки. Иногда дерево пилится не ножом из твердого дерева, а гибким растительным шнуром.

Наиболее распространенным способом добывания огня является его высверливание. Этот способ широко распространен в Азии, Африке, Америке и Австралии. В виде пережитков, связанных с культом, он сохранился в Европе до самого последнего времени. Огневое сверло состоит из деревянной палочки, которой сверлят лежащую на земле деревянную же палочку или дощечку. В результате сверления очень быстро в углублении на нижней дощечке появляется дымящийся и тлеющий древесный порошок, который высыпается на трут и раздувается в пламя. Простейшее огневое сверло приводится во вращение ладонями обеих рук. Значительным усовершенствованием является присоединение к нему упора сверху и ремня, охватывающего сверло. Ремень попеременно тянут за оба конца, приводя сверло во вращение. Если концы ремня привязаны к концам деревянного или костяного лука, то появляется уже более совершенное лучковое сверло.

Наконец, дальнейшее усовершенствование огневого сверла заключается в появлении сверла-насоса или дреля.

В то время как простейшее огневое сверло очень широко распространено у самых примитивных племен, усложненное сверло с ремнем и луком встречается лишь у племен с относительно развитой техникой, находящихся, как правило, на ступени варварства.

Высекание огня может производиться ударом кремня о кусок железной руды (серный колчедан, иначе — пирит) и ударом кремня о железо или сталь. В результате удара получаются искры, которые падают на трут и воспаляют его. Первый способ имеет очень ограниченное распространение. Он описан у айнов, эскимосов, некоторых племен североамериканских индейцев и у огнеземельцев. Существовал этот способ также у древних греков и римлян. Высекание огня ударом кремня о железо или о сталь относится уже к развитой технике и возникает очень поздно.

Добывание огня сжатием воздуха (огневой насос) — специфический, довольно совершенный и очень мало распространенный способ. Он описан в некоторых местах Индии и Индонезии.

Какой же из описанных выше способов добывания огня является древнейшим?

Представление о том, что, обрабатывая кремень, палеолитические люди научились высекать из кремня искры и таким путем стали добывать огонь, не соответствует действительности. Высечь искры ударом кремня о кремень и затем разжечь получившиеся таким путем искры в пламя почти невозможно. Всюду, где огонь высекают из кремня, его высекают ударом кремня о пирит. Но и этот способ нельзя считать древнейшим. Характерно, что в настоящее время он очень мало распространен и что из примитивных племен охотников-собирателей им пользуются только огнеземельцы. Да и последние вынуждены к нему прибегать, вероятно, лишь потому, что влажная насыщенная парами атмосфера Огненной земли не дает возможности получить огонь трением дерева о дерево. Если бы высекание огня было обычным способом в палеолите, то в палеолитических стоянках часто встречались бы находки кусков пирита, с помощью которых огонь высекался. Между тем, такие находки в палеолитических стоянках почти совершенно отсутствуют (исключение составляют верхнепалеолитические слои пещеры Шале в Бельгии и пещеры Лез-Эйзи во Франции).

Об относительно позднем появлении высекания огня свидетельствует и то, что многие народы, которые добывали или добывают огонь исключительно высеканием, все же сохраняют в качестве связанного с культом и с религией пережитка добывание огня трением дерева о дерево.

„Долго спустя после того, как люди ознакомились с другими способами получения огня, всякий священный огонь должен был у большинства народов добываться путем трения. Еще и поныне, согласно народному поверию большинства европейских стран, чудотворный огонь (например у нас огонь для заклинаний против поветрия на животных) может быть зажжен при помощи трения. Таким образом еще и в наше время благодарная память о первой победе человека над природой продолжает полубессознательно жить в народном суеверии, в остатках языческо-мифологических воспоминаний у образованнейших народов на земле“¹

Если мы, вследствие всего сказанного, признаем, что древнейшим способом добывания огня, появившимся еще в палеолите, было трение

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 570; см. также т. XIV, стр. 569, 414, 458, 495.

дерева о дерево, то нам остается выяснить, какой из снарядов для добывания огня появился прежде других — огневой плуг, пила или сверло.

Многие исследователи, исходя из широкого распространения, в том числе среди наиболее примитивных племен, огневого сверла, считают древнейшим способом добывания огня сверление. Наиболее подробно эта точка зрения развита Карлом Штейненом. Однако само сверление, как технический прием, возникает у первобытного человека не сразу. Оно появляется не раньше начала верхнего палеолита. А не зная сверления, неандертальский человек не мог изобрести и огневого сверла.

Вероятно, наиболее древним и примитивным приемом, доступным еще неандертальскому человеку, было выскабливание огня с помощью огневого плуга. Характерно то, что этот способ распространен, главным образом, на островах Тихого Океана, в Тасмании и в Австралии, т. е. в изолированных областях, где в меньшей мере имели место заимствования и обмен техническими достижениями. Раз возникнув, этот способ удержался здесь надолго, не будучи вытеснен каким-либо другим. Характерно и то, что этот способ существовал у тасманийцев и австралийцев — наиболее примитивных из племен земли, живших в XIX в.

В пользу наиболее древнего появления выскабливания огня свидетельствует и то, что у некоторых австралийских племен, добывающих огонь высверливанием, в легендах описывается добывание огня с помощью выскабливания.

Обработка дерева, изготовление деревянных орудий, несомненно, практиковалась неандертальцем. Дерево могли обрабатывать как с помощью каменных орудий, так и с помощью ножей и скребел из более твердых пород дерева. В результате такого резания, пиления и скобления дерева примитивными методами человек мог заметить возникающие дым, запах, тепло, тление, а затем и воспламенение стружек и опилок. Возможно, что стружки и опилки также специально изготавливались для сохранения и переноса огня, и в процессе их изготовления человек подошел к искусственному добыванию огня.

Выпиливание огня, распространенное в настоящее время у австралийцев, также могло возникнуть у неандертальского человека одновременно с выскабливанием огня. Как и выскабливание огня, выпиливание развилось, вероятно, из техники обработки дерева.

Эти два способа добывания огня можно считать древнейшими. Их возникновение было подготовлено как развитием техники обработки дерева, так и предшествующей им стадией использования и сбережения естественного огня. Слабо тлеющие стружки и опилки, получающиеся при обработке дерева, можно было раздуть в пламя лишь при наличии хорошего трута. А трут — это важнейшее достижение стадии использования огня.

В верхнем палеолите возникает сверление кости, а в некоторых случаях и камня. Несомненно существовало и сверление дерева, а следовательно, появилось и огневое сверло в его простейшей форме, приводимое в действие ладонями рук. Некоторые авторы (Соллас) выдвигают предположение, что сверло с луком появилось уже в конце верхнего палеолита, в мадленскую эпоху. Это предположение является очень заманчивым. Если допустить, что сверло с луком возникло в верхнем палеолите, то тем самым разъяснилось бы происхождение лука и стрел, возникающих как раз на рубеже палеолита и неолита. Однако нужно иметь в виду, что лучковое сверло существует лишь у современных племен, находящихся на ступени варварства. Племена эти по уровню развития своей культуры значительно выше палеолитических людей.

В неолите, в связи с развитием всей техники, в частности техники обработки камня и кости, развиваются и способы добывания огня. Лучковое сверло, несомненно применявшееся в позднем неолите для сверления камня, вероятно, применялось и для добывания огня. Разумеется, это усовершенствованное сверло появилось не всюду (и в настоящее время оно имеет ограниченное распространение) и сосуществовало со старыми, более примитивными способами добывания огня.

В неолите и в эпоху бронзы развивается и высекание огня путем удара кремнем или кварцитом о кусок серного колчедана. Об этом свидетельствуют сделанные в ряде памятников неолита и эпохи бронзы находки кусков кремня или кварцита вместе с кусками серного колчедана и с остатками трута. Такие находки, в частности, были сделаны в Маглемозе, в стоянках и погребениях Скандинавии и швейцарских и североитальянских свайных поселениях.¹

Впоследствии, в связи с развитием обработки железа, появляются и получают повсеместное распространение железные огнива, только в середине XIX в. вытесняемые спичками.

Так прослеживается в основных чертах развитие способов добывания огня в первобытном обществе. Однако у отдельных племен могла быть и иная последовательность приемов добывания огня. Так, одно из примитивных племен индейцев Южной Америки (Wviba в Парагвае) добывает огонь с помощью трения дерева. Однако термин, обозначающий на языке этого племени добывание огня, происходит от слов „высекания ударом“.²

Таким образом у этого племени высекание огня предшествовало добыванию его трением. Но это — редкое исключение.

П. И. Борисковский

ЗАМЕТКА О СКЕЛЕТАХ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ЮЖНОГО ОЛЕНЬЕГО ОСТРОВА

Огромный некрополь, раскопанный В. И. Равдоникасом в 1936—1938 гг. на маленьком островке в северной части Онежского озера, дал плохо сохранившиеся костяки, черепа которых были по большей части раздавлены и посмертно деформированы. После кропотливой реставрации для измерения оказались пригодными 23 черепа мужских и 5 женских, а также 31 длинная кость, принадлежавшая 19 субъектам — 16 мужчинам и 3 женщинам. В приложенной таблице даны важнейшие измерительные и описательные признаки мужских костяков.

Форма мозгового черепа оленеостровцев весьма варьирует. Средняя головного указателя относится к разряду мезокранных, но распределение данного признака весьма неравномерно. Наряду с одним гипербрахикранным и двумя брахикранными черепами имеется ряд истинно долихокранных. Абсолютные размеры мозговой коробки столь же изменчивы. Средняя наибольшей длины велика, но имеется группа черепов, — правда, небольшая, — у которой длина черепа равна 170—174 мм. Ширина черепа по преимуществу малая или же средняя, широкий череп имеется только один. Высота, измеренная от пориона, мала. Лоб более или менее сильно наклонный. Надпереносье развито значительно, но опять-таки колеблется в пределах от слабого до весьма сильного. У нескольких черепов оно сильно выпячено и сопровождается

¹ См., напр., O. Fradin. Ein schwedischer Pfahlbau aus der Steinzeit. Mannus, т. II, вып. 1—3, 1910.

² Vellard. Les indiens Guayaki. Journal de la Société des Américanistes, nouv. sér., т. XXVI, 1934.

слабо выраженными надбровными дугами. Один из черепов дает прекрасный образец надглазничного валика. Примерно в половине случаев имеется лобный гребень (*crista frontalis*). Особого внимания заслуживает полное отсутствие метопического шва. Мышечный рельеф, в частности затылочные линии и затылочный бугор, чрезвычайно слаб. Затылочный вал встречен в 36% случаев, но ни в одном из них не достигает сильного развития. Бросаются в глаза огромные широтные размеры лицевого скелета. Величина скулового диаметра нашей серии находится на крайнем пределе межгрупповой изменчивости и имеет аналогии только в Восточной Азии и Северной Америке. Средние цифры ширины глазниц являются наибольшими из групповых, а так как глазницы невысоки, то указатель их выраженно хамэконхный. В нескольких случаях имеет место высокое или средневысокое одновременно про- или мезогнатное лицо. Собачья ямка развита слабо, подносовые ямки имеются только в 30% случаев. Носовые кости узки, форма их в горизонтальном сечении в 79% сводчатая, а в остальных крышеобразная. У одного женского черепа спинка носа резко уплощена и одновременно имеется ряд других монголоидных признаков. Нижняя челюсть отличается весьма большим бигониальным диаметром и широкой ветвью. Подбородок обычно хорошо развит. Изредка встречается так называемый *torus mandibularis* и аналогичное ему разращение на язычной поверхности верхней челюсти. Последнее, кажется, в литературе до сих пор не упоминалось, и лучшее название для него — *torus maxillaris*. Зубы прекрасной сохранности, кариес совершенно отсутствует. Случаи прижизненного выпадения их весьма редки. Отсутствие третьих моляров представляется исключением, обычно же они развиты не менее вторых. Часто встречаются так наз. „совкообразные“ резцы. Более половины мужчин имели рост выше 170 см, а несколько субъектов были выше 175 см.

Я принимаю гипотезу, наиболее последовательно развитую Дебецом, о том, что раса или расы верхнего палеолита Европы являются предковыми для современных европеоидов. Значительное изменение физических признаков, выражающееся главным образом в грацилизации мозгового и лицевого черепа, а также брахикефализации, является в данном случае результатом не метисации, а закономерного эволюционного процесса, для объяснения которого Дебец привлекает теорию „автономогенеза“ Завадовского. Ниже будет указано и другое возможное объяснение.

Доминирующей в верхнем палеолите Европы и всего Средиземноморского бассейна расой являются кроманьонцы, важнейшие особенности которых суть: высокий или очень высокий рост, долихокrania, сильное надбровье, очень широкое и средневысокое лицо, широкие и весьма низкие глазницы, слабое развитие собачьей ямки, сильная горизонтальная профилировка лица и массивная нижняя челюсть. Очень близкие, морфологически и несомненно генетически, формы характерны для ранней бронзы степной полосы Евразии (так наз. афанасьевские и древнеямные погребения), для лесной же полосы мы имеем прекрасных представителей поздней кроманьонидности в ладожских неолитических черепах. Из Западной Европы известно большое количество мезолитических черепов, хотя и пестрых в расовом отношении, но более или менее кроманьонидных. Мезолит Северной Европы представлен очень незначительным палеоантропологическим материалом, наиболее любопытными образцами которого являются костяк высокорослого и длинноголового мужчины из Стенгнеса и череп анциллового времени из Плау. Последний гипербракранен, весьма высок, обладает ортогнатным средневысоким лицом, высокими глазницами и большим бигониальным диаметром. Череп этот близко напоминает некоторые из оленеостров-

Рис. 5. Реконструкция оленеостровца, выполненная М. М. Герасимовым по черепу из погр. № 12, 1938

ских. В позднем неолите Скандинавии и Северной Германии трансформация физического типа уже дошла до стадии так называемой северной расы.

Костяки Южного Оленьего острова

№№ Мар- тина	Наименование признаков	Костяки мужчин		
		M	min.—max.	N
1	Наибольшая длина черепа	183.6	170—197	19
8	Наибольшая ширина "	142.5	135—155	16
9	Наименьшая ширина лба .	97.6	92—105	14
20	Высота черепа	113.3	106—121	15
32	Угол профиля лба .	80.3°	77—83°	6°
8 1	Черепной указатель	77.4	72.6—86.1	14
9:8	Лобно-поперечный указатель	67.8	63.6—75.5	10
—	Развитие надпереносья (ср. балл)	4.3	3—6	20
—	Развитие затылочного бугра (ср. балл)	2.0	0—4	21
45	Скуловой диаметр	145.7	139—156	10
48	Высота верхней части лица	72.4	69—75	5
51	Ширина глазницы (от mf)	46.5	45—48	11
51a	Ширина глазницы (от d)	44.0	43—45	8
52	Высота глазницы	33.1	30—35	10
54	Ширина носа	26.0	25—27	3
55	Высота носа	53.0	48—57	6
57	Наименьшая ширина носовых костей	7.1	6.5—10	13
66	Бигониальный диаметр	112.3	99—123	9
71a	Наименьшая ширина ветви	38.4	34—44	18
52:51	Глазничный указатель	71.2	66.7—75.6	10
	Развитие собачьей ямки (ср. балл)	2.1	0—4	10
	Рост (по Пирсону) .	171.4	165—179	15
	Рост (по Мануврие)	172.4	165—184	16

Сравнивая теперь нашу серию с упомянутыми выше кроманьонцами и кроманьоидами, отметим следующее. Абсолютная длина тела представителей населения, оставившего данный могильник, лишь немногим уступает росту верхнепалеолитических людей Европы и реально превышает таковой европеоидов эпохи бронзы. Никакой грацилизации лица оленеостровцы не претерпели, — напротив, лицо у них в среднем шире, чем у людей верхнего палеолита. С другой стороны, наблюдаются доминирующая мезокранность и нередкая брахикранность, часто встречается ослабленное надпереносье и надбровье, слабо развит мышечный рельеф и, наконец, что особенно важно, имеется ряд особей с концентрированными монголоидными признаками. Не будет рискованным предположение, что антропологические особенности людей Южного Оленьего острова возникли в результате метисации высокорослых, весьма широколицых, хамэконхных европеоидов, т. е. кроманьонцев, с более малочисленной монголоидной популяцией. Столь позднее существование кроманьонской расы не является чем-то исключительным, так как настоящих кроманьонцев мы знаем из крымского тарденуаза, а отдельные особи встречаются и в наше время — я имею в виду так называемую „фальскую расу“ немецких антропологов. Очевидно, не случайно эти реликтовые формы сосредоточены по преимуществу в Северной Европе. Отличительные признаки кроманьонцев характеризуют их прежде всего как физически необычно сильных людей, прекрасно приспособленных к суровому образу жизни на окраинах великого ледника. Работы Рогинского, установившие тесную связь между развитием надбровья и моторной одаренностью, отнюдь

не свидетельствуют в пользу самопроизвольности процесса „декроманьонизации“. Ведь весьма возможно, что и специфическое строение лицевого скелета кроманьонцев коррелировало с какими-либо адаптивными признаками. Естественный отбор должен был еще играть известную роль в примитивных охотничьих обществах палеолита и эпипалеолита. В дальнейшем приручение домашних животных и переход к земледелию коренным образом изменили социальную обстановку. Смягченные условия борьбы за существование дали возможность выживать и оставлять потомство не только наиболее сильным и выносливым, но и другим, не менее ценным в эволюционировавшей среде. На северо-востоке Европы этот процесс, естественно, мог несколько задержаться

Происхождение оленеостровских монголоидов обстоятельно осветить в настоящее время невозможно. В согласии со взглядами Эйкштедта, Вейденрейха и Рогинского о том, что монголоидная раса образовалась в результате древней изоляции части человечества в Центральной Азии, необходимо предположить, что в эпоху верхнего палеолита тундровая полоса, простиравшаяся от Байкала до Атлантического океана, постепенно заселялась гетерогенными бродячими охотничьими группами. Они двигались в двух направлениях, следуя за отступавшим ледником: протоевропеиды с юго-запада на северо-восток, протомонголоиды с востока на запад. Судя по современному антропологическому составу населения СССР и палеоантропологическим материалам, можно думать, что на юге протоевропеиды еще в палеолите достигли Енисея, в северной же Евразии они очень рано столкнулись со встречным потоком протомонголоидов, вероятно уже метисировавшихся в Западной Сибири, и из слияния этих двух рас образовались впоследствии многочисленные племена и национальности Советского Севера, степень монголоидности которых в общем закономерно увеличивается по мере продвижения к востоку. Южный Олений остров дал первое бесспорное доказательство древности этой грандиозной метисации. Не следует представлять себе этот процесс в виде походных маршей. Продвижения осуществлялись, несомненно, в течение тысячелетий, и кочевавшие на пространствах, не имевших естественных преград, популяции как бы просачивались друг через друга. Вероятными потомками оленеостровцев являются представители восточнобалтийской расы, о монголоидности которой идет вековой спор. Мне кажется, что этот спор нашел теперь удовлетворительное решение. Аналогичное оленеостровцам происхождение имеют, повидимому, и загадочные неолитические брахикефалы Северной Европы (Плау, Риннекальн, Кельял и пр.). Публикуемый материал не может пройти бесследно и для проблемы лапоноидов, в частности же для возрожденной без достаточных оснований гипотезы об отсутствии у последних монголоидных признаков.

Е. В. Жиров

ПИСАНИЦА НА ГОРЕ КИЗЕХ-ТАХ

В окрестностях улуса Орак¹ Хакасской автономной обл. сохранилось много разнообразных памятников далекого прошлого. Природные условия местности — степные котловины, перемежающиеся с холмами и отрогами горных хребтов, поросших лесом, наличие озер — все это благоприятствовало пребыванию в названном районе с древнего времени различных племен скотоводов и охотников. В соседней горной тайге Кузнецкого Алатау и сейчас водится не мало всякого зверя. Имеются там

¹ Находится в 25 км к западу от ст. Ужур Ачинск-Минусинской ж. д.

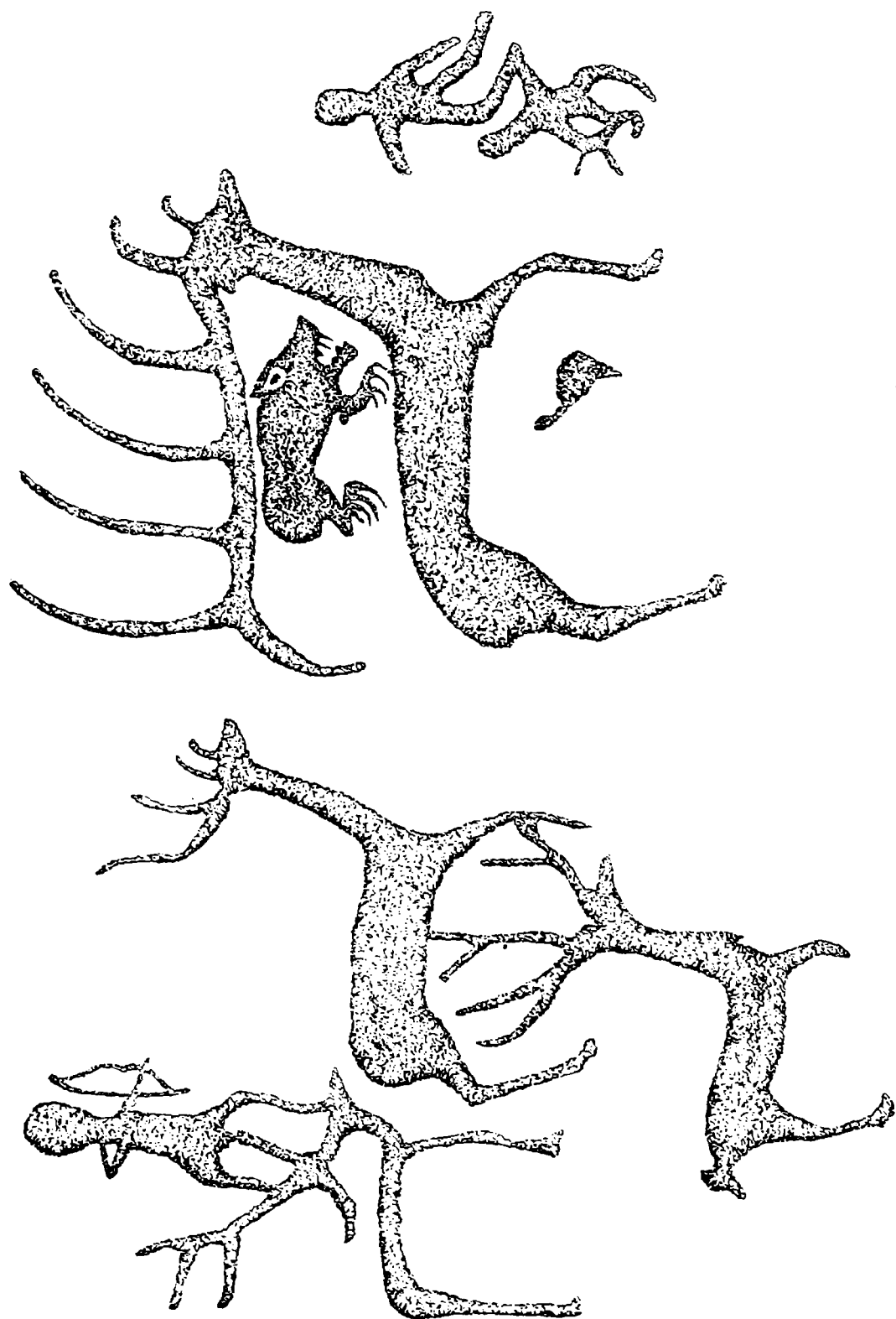

Рис. 6. Писаница на горе Кизек-тах; сѣна охоты.

и кедровый орех, сарана и другие съедобные корнеплоды. В лесостепи превосходные пастбища, где скот может круглый год находиться на подножном корму.

Гора Кизех-тах — это небольшая возвышенность, сложенная из красноцветных песчаников, расположенная между Кедровым озером и Оракской котловиной, в $1\frac{1}{4}$ км на северо-восток от улуса. Склон горы, обращенный к котловине, ниже ее вершины круто обрывается скалистым уступом и затем более полого спускается в степь.

На этих обнажениях песчаника и были найдены древние изображения (на 35 м выше подножия горы). Писаница имеет протяжение в несколько десятков метров и состоит из отдельных групп рисунков. Они выбиты точечной техникой и большей частью представляют собой силуэты животных и людей.

Наиболее интересный петроглиф горы Кизех-тах — это изображение охоты. Он состоит из четырех фигур оленя, одного хищного зверя, охотника с луком, двух человеческих фигур и неясного знака (рис. 6).

Рисунки занимают поверхность скалы дл. 105 см, шир. 57 см (на уровне человеческого роста). Особенно хорошо сделано крупное изображение переднего оленя (длина около 40 см) с откинутыми назад массивными рогами. Между спиной оленя и его рогами помещена фигура хищного зверя (волка?). Показано туловище с поджатым брюхом, морда с раскрытой пастью и оскаленными зубами, огромные когти на лапах.

Между ногами большого оленя имеется какой-то знак неправильной формы.

За передним оленем изображено еще три оленя; два в одну линию (друг за другом), ниже — олень с ветвистыми рогами (в виде куста), расположенный под средним животным из верхнего ряда. Крайний олень первого ряда имеет меньшие размеры; его очертания переданы не столь реально.

Повидимому, древний художник хотел показать, что этот олень находится сзади и дальше других. Выше рогов оленя выбита фигура охотника, натянувшего лук и готовящегося спустить стрелу в направлении двух передних животных. Вправо от группы зверей две фигуры человека, нижний пригнулся слегка и что-то держит в руке.

Все перечисленные рисунки можно интерпретировать как изображение охоты (облавной?) с участием нескольких людей; двое передних стремительно бегут к появившимся животным, чтобы преградить им дорогу; охотник же, вооруженный луком, с противоположной стороны целится в зверей.

Недалеко от этой писаницы привлекает внимание группа изображений иного содержания. Она расположена, примерно, на той же высоте и состоит из фигуры животного (дл. 17 см, выс. 23 см) и рисунка котла „скифского типа“ (18×16 см) с двумя боковыми ручками¹ у верхнего края и более узким, чем стенки сосуда, поддоном (рис. 7). На соседних плитах песчаника находится второе изображение такого же котла (14×16 см) с конической подставкой, ручки обозначены неясно. Из рисунков, имеющих в этой части скал горы Кизех-тах, необходимо еще упомянуть о фигуре человека с распростертыми руками, стоящего на спине лошади.

Третья группа (23×24 см) изображает стадо оленей из семи животных, идущих в одном направлении; расположены они в три ряда. Верхний ряд состоит из одного небольшого рисунка оленя. В среднем ряду

¹ На левой ручке ясно видны округлые выступы-шишечки. Они характерны для бронзовых котлов Минусинского края.

показаны три оленя, причем в центре самый крупный (длина 8 см). Нижний ряд образуют три более схематизированные фигуры животных.

У большинства оленей отчетливо показаны ветвистые рога (кустом), и только самая маленькая крайняя фигура (длина 4 см), в нижнем ряду их не имеет.¹

В другом месте скалы находится изображение оленя с откинутыми назад рогами. Рога показаны в виде одного ствола, от которого отходят боковые отростки. Выше рогов обозначена фигурка человека (выс. 10 см). Обе руки у него согнуты, одна поднята к голове, другая опущена вниз и соединена с туловищем.

На этом же склоне горы, в северо-восточной части обнажений песчаника, нами было замечено еще несколько выбитых рисунков человека. В числе их фигура (10 × 20 см) с полукругло согнутыми руками и расставленными ногами; другая (17 × 17 см) — без обозначения ног; одна рука параллельна туловищу, но не соприкасается с ним, вторая вытянута прямо на уровне плеча; у головы с левой стороны какие-то черточки (напоминают перья).

Большинство изображений на горе Кизех-тах покрыто лишайником и некоторые из них мало заметны. Кроме перечисленных нами групп есть и другие рисунки, но они требуют специального обследования и приспособлений для их изучения; часть находится в менее доступных местах, на скалах выше человеческого роста.

Относительно видовых особенностей животных, изображенных на писанице Кизех-тах, следует заметить, что большинство их воспроизводит оленя (марала). Сравнение фигуры хищника из группы „Охота“ с подобным же изображением зверя, дерущегося со змеей, на золотых бляхах Сибирской коллекции Кунсткамеры, показывает одинаковую их трактовку: туловища с поджатым брюхом, морды с обозначенным ухом, лапы с когтями и пр.

По мнению М. П. Грязнова упомянутый хищник на предметах Сибирской коллекции является волком.

Во второй группе писаницы (с рисунками котлов) очертания и пропорции туловища животного, вытянутая шея и наличие на голове небольших рогов указывают на то, что древний художник, повидимому, пытался изобразить животное из породы антилоп, но не совсем правильно передал направление изгиба рогов.

Обращает внимание манера графической передачи конечностей животных. На рисунках показаны только одна передняя и задняя ноги.

К какому же времени относятся петроглифы на горе Кизех-тах?

Приемы нанесения рисунков (точечная техника выбивания, силуэтные изображения) в сочетании с их сюжетом позволяют датировать основные группы писаницы концом бронзового периода. На это указывает характерный стиль передачи рогов нижнего оленя в группе „Охота“ (они ветвятся кустом),² а также фигура хищного зверя, по общим

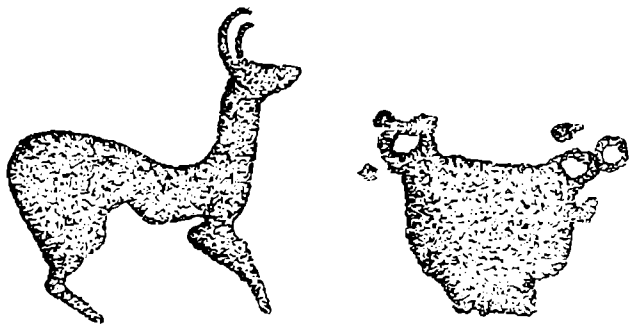

Рис. 7. Писаница на горе Кизех-тах; изображения антилопы и бронзового котла.

¹ Может быть этот рисунок передает молодое животное, идущее сзади.

² С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писанид. Тр. Секции археол. РАНИОН, вып. V.

очертаниям аналогичная изображению из окрестностей улуса Морозова на р. Сыре,¹ у которого контуры туловища заполнены спиралями.

Наконец рисунки котлов во второй группе писаницы передают типичные формы бронзовых сосудов, бытовавших в крае в позднюю стадию минусинского культурного этапа (IV—II вв. до н. э.).

Закругленность в передаче контура животного (антилопы) этой группы также весьма характерна для скифо-сибирских изображений (Саяно-Алтая).

Часть рисунков других групп, возможно, более позднего времени (человек на лошади и некоторые пешие фигуры людей).

В окрестностях улуса Орак древние изображения имеются не только на скалах горы Кизех-тах. На камнях ограды курганов минусинского культурного этапа также встречаются выбитые рисунки.

Часть этих изображений издана Корниловым² и Аппельгреном-Кивало,³ но многие из них еще не описаны. В 1925 г. при осмотре могильника у Красной горы, по правую сторону дороги, если ехать из улуса Орак в пос. Краснозерский, я обнаружил рисунки на одном камне самого крайнего, наиболее крупного кургана восточной группы этого могильника. Курган имеет овальную насыпь (15 × 10 м, выс. 0.5 м), ориентированную с ЗСЗ на ВЮВ. На ней заметно несколько углублений. По краям насыпи врыто 8 каменных плит в вертикальном положении.⁴ Верхний рисунок изображает пляшущего человека с расставленными ногами и руками. Он имеет менее отчетливые контуры, чем остальные. Ниже расположены две фигуры воинов с луками.

Особенно интересен самый нижний рисунок (9 × 18 см). Воин показан в шапке с коническим верхом. В вытянутой руке он держит небольшой полукруглый лук с вставленной стрелой. Другая рука согнута и находится возле пояса около наискось подвешенного колчана (?). Верхняя фигура воина (5.5 × 15 см) повторяет нижнее изображение, но отличается меньшим размером и не столь отчетливым обозначением всех деталей (у лука не показана стрела, на голове нет шапки и пр.).

Писаница окрестностей улуса Орак — наиболее крайний северо-западный пункт распространения памятников этого вида в Минусинской котловине.

Г. П. Сосновский

ТИРИТАКСКИЙ КЛАД

В 1937 г. во время раскопок Боспорской экспедиции на городище Тиритаки был найден большой клад монет Боспорского царства. Клад был обнаружен в западной части Тиритаки, на глубине 1.50 м, в толще слоя римского времени. Согласно сообщению В. Ф. Гайдукевича, место, где был найден клад, представляло собою окраину поселения и было незастроенным пустырем, хотя поблизости от него в южном и восточном направлениях и обнаружены остатки жилых домов с хозяйственными сооружениями римского времени. Вместилищем для монет служил одноручный кувшин с грушевидным желобчатым туловищем. Кувшин был заткнут пробкой из пористого известняка. Найден кувшин

¹ Н. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 266.

² См. его статью в „Магазине земледения“ (изд. Фролова, т. III).

³ Н. Appelgren-Kivalo, ук. соч.

⁴ На длинных сторонах кургана поставлено по три камня узкими ребрами к середине насыпи; на концах — по одной плите широкой частью параллельно короткой стороне кургана.

в разбитом, вернее раздавленном тяжестью лежавшей на нем земли, виде (рис. 8). Ниже кувшина обнаружены остатки стены классического времени, ограждавшей какой-то участок городища. Кувшин был, повидимому, зарыт в насыпи, образовавшейся в римское время поверх остатков этой стены.

Находившиеся в кувшине монеты были густо покрыты зеленой окисью, хотя в большинстве случаев и в неочищенном виде на них можно было разобрать надписи и года. Монеты были очищены в реставрационной мастерской ИИМК сотрудником Т. А. Владимировой и после того предоставлены мне для определения и исследования. Огромное большинство монет хорошей сохранности. Из общего числа 2093 монет только 15 экземпляров сохранились настолько плохо, что при очистке разрушились и для определения представляются безнадежными. 8 экземпляров плохой сохранности в порядке дальнейшей работы возможно еще смогут быть идентифицированы. Остальные 2070 экземпляров определяются точно. Они принадлежат следующим царям:

Инифимей	. 531 г. 2 экз.	Рискупорид V	553 г. 6 экз.
"	534 " 1	"	554 " 2
Рискупорид V	539 " 2	"	558 " 33
"	540 " 7	"	559 " 114
"	541 " 20	"	560 " 198
"	542 " 14	"	561 " 266
"	543 " 14	"	562 " 182
"	544 " 29	"	563 " 485
"	545 " 46	"	564 " 266
"	546 " 77	Савромат IV	572 " 9
"	547 " 95	Тейран	572 " 7
"	548 " 89	"	573 " 10 "
"	549 " 53	Неопределенных	8 "
"	550 " 5	Разрушившихся	15 "
Фарсанэ	550 " 9		
Рискупорид V	551 " 8	Итого	. 2093 экз.
"	552 " 21		

Таким образом время зарытия клада определяется точно: 573 г. боспорской эры = 276 г. н. э. и этот год дает точный отправной пункт для датировки всего римского слоя, к которому принадлежат указанные выше сооружения.

Как видно из перечня монет, клад по составу однороден, все монеты боспорские и, будучи чисто местным кладом, каких-либо данных для заключений о торговых связях Боспора с другими областями он не может дать. Тем не менее, как археологический источник для суждения об экономическом состоянии Боспора в III в. н. э., Тиритакский клад представляет находку исключительной ценности. Согласно списку, самая ранняя монета клада относится к 234 г. н. э. (531 г. б. э.). Период накопления клада, таким образом, длится 42 года и охватывает как раз то время, когда в связи с экономическим упадком особенно бурно развивается денежный кризис и в Римской империи и на Боспоре. Все монеты имеют на лицевой стороне портрет царя с его именем и титулом, а на оборотной — портрет императора с датой боспорской эры. Иначе говоря, по своей форме они являются прямыми и непосредственными преемниками золотых статеров, выпускавшихся на Боспоре со времени Августа, с 9-го г. до н. э. (289 г. б. э.). В отличие от медных монет, эти статеры неизменно снабжаются датами боспорской эры. В связи с последовательной и непрерывной порчей римского денария, статеры боспорских царей во II в. н. э. также стали делаться из бледного золота, а со второй четверти III в. из биллона, т. е. низкопробного серебра;

в конце III в. они становятся чисто медными, так что выпуск рядом с ними медной монеты прекращается. Тиритакский клад иллюстрирует как раз этот заключительный этап в процессе порчи монеты на Боспоре. Если сравнить первую и последнюю монеты клада, то уже по цвету видно, что статер 531 г. б. э. чеканен из биллона, в то время как статеры 572 и 573 гг. почти из чистой меди. Однако неправильно было бы думать, что порча монеты шла в порядке неуклонного постепенного понижения пробы металла без всяких колебаний в ту или другую сторону. Уже ранее можно было с уверенностью говорить, что и в те годы, к которым относятся монеты Тиритакского клада, моменты дальнейшего упадка чередовались с моментами некоторого подъема.

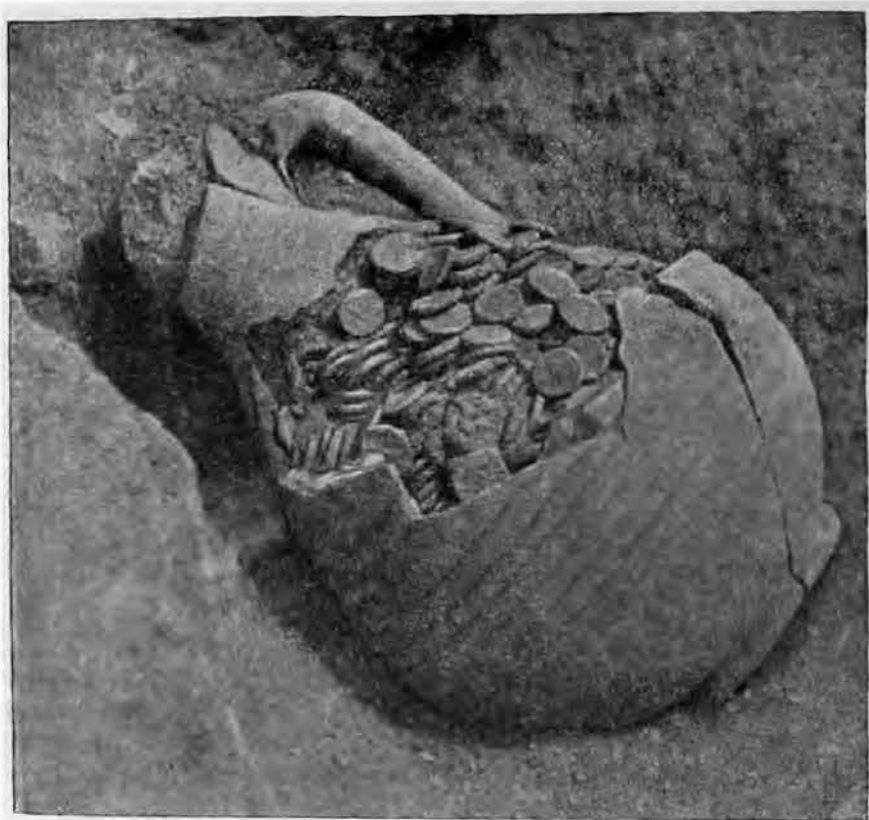

Рис. 8. Тиритакский клад.

Причину этих колебаний надо видеть в попытках боспорских властей урегулировать денежное обращение и воспрепятствовать прогрессивному обесцениванию статеров. Сильное, очень хорошо заметное уже по внешности ухудшение качества металла, напр., можно констатировать в середине III в. н. э., непосредственно перед четырехлетним перерывом в чеканке, наступающим в 554 г. б. э. Статеры, выпущенные в 558—564 гг. б. э., значительно лучше по качеству металла, но в 564 г. наступает новый, восьмилетний, перерыв, после которого проба вновь резко понижается: статеры становятся по существу медными. Огромный интерес Тиритакского клада в том, что он перекрывает оба отмеченные перерыва и позволяет проверить наши представления об их границах. Так, до сего времени, исходя из достоверных экземпляров статеров Рискупорида V от 550-х годов б. э., мы имели основание думать, что перерыв начинается в 553 г. б. э., так как статеров 554 и следующих годов не было известно.¹ Клад дает два экземпляра неиз-

¹ Х. Гильб. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, стр. 359.

вестных до сего времени статов 554 г. б. э. и, таким образом, суживает этот перерыв на один год. С другой стороны, хотя Сабатье и Кене¹ упоминают статы 557 г. б. э., реальность подобных статов внушала серьезные сомнения. Их существование отрицал, повидимому, Гиль,² а О. Ф. Ретовский в своих рукописных заметках к *Corpus v* указал, что приписываемые этому году статы на деле носят дату ЗМФ (547 г.). Я не мог не разделять этих сомнений, поскольку ни одного стата с 557 г. мне никогда не встречалось. Тиритакский клад эти сомнения подтверждает.

Далее в книге „Античные монеты“ я позволил себе усомниться в действительном существовании статов с именем Рискупорида, носящих дату 572 г. б. э.,³ и заподозрил, что все известные экземпляры подобных монет представляют подделки, поскольку все они, повидимому, отлиты с одной модели. Это сомнение также подтверждается Тиритакским кладом, в котором при 9 статах 572 г. с именем Савромата IV и 7 с именем Тейрана нет ни одного с именем Рискупорида.

Но констатацией этих фактов не ограничивается значение Тиритакского клада. Внимательное и углубленное исследование содержащихся в нем статов может доставить ценные данные для суждения о процессе развития монетного кризиса и о последовательном ходе порчи монеты в середине III в. н. э. Произведенные А. А. Лаптевым и А. М. Гузиной анализы ряда статов показали, что во всяком случае в монетах, выпущенных до последнего перерыва, который начинается в 564 г. б. э., всегда присутствует золото, хотя и в очень малых количествах; в среднем около 0.50⁰/₀; преобладает в их составе медь, а содержание серебра колеблется от 10 до 25⁰/₀. Дальнейшие анализы, надо надеяться, позволят уточнить эти наблюдения.

Очень интересным обещает быть исследование монет, содержащихся в кладе, путем сравнения штемпелей. Благодаря большому количеству монет, особенно за период 558—564 гг., такое исследование позволит создать довольно полное представление о количестве штемпелей лицевой и оборотной сторон и об их взаимоотношении. Эти данные в свою очередь позволят судить о темпе работы монетного двора в различные моменты и отсюда сделать заключения о характере мероприятий, осуществлявшихся боспорскими властями в целях уменьшения последствий денежного кризиса.

А. Н. Зограф

К ВОПРОСУ О КИЕВЕ В VIII—IX вв.

Еще в 1908 г. раскопками Д. В. Милеева на территории бывшей усадьбы Десятинной церкви, в 4.5 м к северу от древней северной стены храма, было установлено сильное понижение культурных слоев, которые потом опять резко поднимались. В 1909 г., когда этот факт был прослежен на значительном пространстве по всему исследованному участку вдоль северной стены древней церкви, стало очевидно, что это понижение представляет ров глубиной до 6 м, тянущийся на значительном протяжении.⁴ Этот ров уходил за границу б. ус. Десятинной

¹ Сабатье. Керчь и Боспор. СПб., 1851, стр. 79. — Б. Кене Музей Кочубея, II, стр. 338.

² Ук. соч., стр. 359.

А. Podschivalow. Beschreibung der unedirten und wenigbekanntten Münzen von Sarmatia etc. M., 1882, стр. 23, табл. II, 39.

⁴ С. Вельмин. Археологические разыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. Военно-истор. вестн., 1910, № 7—8, отд. отд., стр. 20.

церкви в направлении к северному обрыву Андреевской горы, на территорию соседней усадьбы Петровского, где, однако, тогда он не был прослежен. Обнаруженные в верхних слоях засыпи рва находки дали

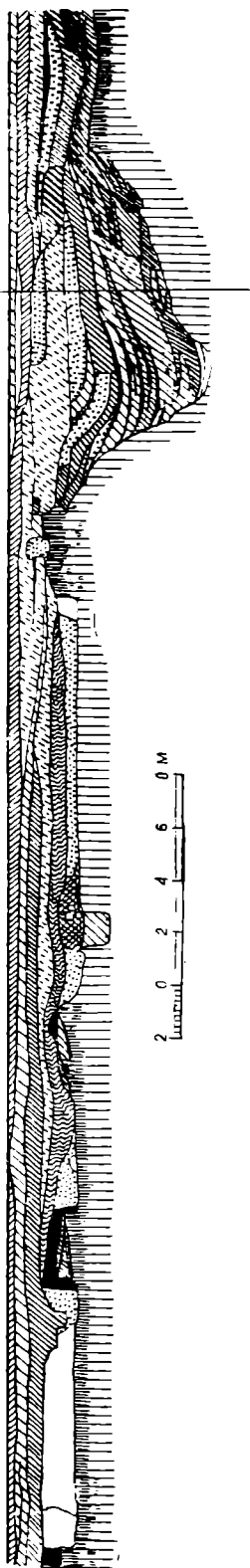

Рис. 9. Разрез рва древнего Киевского городища.

основание предположить, что ров был засыпан в XIII в. Назначение его не было выяснено, но высказывались предположения, что ров связан с самой Десятинной церковью и представляет своеобразное укрепление вокруг церкви. В 1908—1909 гг. было правильно установлено, что все древнейшие погребения довладимировой и владимировой поры расположены только к юго-востоку от рва, доходя до самого склона его, но никогда не переходя к северо-западу от него. Однако из этого правильного наблюдения не было сделано напрашивавшегося вывода о том, что ров связан именно с этой древнейшей эпохой, а отнюдь не с эпохой существования самой церкви (X—XIII вв.).

Не только в то время, когда работал Д. В. Милеев, но и значительно позже, вплоть до недавнего времени, считалось, что древнейшим ядром Киева является так наз. Владимиров город, т. е. город в тех границах, которые при Владимире были ограждены земляными валами с каменными башнями. Остатком этого древнейшего, как тогда казалось, города являются развалины каменной воротной башни, раскопанной на углу ул. Короленко и ул. Горвица, известной под именем Батыевых ворот. О существовании более раннего городища, предшествовавшего городу Владимира, никто тогда и не подозревал.

В 1936—1939 гг. на территории б. ус. Десятинной церкви и примыкающих к ней с северо-востока б. ус. Петровского и с северо-запада б. ус. Слюсаревского Институтом археологии АН УССР были развернуты большие археологические исследования, результаты которых дали не только огромное количество новых материалов по истории этого района Киева в XI—XIII вв., но и позволили выяснить значительно более древние страницы истории Киева.

Раскопки 1936—1937 гг. на б. ус. Петровского и раскопки 1939 г. на б. ус. Слюсаревского позволили не только исследовать обнаруженный в 1908—1910 гг. ров в целом ряде точек и проследить его направление на значительном протяжении, но и уяснить подлинное назначение этого сооружения.

Раскопками 1936 г. ров. дно которого находилось на глубине 4.50—4.70 м от уровня современной поверхности, был обнаружен в северном конце ус. Художественной школы (б. ус. Петровского) на обрыве над Андреевским спуском

(ныне спуск Ливера).¹ Глубина рва по отношению к уровню материка—2.90—3.00 м. Склон рва падал под углом около 45°. Ров был просле-

¹ Дневник Киевской археологической экспедиции АН УССР, 1936 г., № 8, стр. 84 (Архив Института археологии АН УССР).

жен на этом участке на протяжении 6.20 м. В засыпке рва встречены кости животных и фрагменты лепной керамики.

Продолжение рва было обнаружено шурфом на участке, расположенном в 10—15 м к юго-западу от первого.¹ Шурф не был доведен до дна рва; на глубине 5 м дно рва еще не было обнаружено.

От этого участка направление рва резко поворачивало к юго-западу. Продолжение рва было прослежено в 1937 г. шурфом, заложенным к северу от северной стены каменного дома на б. ус. Десятинной церкви. Ров на этом участке имел направление с северо-востока на юго-запад, уходя под каменный дом.² Склон рва падал под углом 50°. Засыпка рва состояла и здесь из плотно слежавшейся земли, в которой попадались фрагменты керамики, сделанной на круге, кости животных и угли. На дне рва были найдены фрагменты грубой лепной керамики, относящейся к VIII—IX вв. И этот шурф не был доведен до материка. Дно рва не было обнаружено, хотя глубина раскопа была доведена до 4.80 м. Древняя засыпка рва начиналась на глубине 2.60 м от уровня современной поверхности. Не была установлена и ширина рва, ибо раскрыт был только западный склон его. Между только что описанными двумя участками рва находится тот участок, который в 1908—1909 гг. был раскопан Д. В. Милеевым. Судя по замечанию С. Вельмина³ и чертежу самого Милеева,⁴ ров был им обнаружен в 4.5 м от древней северной стены Десятинной церкви. Из этого следует, что он находился на прямой, соединяющей шурф 1936 г. с шурфом 1937 г.

Последний участок рва был обнаружен нашими раскопками 1939 г. в саду б. ус. Слюсаревского (Десятинный пер., д. № 4). Этот участок лежит в 10 м к юго-западу от только что описанного участка на ус. Художественной школы. Раскрыть ров полностью не удалось, так как восточный склон его находится под каменным домом. Западный склон по техническим условиям (в связи с близостью фундаментов постройки) удалось раскопать лишь на глубину до 3.25 м. Угол падения склона рва 45°. В засыпке рва обнаружены керамика (на круге и лепная) и кости.

Вскрытые в 1908—1909 и 1936—1939 гг. участки рва позволяют установить основную трассу этого сооружения. Начинаясь от северного обрыва Андреевской горы (б. ус. Петровского), ров имеет направление сначала к югу, а потом несколько сворачивает к юго-западу, проходя вдоль северной стены Десятинной церкви. Выходя затем на границу усадьбы Десятинной церкви, ров проходит через юго-западную часть б. ус. Петровского и выходит в сад б. ус. Слюсаревского. Дальнейшее направление его не было установлено, но можно предположить, что, пересекая Десятинный пер., ров заканчивается у обрыва Андреевской горы над Кожемяками (рис. 10).

Установленная трасса рва не оставляет никаких сомнений в назначении этого сооружения. Прежде всего, ров отнюдь не связан с Десятинной церковью. Наоборот, он проходит так близко от северной стены церкви, что заставляет думать, что сооружение последней стало возможным лишь после предварительной засыпки рва. Уже из этого следует, что существование этого сооружения закончилось не в XIII в., как думали С. Вельмин и, повидимому, Д. В. Милеев, а значительно раньше, и во всяком случае не позже конца X в.

¹ Дневник 1936 г., № 11, стр. 33.

² Дневник 1937 г., № 1, стр. 40—44.

³ С. Вельмин, ук. соч., стр. 20.

⁴ Архив ИИМК АН СССР (фонд б. Археологической комиссии).

Terminus ante quem устанавливается, однако, не только на изложенном выше основании. Раскопками 1936 г. было установлено, что на засыпке рва в той его части, которая вскрыта на северном склоне б. ус. Петровского, были заложены землянки и ювелирная мастерская. Остатки землянок и большое количество предметов XI—XIII вв., обнару-

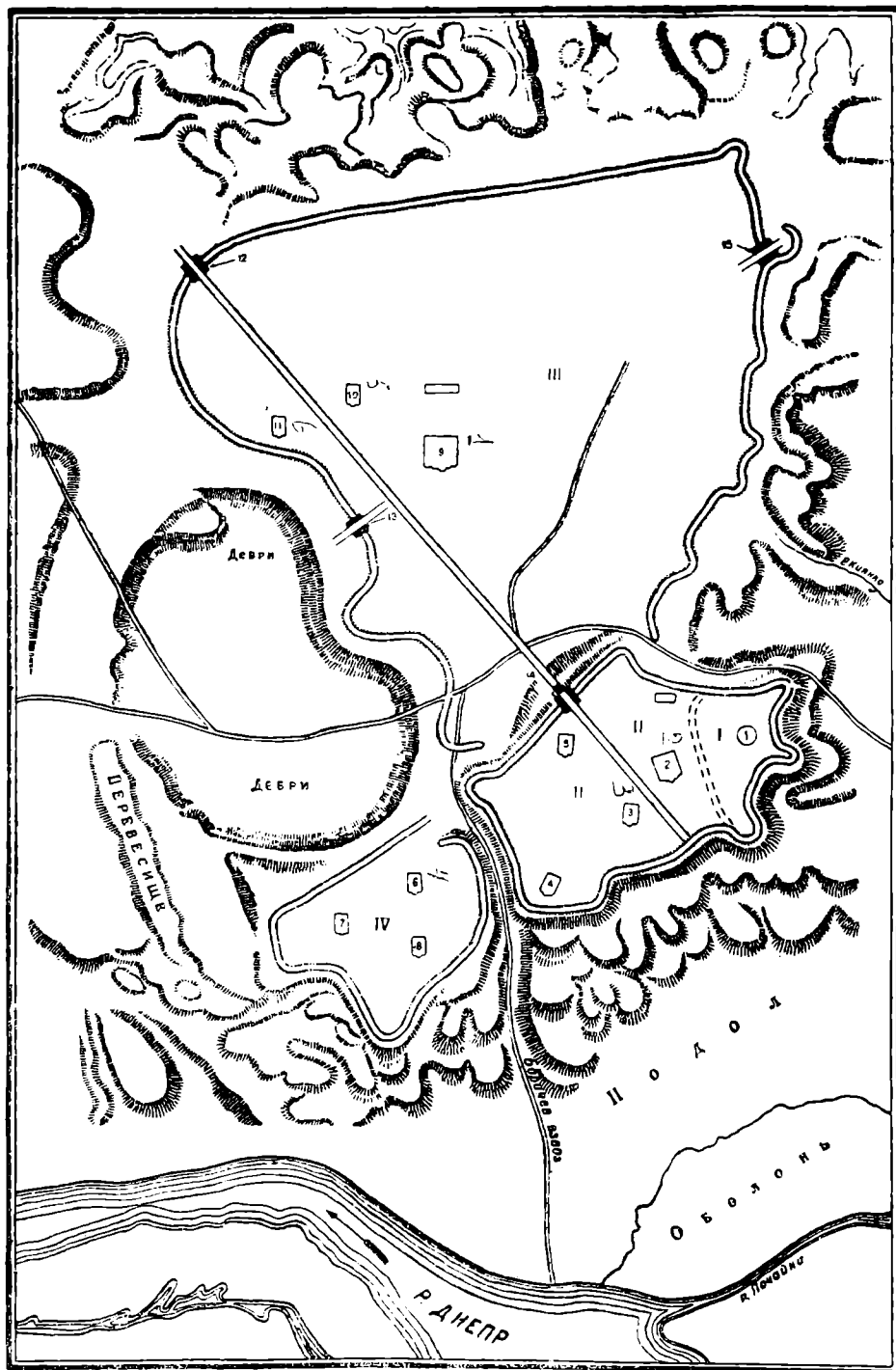

Рис. 10. Схематический план древнейшего Киева.

1 — Киевское городище VIII—IX вв.; II — Город Владимира; III — Город Ярослава; IV — Михайловская гора; 1 — капище; 2 — Десятинная церковь; 3 — Янчин монастырь; 4 — ц. Василия; 5 — ц. Федора; 6 — собор Михайловского Златоверхого монастыря; 7 — собор Дмитриевского монастыря; 8 — ц. Петра; 9 — Софийский собор; 10 — ц. Георгия; 11 — ц. Ирины; 12 — Золотые ворота; 13 — Лядские ворота; 14 — Батыевы ворота; 15 — Львовские ворота.

женные над засыпью рва, свидетельствуют о том, что в XI—XIII вв. трасса, по которой ранее проходил ров, была уже густо застроена и заселена.

Весьма значительные данные о времени существования рва дали находки в нижних слоях рва и особенно находки, в большом количестве обнаруженные на дне его. В отличие от находок, обнаруженных на поверхности рва, относящихся к XI—XIII вв., находки на дне рва состояли в основном из фрагментов грубой лепной керамики и костей. Изучение погребений киевского некрополя убеждает нас в том, что уже в начале X в. в Киеве была распространена керамика, хотя и грубая по составу глины и несовершенная по обжигу, но все же сделанная уже на гончарном круге. Распространение в Киеве лепной керамики того типа, который представлен находками со дна рва, падает на VIII—IX вв., а иногда и на более ранний период.

Все это ведет нас к выводу, что ров, обнаруженный на территории древнего Владимирова города, представляет остаток более древней оборонительной линии Киевского городища, расположенного на западной оконечности Андреевской горы, защищенной с запада и севера крутым обрывом. Этот ров и очевидно находившийся за ним земляной вал ограждали Киев VIII—IX вв. За рвом древнейшего городища к востоку и к югу был расположен древний курганный могильник, изучение которого дало исключительной научной ценности материал для реконструкции облика древнейшего Киева.¹ Территория этого могильника была очень значительна и во много раз превосходила площадь самого городища.

В конце X в. старые городские укрепления были уже недостаточны для разросшегося города. Владимир Святославич обносит новым городским валом и рвом разросшийся посад. Древний ров, оказавшийся в черте нового города, был засыпан, а языческий курганный могильник, расположенный теперь в центре нового города, был уничтожен и застроен. На площади могильника в 989 г. была заложена первая каменная христианская церковь, а вскоре возник и ряд других монастырей и храмов. Ставшая центром нового города площадь могильника быстро застраивается дворцами князя и хоромами знати, а на территории старого городища и на трассе засыпанного рва возникают землянки-мастерские княжеских холопов-ремесленников. Многочисленные остатки этих землянок-мастерских и составляют основной материал, добытый раскопками В. В. Хвойко в 1907—1908 гг. на б. ус. Петровского и раскопками Института археологии АН УССР в 1936—1939 гг.

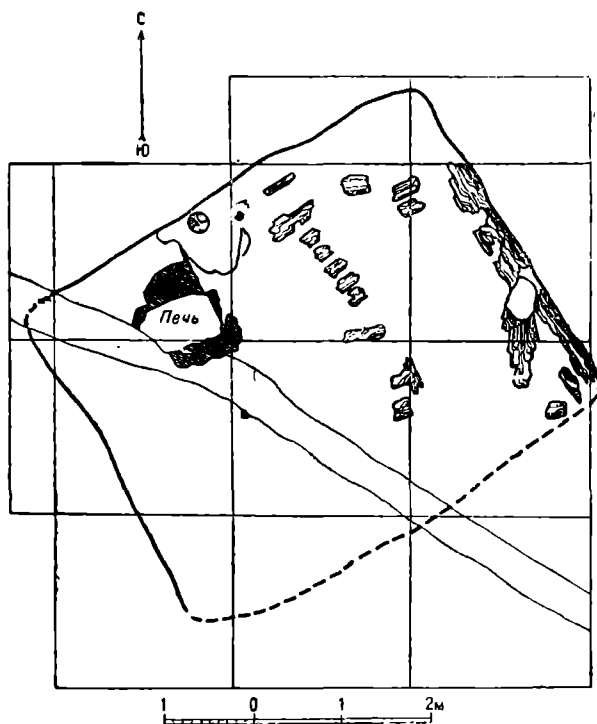

Рис. 11. План землянки VIII—IX вв. на усадьбе Художественной школы в Киеве.

¹ М. К. Каргер. Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным. Краткие сообщ. ИИМК АН СССР, I, 1939, стр. 9—10.—Его же. Погребение Киевского дружинника X в. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, V, 1940, стр. 79—82.—Его же. Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь, Изд. АН СССР, 1940, № 2, стр. 38—40.

на б. ус. Петровского и Слюсаревского. Несмотря на огромное количество добытого этими раскопками материала, до последней поры не удавалось обнаружить ни одного жилища, относящегося ко времени существования древнейшего городища.

Это делает понятным, какой исключительный интерес вызывает землянка, раскопанная Киевской экспедицией 1939 г. в западном углу б. ус. Петровского (ныне ус. Художественной школы), почти у самого обрыва Андреевской горы (рис. 11). К сожалению, сохранность этой землянки оставляет желать многого. Стенки ее почти не сохранились. Границы землянки были прослежены в основном по утрамбованному и обожженному глиняному полу, на котором обнаружено большое количество обгоревшего дерева и в том числе обломки нескольких обгоревших досок от кровли, лежавших рядом перпендикулярно к толстой обуглившейся балке, на которую, повидимому, они опирались.

В северо-западном углу была обнаружена удовлетворительно сохранившаяся глиняная печь, имевшая форму вытянутого прямоугольника с провалившимся сводчатым верхом. Задняя часть печи уничтожена поздней траншеей, прорезавшей землянку. Под печи был хорошо обожжен и представлял собою плотную глиняную основу, неоднократно подновлявшуюся путем подмазки. Характерной для киевских землянок XI—XIII вв. набивки пода битой глиняной посудой или кирпичом здесь нет. Землянка имеет прямоугольный план, с трех сторон можно было проследить слабые следы обожженных глиняных стенок, четвертая стенка не сохранилась совершенно, и граница землянки с этой стороны установлена исключительно по границе обожженного пола.

На полу землянки в слое золы и угля были найдены куски обожженной глины с отпечатками прутьев. Эти куски по характеру обжига и по величине, повидимому, не связаны с печью; они являются частями стен землянки, плетеных из прутьев и обмазанных глиной. Эти куски позволяют реконструировать облик наземных частей землянки.

В числе находок на полу землянки помимо костей животных необходимо отметить большое количество фрагментов грубой лепной керамики, ближайшим образом напоминающих лепную керамику, происходящую со дна рва, ограждавшего Киевское городище в VIII—IX вв.

На ряду с лепной керамикой на полу землянки и за ее границами было обнаружено несколько глиняных пряслиц, характерных для ранних славянских городищ Среднего Поднепровья. Начиная с XI в. глиняные пряслица в Киевской земле почти совершенно вытесняются шиферными пряслицами, вырабатывавшимися в районе Овруча.

Состав этих находок, как и форма и устройство печи, заставляет отнести раскопанную нами землянку ко времени не позже конца IX в. Сказанное позволяет рассматривать землянку как памятник, синхронный рву, и относить ее к числу жилищ древнейшего городища, существовавшего на Андреевской горе уже к VIII—IX вв.

М. К. Каргер

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АМИР-ТЕМИР, НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В ГОРАХ БАЙСУН-ТАУ (УЗБЕКИСТАН)

С именем великого завоевателя Тимура в Средней Азии связаны не только величественные архитектурные сооружения, но и многочисленные пещеры в горах его родины — Южного Узбекистана.

Громкое название „Тамерлановой“ пещеры, или по-местному грота „Амир-Темир“, носит, в частности, и одна из пещер в горах Байсун-тау, расположенная вблизи ставшего известным, благодаря сделанным там мустьверским находкам, грота Тешик-таш (рис. 12).

Грот Амир-Темир находится в ущелье (сае) того же названия и издавна пользуется суеверным почитанием благодаря своему названию. У входа в него до сих пор стоит высокая священная арча. Она выросла, по словам стариков — жителей кишлака Мачай, из сухой трости, воткнутой в землю Тимуром. В глубине же грота по их мнению закопаны „пушки и сабля“ Тимура.

Грот напоминает собой гигантскую щель, открытую на северо-восток. Сверху над ним возвышается гигантский скалистый уступ. Далеко внизу лежит долина Турган-дарья. Перед гротом неглубокая долина Сая, усыпанная обломками скал, поросшая арчей и скупой растительностью горных склонов. Потолок грота низко нависает над полом; в середине грота стоят лужи воды, натекающие со свода. В глубину грота уходят темные разветвления. В гроте всегда сыро и прохладно.

Первые сведения о гроте доставил в Сурхандарьинский музей И. Ф. Ламаев. В 1938 г. грот был осмотрен автором статьи. И. Ф. Ламаевым, В. Д. Запорожской и Калашниковым — работником Сурхандарьинского музея. В шурфе, тогда же заложенном нами у входа в грот, были впервые прослежены культурные напластования, свидетельствовавшие о длительной заселенности грота.

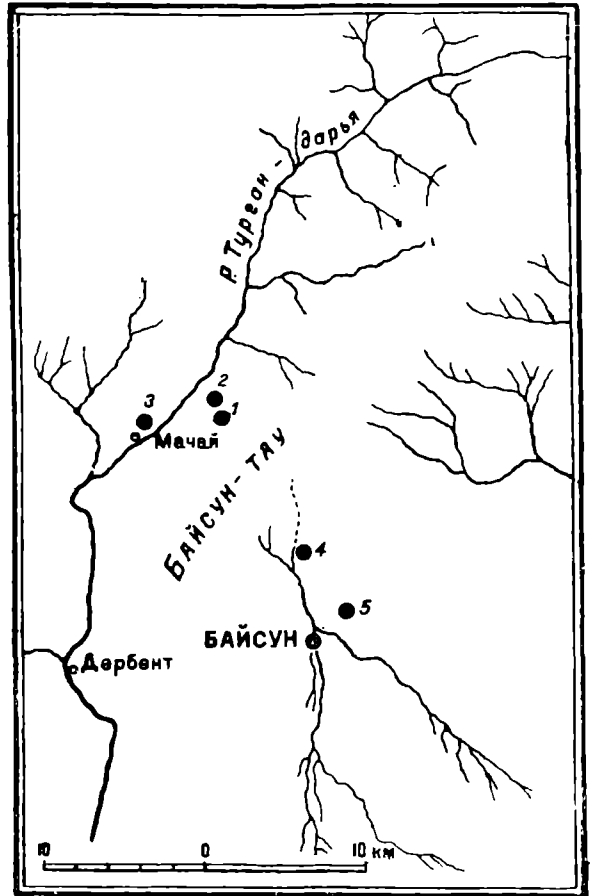

Рис. 12. Схематический план расположения важнейших пещерных памятников Байсунского района.

1 — Тешик-таш; 2 — Амир-Темир; 3 — Катта-курган; 4 — Курган-дарья; 5 — Темир-ульдэ.

В 1939 г. в связи с геологическими наблюдениями, производившимися в районе Тешик-таша С. В. Эпштейном, в гроте Амир-Темир нами были произведены небольшие разведочные раскопки, позволившие полнее уяснить характер культурных отложений грота.

В гроте были обнаружены три основных культурных слоя.

Первый слой залегал в непосредственной связи с верхними рыхлыми зольными отложениями, имевшими „ленточную“ структуру и явственно расчленявшимся на две более темных прослойки с находившейся между ними более светлой. С нижней частью зольного слоя связана была находка четырехгранного пирамидального наконечника стрелы без шипов, но с длинным тонким черенком, и фрагмента большого глиняного сосуда грубой выделки, с широкой боковой ручкой.

Второй культурный слой залегал глубже, уже в глине, богатой щебенкой, причем, однако, не везде было возможно установить его точную границу с первым. Этому слою принадлежало и огнище, обнаруженное шурфом 1938 г. Как и в 1938 г., здесь вновь были обнаружены каменные изделия. Это были пестик-курант для зернотерки в виде цилиндрического камня, отщепы, широкое и очень грубо выполненное овальное скребло большого размера, наконец, серия больших нуклеидных изделий своеобразной формы. У очага и в особой ямке оказались кости домашних животных, преимущественно домашнего козла. Найдена также керамика: грубая, лепная, толстостенная. На многих фрагментах сосудов изнутри прослеживаются характерные отпечатки грубой ткани.

Наконец, на глубине около 1 м от поверхности был обнаружен ярко выраженный третий культурный слой, в виде скопления угля, т. е. типичное кострище шириной около 1—1.5 м. В кострище местами великолепно сохранились древесные угли и в том числе один, поразительно напоминающий фрагмент деревянного тщательно обрезанного острым предметом изделия.

Изделия из камня представлены только очень грубыми отщепами из темносерого кремнистого известняка, слегка оббитыми массивными желваками известняка, скреблом, нуклеусами (в том числе один хороший экземпляр двусторонне-дисковидного нуклеуса). Один из массивных желваков несколько напоминает рубило и, возможно, был заготовкой. Скребло, большое и тяжелое, изготовлено из плитки известняка. Обе стороны его сохранили в целости естественную поверхность, а один край обработан в виде дугообразного лезвия. Этот рабочий край оформлен широкими и крутыми фасетками, местами у края есть дополнительные фасетки вторичной ретуши. Само по себе лезвие смято, имеет зазубрины и даже в некоторых местах залощено в процессе употребления (рис. 13).

Совершенно такие же по технике обработки, по форме и размерам скребла найдены в мустьерских отложениях Тешик-таша.

Не менее разительным примером совпадения каменного инвентаря этого слоя Амир-Темира с Тешик-ташем является и один массивный нуклеус из кремнистого известняка. Он имеет приготовленную одним сильным ударом ровную площадку и покрыт широкими фасетками сколов. По форме этот нуклеус в известной степени напоминает призматические нуклеусы, хотя и несравненно грубее, примитивнее любого из таких нуклеусов, известных в верхнем палеолите. Очень сходный нуклеус встречен был в первом сверху культурном слое Тешик-таша.

Фауна мустьерского слоя Амир-Темира, несмотря на ее скудость, как и следовало ожидать, близка к фауне Тешик-таша (горный козел — *Capra sibirica*).

В отличие от Тешик-таша, Амир-Темир служил, повидимому, не постоянным, а временным убежищем для людей мустьерского времени. В тонком культурном слое грота очень мало костей животных, столь изобильных в Ташик-таше. В нем немного отщепов, а грубо-оббитые желваки известняка, как сказано, напоминают скорее заготовки. Низкий и сырой грот, несмотря на его огромные размеры, был неудобен для жилья, и естественно, что люди предпочитали ему соседний Тешик-таш, высокий, относительно более сухой и светлый.

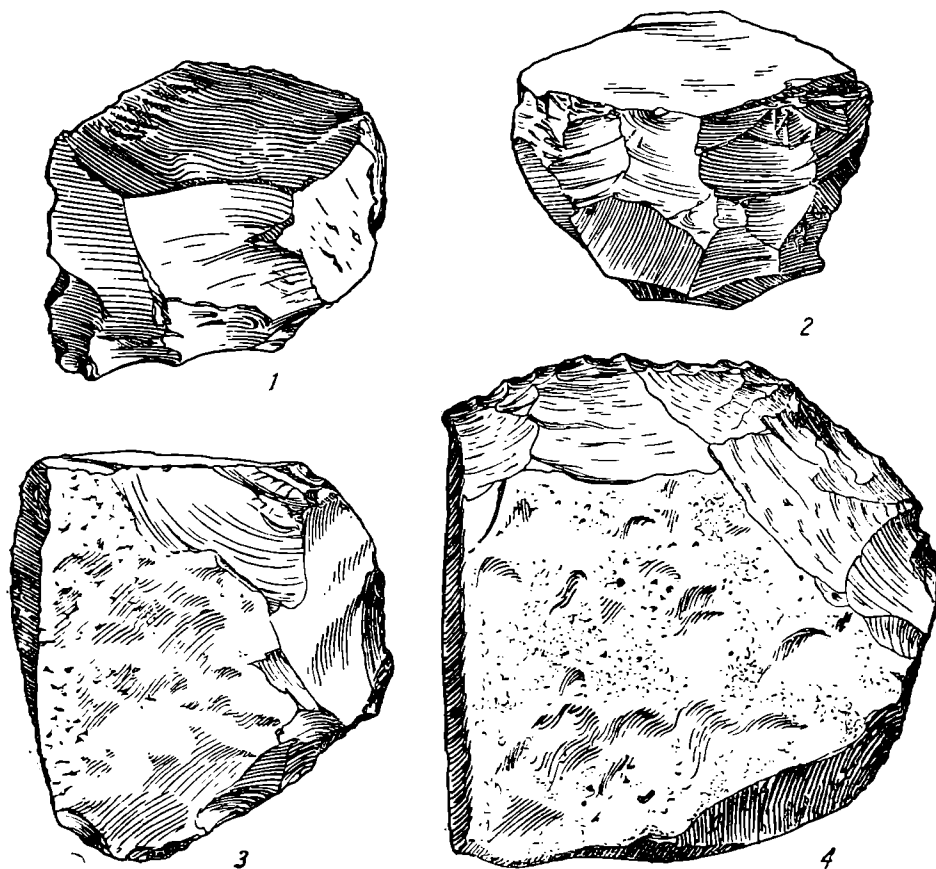

Рис. 13. Амир-Темир. Орудия из мустьерского слоя.
1—2 — нуклеусы; 3—4 — скребла.

Сырость в гроте вместе с тем обеспечила и хорошую сохранность древесного угля в палеолитическом кострище, исследование которого позволит полнее представить природные условия того времени.

Таким образом в гроте Амир-Темир обнаружены следы различных культур, древнейшей из которых является мустьерская, наиболее близкая к находкам из верхних слоев Тешик-таша. Излишне говорить, насколько важен факт наличия второго мустьерского памятника в Средней Азии и, вместе с тем, многослойного памятника, где в дальнейшем может быть полнее прослежен характер и других представленных в нем культурных стадий.

А. П. Окладников

Начатые в 1937 г. под руководством автора настоящей статьи работы по археологическому изучению Хорезма,¹ продолжившие работы ГАИМК 1928—1929 гг. (экспедиция Якубовского) и 1934 г. (экспедиция Воеводского), в истекшем году были развернуты значительно шире, чем в первые два года, когда территория исследования ограничивалась северо-восточной частью Турткульского и Шабасского районов Кара-Калпакской АССР.

Благодаря широкой кооперации сил и средств ряда заинтересованных в тематике экспедиций учреждений, удалось создать солидную материальную базу экспедиции, позволившую вывести работы за пределы их первоначальной территории и тематики.

В 1939 г. в организации экспедиции участвовало 8 учреждений, представлявших 4 республики и 5 городов: ИИМК, Всесоюзная Академия архитектуры, Гос. Эрмитаж, Гос. Исторический музей, Институт истории Турк. ССР, Узкомстарис, Центральный музей Кара-Калпак. АССР, Истфак Московского Гос. университета.²

Центр тяжести работ экспедиции 1939 г. попрежнему лежал на территории Кара-Калпак. АССР — на ее „землях древнего орошения“, где в течение трех месяцев были произведены стационарные раскопки трех памятников: двух городищ эллинистического времени и одного „замка“ (укрепленной земледельческой усадьбы) VIII в. н. э. Параллельно с этим велись обследование и описание окружающих развалин и других археологических памятников. Наряду с этим были осуществлены два больших разведочных маршрута за пределами Кара-Калпак. АССР — на территории Туркменской и Узбекской ССР с целью: 1) обследовать памятники среднего течения Аму-дарьи от Чарджоу до Турткуля (в начале экспедиции, двумя отрядами; первый, под моим руководством, двигался вдоль правого берега реки на лодках; второй, под руководством С. С. Ершова, — сухим путем вдоль левого берега); 2) обследовать памятники вдоль русла древнего арыка Чермен-яб (Северные Каракумы, Ташаузская область Турк. ССР).

ИТОГИ СТАЦИОНАРНЫХ РАБОТ

а) Новые данные по первобытной истории Хорезма

Работы 1938 г. впервые дали, как мы уже сообщали в печати (ВДИ, 1939, № 3), материалы по первобытной истории Хорезма. Я имею в виду ряд стоянок с керамикой эпохи бронзы (конец II и начало I тысячелетия до н. э.), близкой по типу к срубно-хвалынской и андроновской культурам, открытых в окрестностях развалин крепости

¹ К 1937 г. относятся разведки сотрудника экспедиции А. И. Тереножкина на землях древнего орошения Кара-Калпак. АССР. В том же году, несколько раньше А. И. Тереножкина, по поручению Узкомстариса в этом же районе были проведены разведки Я. Г. Гулямовым, с 1938 г. также включившимся в работу экспедиции.

Благодаря работам 1937 г. впервые стали известны памятники домусульманского (преимущественно афригидского) Хорезма и значительно расширен материал по раннему сульманскому времени. О работах 1938 г. см.: ВДИ, 1939, № 3.

² В работах экспедиции участвовало 16 человек научных и научно-технических работников: нач. экспедиции С. П. Толстов (ИИМК, Москва), 5 научных сотрудников-археологов: С. А. Ершов, С. С. Гасанов (Инст. истории ТССР, Ашхабад), Я. Г. Гулямов, А. И. Тереножкин (Узкомстарис, Ташкент), А. А. Эльвицкий (Гос. Исторический музей, Москва); 2 архитектора: В. И. Пилявский и Г. Али-Эдэ (Всес. Акад. архитектуры, Москва—Ленинград), художник Н. П. Толстов (ИИМК, Москва); фотограф В. Б. Шапошников (ИИМК, Москва); 2 коллектора: Н. А. Сугробов (ИИМК, Москва) и М. Г. Мамлиев (Центр. музей Кара-Калпак. АССР, Турткуль); 4 студента-практиканта: А. Я. Абрамович, И. И. Комлев, Н. Н. Бактурская, И. В. Пташникова (Истфак МГУ). Работы экспедиции захватили время с 11 июня по 6 ноября, т. е. около 5 месяцев.

Беркут-кала (хорезмийский вариант этой культуры по имени ближайшего сельсовета назван мною тазабагъябской культурой).

В 1939 г., наряду со стоянками того же облика, но расположенными значительно далее к северо-востоку (в радиусе 1—8 км к югу и

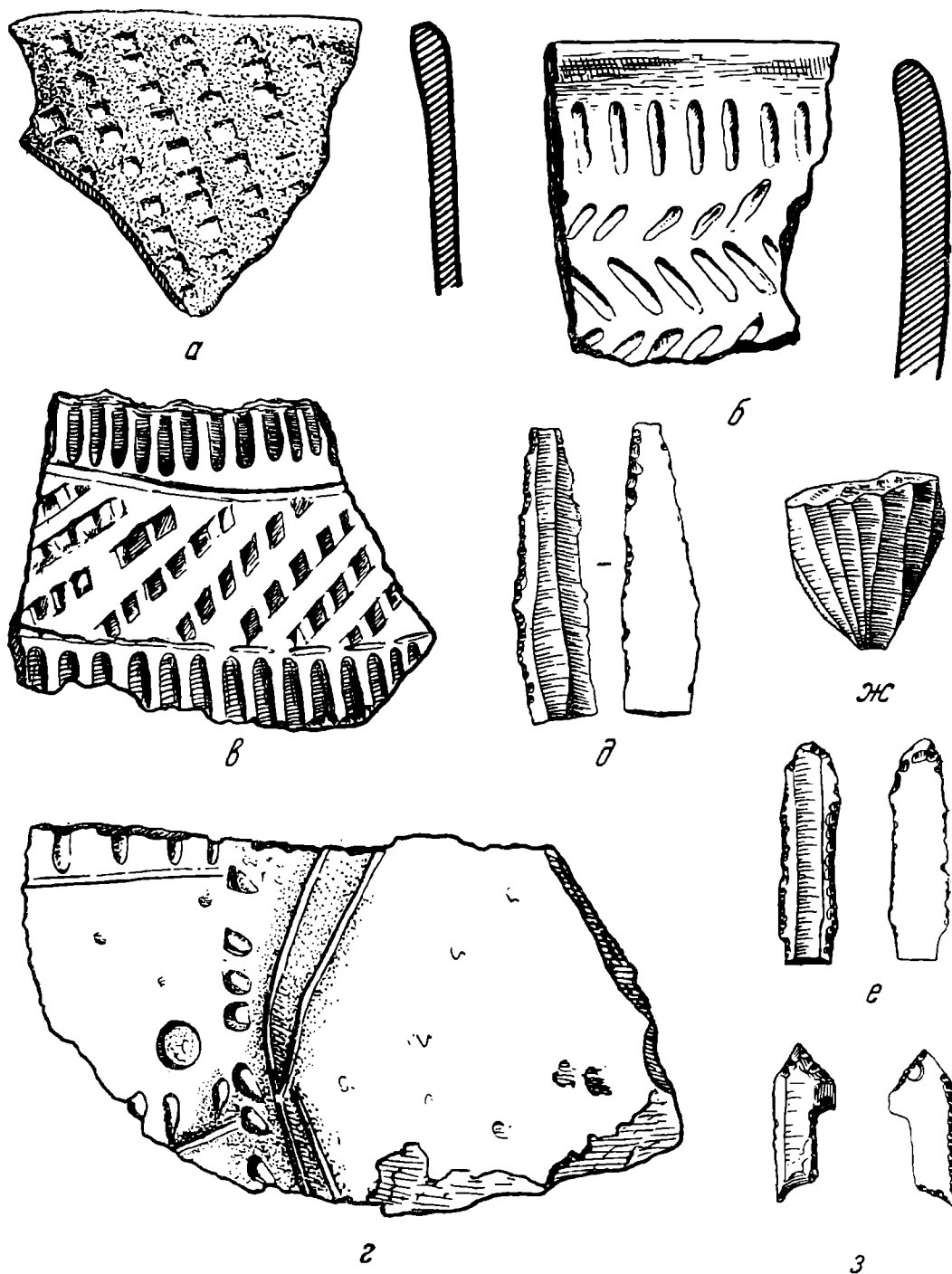

Рис. 14. Стоянка Джанбас-кала № 4.

а — г — обломки орнаментированной глянтовой посуды; д — е — кремневые пластинки с боковой ретушью; ж — нуклеус; з — кремневый наконечник стрелы.
Нат. вел.

западу от крепости Джанбас-кала), нами были открыты 2 стоянки, давшие совершенно иной материал: одна в 8 км к западу от Джанбас-калы (стоянка Джанбас-кала № 1) и другая в 1.5 км к югу от той же крепости (стоянка Джанбас-кала № 4). Эта последняя стоянка дала

культурный слой прекрасной сохранности с очень богатым содержанием: многочисленная круглодонная керамика со штампованным зубчатым и ямочным орнаментом, расположенным характерными кольцевыми зонами; чрезвычайно многочисленные и разнообразные кремневые орудия — ретушированные ножевидные пластинки, наконечники стрел, скребки, проколки, нуклеусы, каменный наконечник булавы; костяные наконечники стрел; костяные и каменные бусы. Добыт богатый фаунистический материал. Особенно многочисленны кости рыб, составляющие основное содержание культурного слоя. В меньшем количестве представлены кости птиц и млекопитающих. Зачистка песчаных выдувов и заложенный на стоянке небольшой раскоп позволяют дать предварительную характеристику жилищ этой эпохи и всего бытового комплекса, равно как и окружающей среды. Весь облик стоянки говорит о сравнительно примитивной культуре древнехорезмийских рыбаков и охотников, населявших песчаные дюны близ образованных разливами и изменениями русла Аму-дарьи многочисленных стариц и болотистых водоемов.

Важно отметить, что культурный слой лежит на глубине 45 см под уровнем современного такыра, глиняные наслоения нижнего горизонта которого дают прекрасные отпечатки различных болотных растений.

Установление стратиграфических отношений современных такыров с памятниками различного типа даст в результате дальнейших работ прочную хронологическую основу для истории образования современного ландшафта Хорезма и для истории режима Аму-дарьи.

Эта культура хорезмийских рыбаков, названная нами кельтеминарской культурой, по своему облику неолитическая и должна быть, по видимому, отнесена к первым столетиям II тысячелетия до н. э., а может быть и к несколько более раннему времени.

Разведки памятников первобытной культуры, производившиеся нами к юго-западу от развалин Тешик-калы, дали нам ряд стоянок с грубой плоскодонной неорнаментированной керамикой, с характерным перегибом при переходе от тулова к венчику и сопровождаемой многочисленными находками круглых пращевых камней. Эта культура, в керамике которой можно видеть прототип некоторых форм грубой керамики античных городищ, названная нами амирабадской культурой, — пока еще мало изучена. Вероятнее всего нам представляется датировать ее серединой I тысячелетия до н. э. Если это так, то постепенно мы начинаем заполнять лакуну, оставшуюся в результате работ 1938 г. между памятниками бронзового века и памятниками хорезмийского эллинизма.

б) Памятники хорезмийского эллинизма

Из двух раскопанных в 1939 г. памятников более древним и датированным, по видимому, первыми веками до нашей эры, но, вероятно, захватывающим и начало нашей эры, является открытое нами в 1938 г. городище Жанбас-кала (общее описание см.: ВДИ, 1939, № 3). Это небольшой укрепленный городок, внутренняя планировка которого с большой детальностью выяснена в результате работ этого года. От ворот, расположенных посередине северо-западной стены городища, начиналась разделяющая городище вдоль на две части площадь или широкая улица.

По обе стороны этой площади вплоть до самых стен городища было сплошь застроено. Многочисленные жилые помещения образуют два сплошных массива. Улицы внутри каждого из этих двух кварталов

отсутствуют. Немногочисленные незастроенные площадки внутри кварталов носят скорее характер внутренних дворов.

Так как городище расположено на довольно крутом склоне холма, вероятнее всего предполагать террасообразную застройку, причем крыши расположенных ниже жилищ могли служить своего рода улицами или площадями для более высоко расположенных зданий. Внутрь помещений могли попадать с одной стороны через внутренние дворы, с другой — по лестницам, через специальные отверстия в кровле. Противоположный воротам конец средней площади замыкается занимающим самую высокую точку городища бугром разрушенного большого здания, господствовавшего над всей территорией городка, поднимаясь над окружающими постройками более чем на 4 м.

Это здание, явившееся основным объектом наших раскопок, оказалось тем, что раннесредневековые хроники, характеризующие домусульманский быт Средней Азии, называют атеш-кеде (дом огня) — сочетание храма огня с домом общественных собраний и коллективных трапез. Пережитком древних атеш-кеде являются алау-хана (значение названия то же — дом огня) современных горных таджиков. Из четырех раскопанных комнат этого здания (общая площадь раскопа около 250 кв. м) одна являлась святилищем огня. Под метровым слоем минерализованной белой золы был обнаружен несколько разрушенный промоиной овальный, выложенный из сырцового кирпича и покрытый глиняной обмазкой жертвенник, края которого полого опускались к стенам. Вдоль стен шла узкая и высокая кирпичная скамья. Фигурной обмазкой верхнему краю скамьи было придано волнообразное очертание — повидимому с целью отделения одного сиденья от другого.

Из остальных комнат следует отметить большое (8 × 14 м) помещение, давшее богатый бытовой материал и являвшееся, повидимому, местом общественных собраний и трапез. Из добытого в этой комнате, а также в двух жилых комнатах, раскопанных в других частях городища, материалов отмечу, помимо богатого сбора керамики и многочисленных костей домашних животных, в первую очередь свыше сотни статуэток и керамических рельефов, в том числе: рельефное изображение всадника с пикой наперевес (рис. 15, а), разнообразные мужские и женские статуэтки в длинных одеждах и обнаженные, статуэтка обнаженного мужского божества, сидящего, поджав ноги, две статуэтки обнаженных женщин с одной рукой на груди и другой на половых органах, трактованные в эллинистической манере, около десятка ручек сосудов в виде львиных голов, очень много статуэток и головок коней — частью условно схематичных, частью реалистических и выполненных с большой экспрессией. Интересна также найденная на городище статуэтка животного (рис. 15, б).

Из прочих находок отмечу бронзовые стрелы архаического типа, напоминающие скифские стрелы V—IV вв. до н. э., но, повидимому, бытующие в Хорезме в более позднее время, многочисленные янтарные, сердоликовые, стеклянные, бронзовые и сделанные из многоцветной пасты бусы, бронзовые украшения и т. п.

Изучение Джанбас-калы дает нам разностороннюю характеристику общественного быта эллинистического Хорезма последних веков до нашей эры, повидимому, начала кушанского периода.

Предварительный анализ материалов позволяет сделать заключение о значительной роли пережитков первобытнообщинного строя в быту эллинистического Хорезма. Атеш-кеде, как центр общественной жизни городища, застройка сплошными массивами, — все это говорит о силе традиционных общинных связей. Джанбас-кала, как тип укрепленного общинного поселения, проливает свет на характер тех „тысяч городов“

древней Средней Азии, о которых рассказывают нам античные источники.

Вторым объектом раскопок явились развалины крепости Аяз-кала № 3 (километрах в 30 к западу от Жанбас-калы) и сельской усадьбы в окрестностях этой крепости.

Аяз-кала № 3 и раскопанная усадьба являются памятниками несколько более позднего времени, чем Жанбас-кала. Находка в одной из комнат усадьбы двух медных монет кушанского царя Канишки позволяет точно датировать эти памятники концом I и началом II в. н. э.

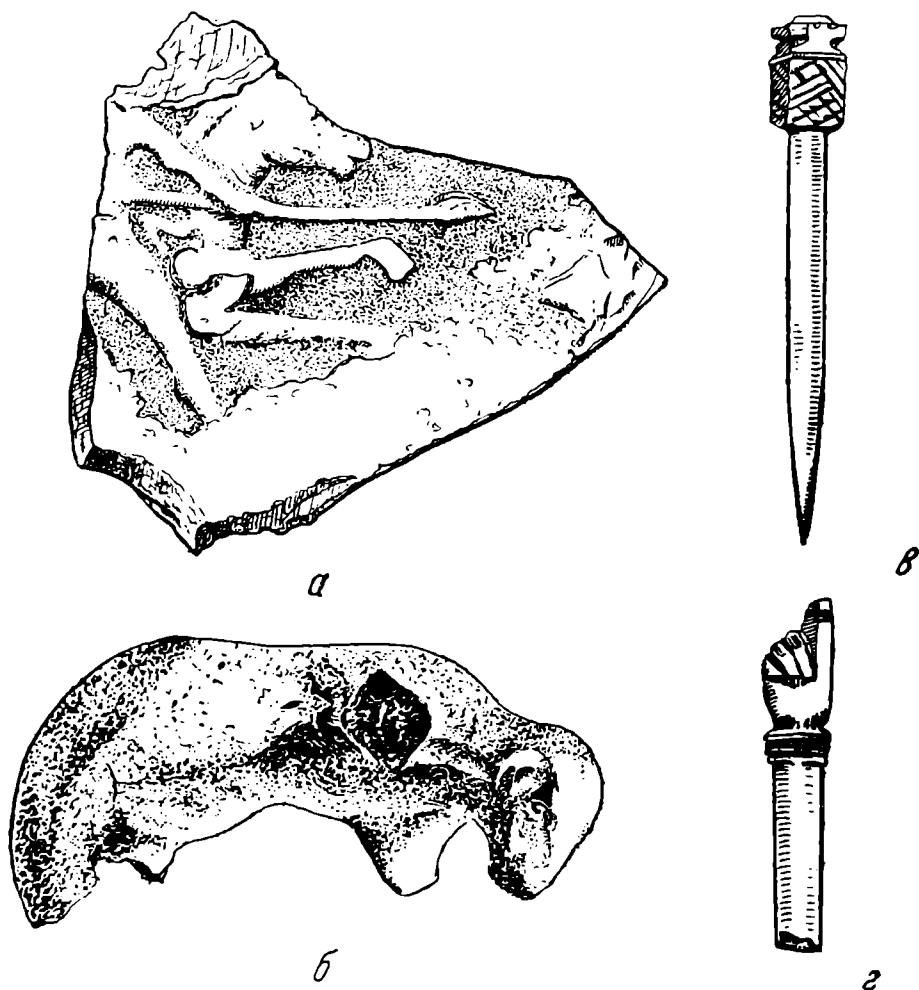

Рис. 15. Городище Жанбас-кала.

а — фрагмент сосуда с изображением всадника; *б* — терракотовая статуэтка животного; *в* — *г* — костяные стили (из усадьбы в окрестностях Аяз-калы).

Весь облик поселения носит совершенно иной характер, чем Жанбас-кала. Комплекс Аяз-калы — это сельское поселение, лишенное внешних стен, застроенное примыкающими друг к другу обширными усадьбами, большие дворы которых окружены кирпичными оградами. Крепость Аяз-кала № 3 представляет центр этого поселения и является также своего рода усадьбой, только значительно больших размеров, чем прочие. Огромный двор ее, обнесенный образующей неправильный четырехугольник стеной, с часто поставленными башнями, совершенно пуст. Лишь у северной стены располагается бугор большого (60 × 40 м) разрушенного здания, жилища владельца усадьбы (ВДИ, 1939, № 3). Раскопки этого здания показали, что культурный слой его совершенно

разрушен. Стены комнат смыты до уровня пола и бытовое содержание комнат — в первую очередь многочисленная керамика — оказалось лежащим на плоской поверхности бугра.

Сохранился таким образом лишь цоколь, достигавший высоты 3.5 м.

Структура этого цоколя оказалась, однако, весьма интересной. Выяснилось, что здание возведено на песчаном холме, укрепленном снаружи искусственным глиняным завалом, образовавшим, слившись с подстилающим песком благодаря поливанию водой, сплошную, необычайно прочную корку. Под внешние и внутренние стены были подведены фундаменты из сырцового кирпича высотой в 1.5 м.

В уровень нижнего края фундамента, как и на внешних склонах цоколя, под комнаты был подведен аналогичный глиняно-песчаниковый пол, на который вновь была насыпана полутораметровая масса песка, поверх которой лежали жилые полы дома. Все в целом составляло необычайно прочную субструкцию здания, целиком сохранившуюся до наших дней.

Забегая вперед, отмечу, что разведки по Чермен-ябу показали, что такое использование песчаных барханов в строительном деле эллинистического Хорезма было широко распространено.

Упомянутая выше усадьба того же времени дала прекрасно сохранившийся под глиняным завалом культурный слой. На вскрытой площади шести комнат жилого дома, замыкавшего северный конец усадьбы (вскрыто ок. 200 кв. м — примерно третья часть здания), найден богатый и разнообразный материал. Отметим небольшую золотую бляшку с камнем, бронзовые стрелы позднеэллинистического типа, две монеты Канишки, 2 костяных стила с резными голсвками (рис. 15, в, г), одна из которых изображает человеческую руку с тремя прижатыми к ладони пальцами, в то время как большой и указательный вытянуты и сложены вместе; многочисленные и разнообразные бусы; разнообразную керамику — пифосы, чаши, кувшины и т. д. с красной и белой ангобирванной поверхностью, большое количество костей домашних животных и т. п.

Характер планировки здания и двора очень своеобразен и резко отличен от ранее изученных зданий афригидского времени. Отметим закрома в виде больших овальных ям, тандыри (хлебные печи) в виде ульевидных ям в полу или под стеной, обмазанные глиной и обложенные по верхнему краю битой керамикой на обмазке, окаймляющей печные отверстия, и целый ряд других архитектурных деталей.

Комплекс Аяз-калы является первым точно датированным комплексом античной хорезмийской культуры, дающим возможность поставить вопросы датировки древнехорезмийских памятников, ранее осуществлявшейся нами лишь с помощью сравнительного метода, на гораздо более прочную основу.

в) Памятники афригидского времени

Последний этап стационарных работ 1939 г. был связан с районом, подвергавшимся изучению экспедиции уже с 1937 г., когда он был обследован А. И. Тереножкиным, — зоной памятников земель древнего орошения мертвого Беркуткалинского канала. Этот район был обследован с гораздо большей полнотой, чем в предшествующие годы. Русло канала прослежено от развалин крепости Гульдурсун до Уй-калы, на протяжении около 27 км. Выяснено, таким образом, что канал, орошавший земли окрестностей Беркут-калы, являлся продолжением древнего Гульдурсунского канала. Нанесены на план развалины 96 замков и укре-

пленных усадеб афригидского времени, расположенных на площади около 35 км узкой полосой вдоль русла канала, на протяжении 17 км (от развалин Кумбаскан до Уй-калы). Таким образом мы сейчас имеем возможность с большой детальностью охарактеризовать тип поселения в афригидском Хорезме VII—VIII вв. н. э., когда отдельно стоящие замки, разбросанные среди полей, становятся господствующей формой расселения.

К раскопаным мною, А. И. Тереножкиным и Я. Г. Гулямовым в 1937—1938 гг. трем замкам различных размеров (Тешик-кала и безымянные замки №№ 4 и 34) в этом году прибавился небольшой, но весьма интересный с археологической и историко-архитектурной точки зрения замок № 36 к северо-востоку от Тешик-калы.

Замок имеет 2 этажа, причем своды нижнего этажа прекрасно сохранились.

Нижний этаж замка представлял собой сочетание двух, расположенных под прямым углом друг к другу эллиптических коробовых сводов.

Входящий попадает в нижний этаж через широкую круглую арку, расположенную у основания цоколя донжона в боковой (южной) его стене. Арка открывается в узкое и высокое первое сводчатое помещение, тянущееся вдоль восточной (щипцовой) стены. На середине первого помещения, к западу от него, перпендикулярно ему отходит второй короб, более низкий, пол которого в виде пандуса поднимается двумя маршами во второй этаж, в который посетитель попадал через расположенную на половине высоты между этажами вторую круглую арку. Верхний этаж был разделен внутренними стенками на 6 комнат, расположенных (с востока на запад) в 2 ряда. В комнатах сохранились кирпичные лежанки, глиняные очаги. Наружу из комнат открывались небольшие бойницы, размещенные в шахматном порядке. Помимо хода через нижний ярус, в верхний можно было попасть через подъемный мост, ведущий к особой предвходной башенке. Впрочем, в момент гибели замка внешняя дверь верхнего этажа, находящаяся против указанной башенки, была заложена кирпичом. Сзади (с запада) к башне примыкала одноэтажная пристройка, перекрытая хорошо сохранившимся куполом на трапециевидных тропках. В этой пристройке в 1938 г. на поверхности завала я нашел статуэтку носорога.

К донжону примыкал небольшой двор, обнесенный разрушенной стеной. Помимо массового материала позднеафригидской керамики, семян культурных растений — проса, пшеницы, хлопка, дыни, винограда и др., а также костей домашних животных, найдено большое количество остатков материй, кошмы, кожи (в том числе целый башмак), деревянных (в частности веретено) и металлических изделий. Особенно интересны значительный фрагмент многоцветной вышитой кошмы, серебряная монета хорезмшаха Шаушафара середины VIII в. и оказавшееся внутри здания, в одной из верхних комнат, целое кладбище алебастровых оссуариев (через пролом свода часть оссуариев провалилась в нижний этаж). Как этот факт, так и результаты обследования других замков показали, что в эту эпоху был широко распространен обычай погребения покойников внутри дома, что свидетельствует несомненно о том, что семейно-общинные связи были еще достаточно прочны.

АМУ-ДАРЬЯ И ЧЕРМЕН-ЯБ

Два больших разведочных маршрута экспедиции, помимо того что они во многом дополнили и расширили наши данные о материальной культуре древнего и раннесредневекового Хорезма, позволили еще выяснить ряд историко-географических фактов, в первую очередь вопросы исторического развития культурных земель Хорезма. В основном те

выводы, к которым мы пришли на основании материалов 1937—1938 гг., подтвердились и на более широкой территории.

Для истории античного Хорезма особое значение имеет Чермен-ябский маршрут.¹ Обследование расположенных вдоль этого арыка развалин позволило установить, что Чермен-яб уже функционировал в античную эпоху. Больше того, в эллинистическое и кушанское время культурная полоса Чермен-яба достигла своего максимального развития, простираясь на юго-запад до развалин Гяур-калы. В окрестностях этого городища полностью отсутствует более поздняя керамика. Таким образом в античную эпоху орошенные земли простирались на 150 км на юго-запад от Ташауза, далеко в глубь современной пустыни. Обследование античных городищ Чермен-яба выявило ряд отличий по сравнению с синхроничными памятниками правого берега. Отметим отсутствие стандартной величины кирпича, сохраняющего, однако, большие размеры, меньшую высоту бойниц, специфические формы предвратных лабиринтов крепости.

В числе прочего собран большой материал по тамгам эллинистического Хорезма, наносившимся на поверхность кирпичей и, повидимому, являвшимся тамгами строителей (рис. 16; аналогичные тамги были собраны и на городищах правого берега). Нами обследованы также Кызылча-кала и Шах-Сенем № 2, с примыкающими рустакками. В окрестностях этих крепостей разбросаны многочисленные развалины жилых домов и небольших замков XI—XII вв., а такыры усеяны бесчисленной керамикой, стеклом, обломками металлических изделий, керамическими, стеклянными и металлургическими шлаками и т. п. остатками, свидетельствующими о большой интенсивности культурной жизни.

Следует отметить, что на Кызылча-кала, Шах-Сенем и некоторых замках XI—XII вв. нами обнаружены вырезанные в беспорядке на глинобитных стенах, по преимуществу в угловых башнях, многочисленные и самые различные тамгообразные знаки в виде перечеркнутых квадратов, кругов, тройных развилок, елочек, крестов с замкнутыми поперечными черточками концами и т. п. Хотя в датировке этих „загадочных знаков“ приходится проявлять значительную осторожность, все же весьма вероятно, что они восходят ко времени постройки замков. Значение их объяснить затруднительно. Стоит отметить в этой связи наличие на одном из кирпичей крепости Шах-Сенем № 1, рядом с аналогичными знаками, короткой надписи (одно слово из 5 букв), знаки которой напоминают письма хорезмийских монет. Хотя как крепость, так и кирпич, на который нанесена надпись, восходят к античной эпохе, надпись приходится датировать тем же временем, что и тамгообразные знаки, что может быть, если подтвердится наше предварительное определение, будет представлять интерес для истории хорезмийской графики.

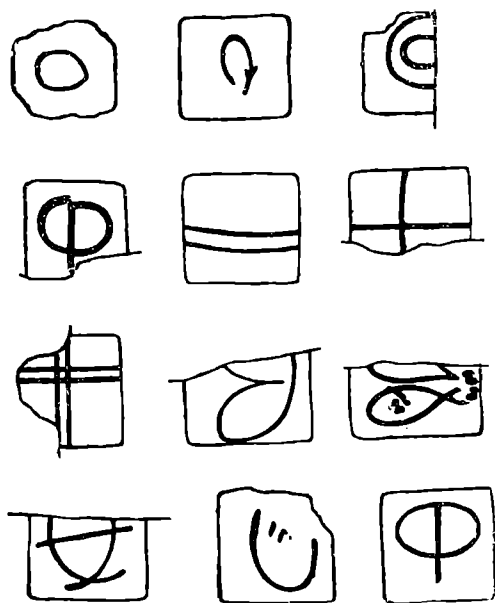

Рис. 16. Гяур-кала (Чермен-яб). Тамга на кирпиче.

¹ В 1938 г. часть памятников Чермен-яба была подвергнута историко-архитектурному обследованию В. И. Пилявским и С. С. Гасановым по поручению Института истории ТуркССР.

Интересна крепость Дэу-кала, лежащая на отлете, далеко на юг от Чермен-ябских крепостей, в северной части центральных Каракумов, на основной транспортной магистрали, сейчас, как и в средние века, связывающей Западный Хорезм с Южной Туркменией. Дэу-кала датируется XII—XIII вв. Это небольшая крепость, круглая в плане, мощные (свыше 2 м толщины) стены которой сложены из больших прямоугольных каменных плит. Изнутри к стенам примыкают сложенные из таких же плит, но сильно разрушенные жилые помещения, окружающие квадратный двор с колодцем посередине.

Дэу-кала — сооружение чисто стратегического значения, видимо далеко в пески выдвинутый военный форпост Хорезма (о хорезмийском происхождении гарнизона крепости говорит находимая здесь керамика) эпохи великих хорезмшахов, с одной стороны обеспечивавший шахам Хорезма господство над кочевыми племенами Каракумов и над торговым путем в Западный Хорасан, с другой — служивший опорной базой для наступления на западнохорасанские города в период борьбы Хорезма с сельджукскими султанами.

К этой же эпохе — к XI, а главным образом XII—XIII вв. — относится подавляющее большинство развалин, обследованных по обоим берегам Аму-дарьи. Из 35 памятников, зарегистрированных мною и С. А. Ершовым, лишь 5 относятся к античному времени, позволяя установить южную границу античного Хорезма на Аму-дарье (Тупрак-кала и Таш-кала № 2 на правом, Каприз-кала, Тупрак-кала и Кош-кала на левом берегу).

Остальные памятники в основном относятся к упомянутому периоду средневековой истории Хорезма. В подавляющем своем большинстве это небольшие форты, выстроенные на левом берегу реки, главным образом, в местах спуска дороги с верхней береговой террасы на нижнюю, на правом — в местах ответвления дорог на Каракуль и Бухару. Целью сооружения этих линий укрепленных постов было, повидимому, с одной стороны, стремление обеспечить безопасность торговли и господство Хорезма над торговыми путями в Хорасан и Мавераннахр, с другой — создание баз для наступления шахов Хорезма как в сторону Мерва, так и в стороны Бухары и Самарканды и охрана коммуникации с центральным ядром Хорезмийской империи.

Из отдельных историко-географических заключений, к которым позволяет прийти анализ этих памятников, отмечу выводы, получившиеся в результате обследования С. А. Ершовым развалин Кетменчи. В. В. Бартольд хотел видеть в этих развалинах самый южный из городов средневекового Хорезма — Тахирию. Тщательное обследование как самих развалин, так и их окрестностей позволяет отвергнуть эту гипотезу В. В. Бартольда. Перед нами обычный небольшой военный пост, в окрестностях которого отсутствуют следы не только города, но и скольконибудь значительного поселения.

По мнению С. А. Ершова ищется больше оснований искать Тахирию далее к северу, в развалинах Дая-Хатын, восходящих в основном к периоду раннего средневековья.

Из отдельных памятников правого берега наибольшего внимания заслуживают восходящие также к XII—XIII вв. грандиозные развалины Кыз-калы.

Эта крепость расположена в двух километрах от берега реки на 35-метровой крутой скале. Крепость, достигающая около полукилометра в длину, имеет в плане форму вытянутого неправильного треугольника. Ее стены, первоначально поднимавшиеся до 10 м, возведены из дикого камня. Портал со стрельчатой аркой и одна из башен сооружены из жженого кирпича, как и некоторые из зданий внутри крепости — в част-

ности сильно разрушенная, но сохранившая ряд архитектурных деталей мечеть.

Двор покрыт многочисленными постройками из дикого камня. В скале высечена подземная тюрьма в 8 м глубиной и несколько выложенных жженым кирпичом круглых и овальных цистерн для воды. Внутри кирпичной башни находился также выложенный кирпичом колодец, ведущий к основанию скалы, где в него поступала вода по керамическим трубам, хорошо прослеживаемым по смотровым колодцам до Аму-дарьи.

Начало этого водопровода прикрывала небольшая, также сложенная из дикого камня, крепость Йигит-кала.

Следует отметить, что одна из выложенных из дикого камня башен Кыз-калы имеет характерную хорезмийскую гофрировку поверхности.

Кыз-кала, поскольку нам известно, является первым крупным памятником монументальной каменной архитектуры в Средней Азии. Вместе с Йигит-калой, небольшой, сильно разрушенной крепостью Даш-кала и Дэу-кала, она свидетельствует о наличии разнообразных форм использования камня в строительном искусстве эпохи хорезмшахов.

Из других крепостей отметим крепость Устык на правом берегу, недалеко от Чарджоу. Крепость эта не относится, собственно говоря, к Хорезму и была обследована нами попутно.

Крепость построена в античное время, функционировала в сасанидскую и раннемусульманскую эпоху и заново ремонтировалась уже в узбекский период. Она возведена на песчаниковой скале около 20 м высоты, которой искусственно придана форма гигантского цилиндра. Вниз ведет изгибающийся в 4 марша пандус. Стены крепости из сырцового кирпича, образующие почти правильный круг, поднимаются непосредственно над обрывом скалы.

*

Хотя работы нами по существу еще только начаты, мы можем сейчас подвести уже некоторые итоги нашей экспедиции, позволяющей во многом осветить совершенно неизвестную еще 3 года назад древнюю культуру Хорезма, от древнейших стоянок охотников и рыболовов с неолитическим инвентарем до эпохи великих хорезмшахов. Уже близка к завершению хронологическая шкала памятников этого огромного периода и археологическая карта значительной части Хорезма, дающая исключительно важный материал для социально-экономической истории древнего и раннесредневекового Хорезма. История типов поселений проливает свет на ряд темных и спорных вопросов истории общественного строя древней Средней Азии вообще и Хорезма в частности.

С большой полнотой представлены архитектура и изобразительное искусство древнего Хорезма, позволяющие говорить о высоком уровне и большом своеобразии художественной культуры хорезмийцев.

Открытие хорезмийских монет дало в наши руки первые памятники хорезмийской эпиграфики, количество и виды которой неуклонно растут.

Так, шаг за шагом, перед нами раскрывается все с новых и новых сторон эта мощная, своеобразная, скрытая под мертвыми песками Каракумов и Кызылкумов, цивилизация.

С. П. Толстов

АРХАИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ОЛЬВИИ

(Из работ Ольвийской археологической экспедиции 1939 г.)

В число основных работ Ольвийской археологической экспедиции 1939 г. вошло продолжение раскопок некрополя, расположенного в северо-восточной части „верхнего города“. Как известно, раскопки этого некрополя были начаты еще Б. В. Фармаковским в 1925 г.;¹ ряд погребений того же могильника был открыт и в следующие годы, в связи с планомерным исследованием всей территории северо-восточной части „верхнего города“. С 1937 г. раскопки расположенного на упомянутой территории некрополя принимают уже систематический характер: за годы 1937 и 1938 здесь было раскопано 19 погребений, давших возможность существенно дополнить наши представления как специально о расследуемом некрополе, так и вообще о погребальном обряде Ольвии — главным образом в архаическую эпоху, частью и значительно позже — в первые века нашей эры.

О специфических особенностях работы на данном участке и об основных результатах раскопок 1937 и 1938 гг. мне уже приходилось писать.² Здесь я ограничусь лишь краткой характеристикой расследуемого некрополя, без которой недостаточно ясны будут и результаты отчетного года. Под культурным слоем, заключавшим остатки возникших на этом месте в IV в. до н. э. городских кварталов, были обнаружены вырытые в материке погребения более раннего времени, датирующиеся — во всяком случае в большей их части — VI в. до н. э., т. е. начальным периодом существования Ольвии. Среди этих погребений многие являются по особенностям их устройства типично греческими, как, напр., захоронения маленьких детей в амфорах или погребения с характерным инвентарем, состоящим преимущественно из греческих расписных ваз. Но наряду с этой группой встретились погребения и иного типа, каких не знает Греция VI в. Я имею в виду прежде всего погребения в скорченном положении. Некрополь на территории северо-восточной части „верхнего города“ дал за время своего исследования целый ряд таких погребений; к числу наиболее характерных принадлежит, между прочим, как раз одно из раскопанных в 1937 г., выделяющееся по сильной скорченности костяка. Интересно, что уже в это, для Ольвии очень раннее, время туземные погребения скорченников не составляли в ольвийском некрополе обособленной группы, а находились среди греческих, иногда в непосредственном соседстве с греческими. Вместе с тем и инвентарь погребений этой группы не отличается резко от группы греческой — также и в могилах скорченников встречается, напр., привозная греческая керамика. С другой стороны, некоторые черты погребений с костяками в вытянутом положении должны рассматриваться как туземные: к их числу принадлежит, напр., применение деревянного перекрытия.

Не подлежит сомнению, что в указанных особенностях отражаются те условия, в которых складывалась в Ольвии жизнь двух основных населявших ее этнических групп. Эти группы уже в архаическую эпоху не отделены резко одна от другой: в дальнейшем будет постепенно стираться всякая грань между греческой и туземной частями населения Ольвии.

Кроме архаического некрополя, на той же территории был обнаружен ряд погребений первых веков нашей эры. Эти погребения были

¹ Б. В. Фармаковский. Раскопки Ольвии в 1925 г. Сообщ. ГАИМК, I, Лгр., 1926, стр. 171 сл.

² Две статьи, из которых одна излагает сравнительно подробно работы 1937 г., вторая представляет краткую информацию о работах 1938 г., печатаются в „Советской археологии“ (вып. 6).

впущены в культурный слой сверху: они относятся к тому времени, когда городская жизнь здесь замерла и территория, в IV—II вв. до н. э. представлявшая северо-восточную окраину населенного города, стала вновь служить кладбищем. Об этом могильнике, как не связанном с работами 1939 г., я говорить не буду.

Перехожу к работам последнего года. В 1939 г. было обнаружено всего восемь погребений, причем все они принадлежали архаическому некрополю. Все могилы вырыты в материке, приблизительно на одном уровне. В одном случае (погребение № 20) содержимое могилы оказалось выбранным почти целиком, в остальных семи могилах сохранились костяки и по большей части вещи. По вопросу об устройстве могил и о погребальном обряде работы 1939 г. подтвердили основные наблюдения, сделанные ранее, с добавлением кое-каких небезинтересных деталей. Как и в предыдущие годы, преобладающей являлась ориентация головой на восток; за одним исключением (погребение № 26, ориентированное на юго-восток), могилы имели ось, направленную почти абсолютно точно с запада на восток, но в одном случае костяк лежал головой на запад.¹ Во всех погребениях оказались костяки в вытянутом положении. Следует отметить, что две могилы (№№ 24 и 26) заключали костяки маленьких детей: в 1937 и 1938 гг. погребения таких детей всегда представляли захоронения в амфорах. Все могилы имели форму неправильного четырехугольника с закругленными углами.

Вновь встретилось применение растительных настилов и деревянного перекрытия. Наиболее интересно в этом отношении погребение № 21, где вполне отчетливо могли быть прослежены: 1) слой растительного настила на дне могилы, под костяком; 2) слой растительного настила, покрывавшего погребенного; 3) деревянное перекрытие над вторым слоем растительного настила. Подобного рода устройство мы уже имели в 1937 г., в очень плохо сохранившемся погребении (№ 7); наше погребение № 21 подтверждает правильность восстановления ранее встретившейся могилы и вместе с тем дает нам возможность считать установленным один из характерных ольвийских типов погребения. Роль местных черт в этом типе не подлежит сомнению. Если можно сомневаться в туземном происхождении растительных настилов, известных также и на почве Греции,² то деревянное перекрытие характерно именно для местных, причерноморских погребений.

Следует, впрочем, вновь отметить, что применение и растительных настилов и деревянного перекрытия не было обязательным для всех погребений ольвийского архаического некрополя: в некоторых могилах 1939 г., сохранившихся как раз вполне хорошо, не было замечено никаких следов каких-либо настилов.

Пять погребений имели, правда, небогатый инвентарь: в погребении № 21 у головы стоял ионийский кольцеобразный аск; в погребении № 23 — железный нож у правой руки, железный двулопастный наконечник стрелы в насыпи; в погребении № 24 (детском) — нижняя часть маленькой коринфской пиксиды (найдена не *in situ*), маленький ионийский кольцеобразный аск в ногах и 17 астрагалов, разбросанных по всей могиле; в погребении № 25 — большое количество рассыпанных стеклянных бус, медные серьги у головы, железный браслет на левой руке, кусок красной краски у левой руки; в погребении № 26 (детском)

¹ В 1937 и 1938 гг. были обнаружены два погребения в амфорах, также ориентированные на запад, при точном направлении оси выемки с запада на восток.

² Для Греции применение растительных настилов являлось, повидимому, чертой, свойственной древнейшему погребальному обряду; подстилки из ветвей и листьев не только бывали обнаруживаемы при раскопках, но и засвидетельствованы текстами авторов. Ср., напр.: Plut., Lycurg. 27; Iambli, Vita Pythagor., 154.

по обе стороны от головы — миниатюрная ионийская лекала и сероглиняная чашка. Все перечисленные предметы принадлежат VI в. до н. э.

Интересный случай, по положению костяка, представляет могила № 22. Руки костяка согнуты в кисти, пальцы лежат на нижней части таза; ноги почти соприкасаются в коленях, пятками направлены одна к другой, кости пальцев ног плотно сложены. Несомненно умышленное повреждение ног — они вывихнуты, если не переломлены в коленях (в данном случае кости в области обоих коленных суставов повреждены); а плотное соприкосновение костей стопы обеих ног заставляет предположить, что они были связаны. В соответствии с этим нельзя не припомнить многочисленных аналогичных, хотя и менее выразительных, случаев в архаических ольвийских погребениях. Тесное сближение ног костяка в нижних их частях, у стопы — сближение настолько тесное, что сам собой возникает вопрос, не были ли они связаны — представляет явление для ольвийских погребений очень частое.¹ Сложнее вопрос об умышленных повреждениях: повреждений ног было замечено много, но разобраться в причинах, их вызвавших, затруднительно, особенно если учесть плохую сохранность большинства погребений. Отмечу, впрочем, что в некоторых случаях создается все же впечатление именно умышленного повреждения ног.²

Сейчас было бы трудно высказываться с уверенностью о причинах странного положения ног костяка из погребения № 22, тем более трудно решать общий вопрос о причинах такого рода явлений. Накопление нового материала, а также исследование ранее открытых погребений помогут нам, вероятно, разобраться в том, встречаемся ли мы здесь со стремлением родственников лишить покойного подвижности и тем обезопасить себя от его появления перед живыми или это надо будет объяснять как-либо иначе.

Работа по расследованию архаического некрополя на территории северо-восточной части Ольвии еще далеко не закончена, тем более далек конец исследований всего архаического ольвийского некрополя. Но каждый новый год работ знакомит нас с новыми типами или новыми деталями известных нам типов погребений, а вместе с тем расширяет и наше представление обо всей жизни архаической Ольвии.

Т. Н. Книпович

БАНЯ XIV в. В ВЕЛИКИХ БОЛГАРАХ

(Из работ Куйбышевской экспедиции)

Через несколько лет будет окончено крупнейшее строительство третьей Сталинской пятилетки — Куйбышевский гидроузел, и в среднем Поволжье возникнет огромный водоем.

В его границы попадает большое число археологических памятников, имеющих крупное значение для истории народов Поволжья.

Три из числа этих народов до Великой Октябрьской социалистической революции не имели своей письменности. Это обстоятельство усугубляет значение археологического материала и заставляет отнестись к памятникам, попадающим в зону затопления, с большим вниманием.

В 1938 г. ИИМК начал археологическое обследование затопляемой территории. В результате этих работ, проведенных совместно с Гос. Историческим музеем в Москве, Куйбышевским и Казанским музеями,

Из погребений, открытых в 1939 г., укажу на погребения №№ 21, 23, 24.

Из числа погребений 1939 г. укажу на те же погребения №№ 21, 23, 24.

открыто несколько сот разновременных памятников. Полученный раскопками материал весьма интересен и значительно дополняет наши знания по истории народов Поволжья. Одним из наиболее интересных объектов исследования являются развалины города Великие Болгары, столицы этого государства, возникшего в X в. и объединившего многочисленные племена земледельцев и скотоводов, из которых позднее сформировались татары, чуваша, мордва и мари. Этот город являлся международной ярмаркой своего времени, где сходились купцы из разных стран, — Китая, Средней Азии, Закавказья, Крыма, Византии и Руси. Расцвет этого города относится к X в. Разгромленный в 1236 г. монголами, он вскоре был восстановлен и в конце XIII в. достиг второго расцвета. Историки и географы XIV в. уделяли этому городу много внимания. Ибн-эль-Варди указывает, что Болгар пользовался большой славой на Востоке и что описание его превышает всякую вероятность. Развалины этого города находятся в пределах Куйбышевского района Татарской АССР, в семи километрах от Волги, на берегу речки Меленки. Городище расположено на высоком берегу, поднимающемся на 30 м над уровнем поймы. Склон и самый берег в древности были застроены, о чем можно судить по остаткам древних построек. Большая Волга подойдет к самому городищу и нижняя его часть по берегу Меленки будет затоплена. Задачей археологов является исследование всей нижней, подгорной, части городища. Раскопки на берегу р. Меленки, начатые в 1938 г., привели к открытию двух слоев городской площади, из которых нижняя относится ко второй половине XIII в., а верхняя к XIV в. Нижняя площадь была вымощена каменными плитами, под которыми в разных направлениях проходили трубы городского водопровода. Уже в то время, как показали раскопки русла реки, Меленка была сильно заболочена и имела плохую воду, что заставило жителей провести водопровод на самом берегу реки.

Верхний слой мостовой, от которого сохранился только небольшой участок, выложен хорошими ровными плитами прямоугольной формы, плотно притесанными одна к другой. Дальнейшая расчистка его в 1939 г. привела к открытию городской бани. Исследуемый участок принадлежал к числу богатых кварталов города.

На верхней площадке над баней в районе церкви XVIII в. находился центр города, с ханским дворцом, соборной мечетью и погребениями знати. Этим объясняется благоустроенный вид площади с водопроводом, водоемом и прекрасной баней, обслуживающей потребности городских верхов.

Возможно, что открытая раскопками баня входит в число трех, упоминаемых при описании города Болгар автором XIV в. — Абульфеда.

Возраст открытого здания может быть определен, исходя из учета положения его на уровне верхней мостовой, открытой в 1938 г. и датированной временем XIV в., и характера наслоения культурных остатков над развалинами бани. Это наслоение делится на несколько горизонтов. Первый сверху — современная почва, второй — отложения XV—XVI вв. Первый слой датируется современными вещами XIX—XX вв. В нижней части его найден неполивной красный изразец с изображением единорога, датируемый XVI в. Ниже проходит слой погребенной почвы с прослойками песка, смытого с верхнего плато городища. Почва эта образовалась в период запустения города и покрывает развалины бани тонким слоем в 10—15 см, отсутствуя только на отдельных участках, которые подверглись грабительским раскопкам в XIX в.

Еще ниже проходит золотоордынский слой, хорошо датируемый находками золотоордынской керамики, лощеной и простой, серебряными серьгами в форме знака вопроса и монетами.

В южном профиле раскопа этот золотоордынский слой делится на две части, нижняя из которых относится ко времени постройки и существования бани.

Характер последовательности культурных напластований позволяет высказать следующие положения. Баня была построена во время суще-

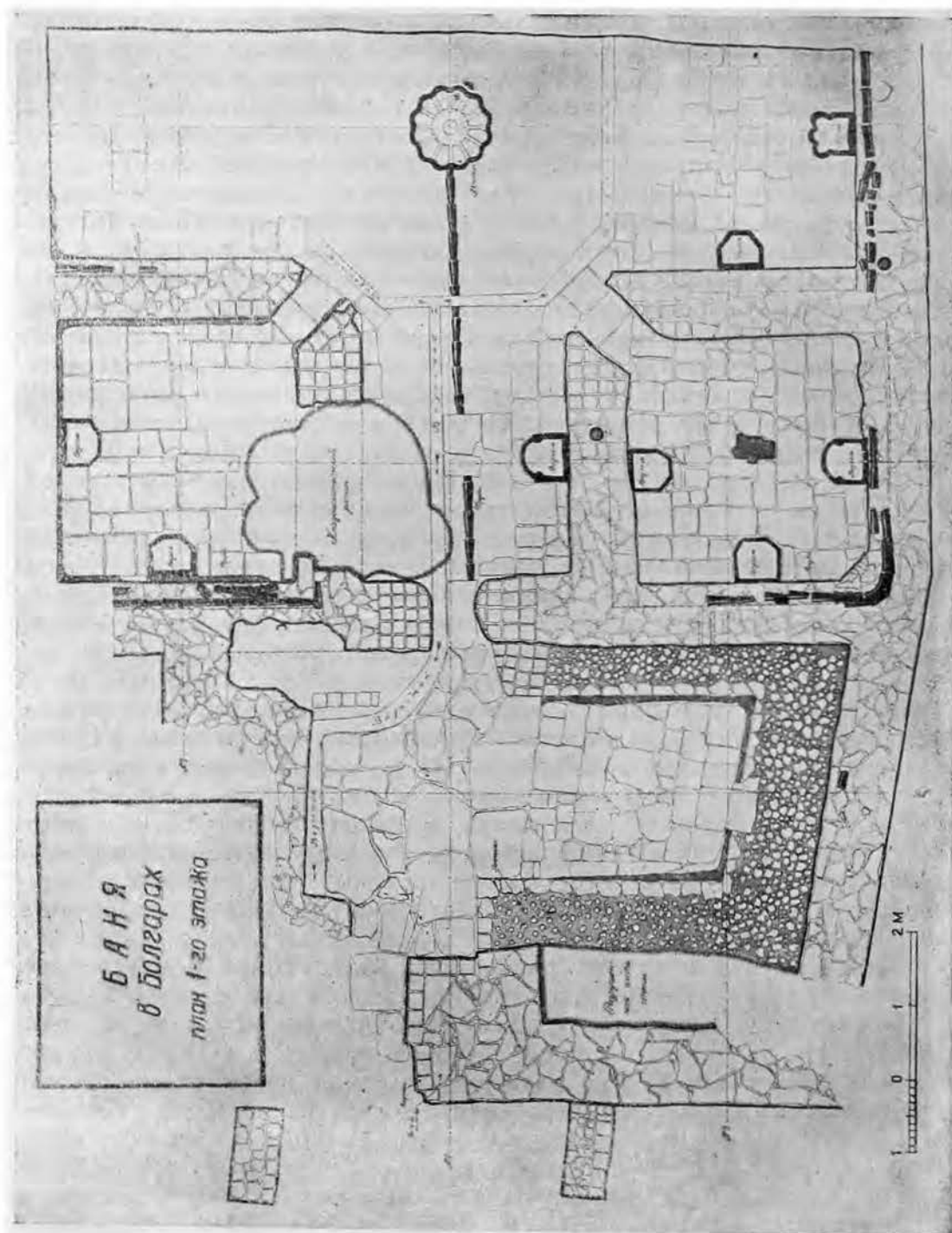

Рис. 17.

ствования верхней мостовой, около середины XIV в., и сохранилась до самого конца жизни города, датируемого монетами двадцатых годов XV в. Разрушение бани совпало с гибелью и запустением города и образованием почвы. Таким образом постройкой пользовались в течение 60—70 лет. Расположенная на склоне холма, баня своей южной стеной примыкает к этому склону. Смываемые с верхнего плато горо-

дища песок, глина и культурный слой покрыли развалины мощным пластом, сохранив их нетронутыми до наших дней. Баня, раскопанная на две трети, представляет собою здание неправильной прямоугольной

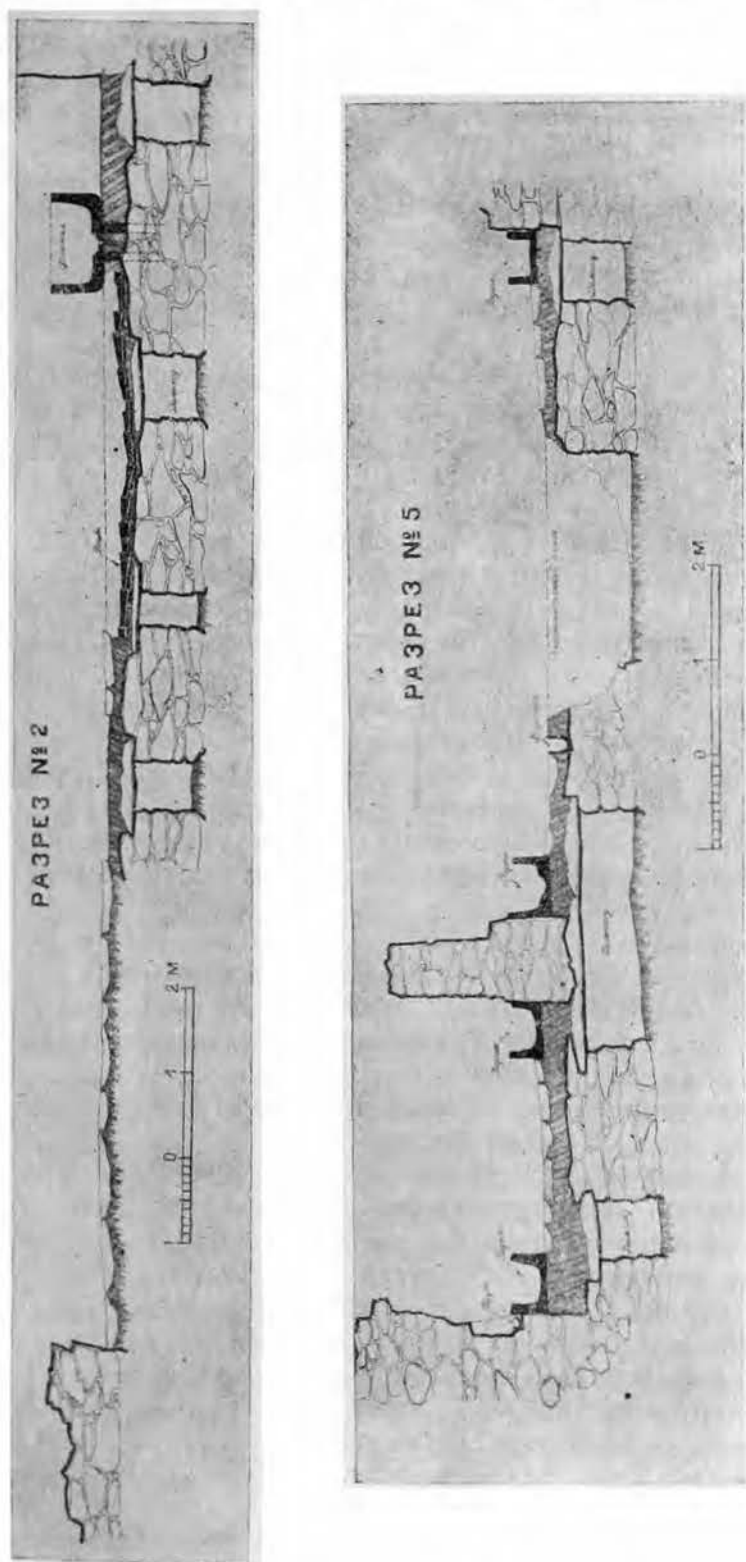

Рис. 18. Бани в Болгарах.

Формы (рис. 17) с входом, обрамленным кирпичной аркой, с несколькими комнатами — первой раздевальной, второй центральной крестообразной с четырьмя кабинками по углам и следующими комнатами служебного характера, как можно думать по аналогии с другой баней того

же типа, белой палатой, существовавшей в Болгарах еще в половине XIX в

Для постройки бани был вертикально срезан склон горы и выравнена площадка путем подсыпки песка. На этой площадке были вырыты котлованы для центральной крестообразной комнаты и для западной стены. Пол первой комнаты был положен на цемьянку, насыпанную на культурный слой.

Западная стена имела уступчатый котлован, причем внутренняя часть стены углублялась на 1.20 м от уровня пола. В центральном котловане выложены наружные стены и столбы неправильной формы до 3 м длины и 2 м ширины из белого камня и кирпича, сложенные на алебастровом растворе. На этих столбах воздвигались внутренние стены и плиты песчаника, поверх которых насыпался слой цемьянки и клались плиты пола (рис. 18).

Стены здания сложены из белого камня разного размера, а углы, входные части, своды и купола из кирпича квадратной формы 25×25 — 22×22 см при толщине 4 — 6 см. Как камень, так и кирпич положены на алебастровом растворе (6 слоев кирпича и 5 швов составляют 39 см). Стены имеют различную толщину — от 2.25 до 1 м, и с наружной и с внутренней стороны оштукатурены.

Вход в здание был обрамлен аркой, от которой сохранились невысокие кирпичные площадки 137×60 см, поставленные перпендикулярно к линии стены. Основание этой арки равняется 4 м. Вход в баню, шириной 80 см, расположен ближе к северному пилону.

Первая комната представляет помещение для отдыха. Вдоль трех ее стен устроены из бута широкие лежанки. С левой стороны через комнату проходят цементированные канавки для стока грязной воды. На каменном полу этой комнаты при раскопках были обнаружены остатки деревянных досок с крашеной штукатуркой. Эта находка дает основание считать покрытием этой комнаты плоский, оштукатуренный потолок.

Через узкий проход это помещение соединяется с центральным залом крестообразной формы с четырьмя угловыми комнатами, из которых расчищены пока две. Стены этого помещения сохранились на высоту до 2 м. В юго-западной угловой комнатке центрального зала, на высоте 1.60 м, уцелел карниз в виде выступающего ряда кирпичей, а выше основание кирпичного покрытия, выложенного по системе нависающих один над другим рядов кирпичей.

Эти остатки позволяют утверждать, что угловые комнаты имели купольное покрытие. При раскопках центрального зала в его двух концах были найдены обвалившиеся кирпичные своды.

Среди ряда найденных архитектурных деталей внимания заслуживают две части наличника в виде слегка изогнутой дуги, отлитые из крепкой цемьянки белого цвета. Внутри имеется круглое отверстие для соединения отдельных частей металлическими стержнями. Этот наличник мог обрамлять арку свода в центре зала. Сопоставление дуги наличника с шириной прохода заставляет считать арку стрельчатой формы, аналогичной арке белой палаты. Центр крестообразного зала был покрыт куполом.

В центре зала находился фонтан в виде двенадцатилепесткового цветка (рис. 19), а вдоль стен небольшие водоемы. Пол, покатым к центру, имеет неглубокую канаву для стока воды. Под полом от фонтана к входу проходит трубопровод, составленный из труб конической формы, длиной 33—35 см с диаметром 8 и 13 см. Трубопровод уложен на подкладку из цемьянки. Стены комнат покрыты тремя слоями штукатурки, первый слой — крепкая, водонепроницаемая штукатурка.

розового цвета, состоящая из известкового раствора, смешанного с мелкотолченым кирпичом, с поверхностью, окрашенной в красный цвет. Второй и третий слои — белая штукатурка, окрашенная в серый цвет.

Отапливалась баня при помощи центральной топки, находившейся в восточной половине здания. От нее под полом шло 6 каналов шириной 50—70 см и высотой около 70 см. Эти каналы через отверстия в основании стен соединялись с дымогарными трубами, заключенными в стенах здания (рис. 20). Через вертикальные выходы, прослеженные в двух пунктах, дым шел наружу. Кроме этой центральной системы, обогревавшей пол и стены, в юго-западной комнатке открыт в углу небольшой очажок, дополнительно согревавший помещение.

Рядом с дымогарными трубами, проложенными в нишах внутренних стен, на высоте 35 см, находилась и пара водопроводных труб, одна для горячей, другая для холодной воды. Трубы против бассейнов имели с боков небольшие отверстия со вставленными кранами в виде медных трубочек, согнутых из листа меди и запаянных. Один такой кран был обнаружен в юго-западной комнате.

Открытая раскопками 1939 г. баня, которую по первоначальной окраске стен можно назвать красной палатой, аналогична белой, лежащей в настоящее время в развалинах. Некоторые отличия заключаются лишь в том, что перед центральным залом в белой палате две комнаты, а здесь одна. Близка и отделка обеих бань: окрашенная штукатурка и лепные украшения.

Обе болгарские бани сближаются с восточными банями, как правило, состоящими из ряда комнат, покрытых куполами, с отверстиями для света. Подобные бани с той же системой отопления известны в Средней Азии, в Закавказье в городе Ани, Анберде, в Византии и Крыму. Особенно близки бани Крыма, в качестве примера чего можно указать Биюк-хамам в Карасу-базаре. С Крымом связывает болгарские бани не только архитектура, но и некоторые строительные детали. Так, в красной палате стены были оштукатурены особым, непроницаемым для воды составом, изготовленным из известки с примесью мелкотолченой керамики (кирпича и посуды). Такая розовая штукатурка известна в Крыму, где она применялась и в более раннее время, и отсутствует в Средней Азии.

Помимо сходства красной и белой палат, между ними имеется и отличие. В то время как белая палата в основном сделана из известняка, основой конструкции красной палаты является кирпич. Четыре кирпичных столба поддерживают внутренние концы сводов и центральный купол с парусами. В этих столбах, несколько в стороне от центра, устроены входы в угловые комнаты. Такое расположение дверей не в центре угла объясняется желанием архитектора не ослаблять кон-

Рис. 19. Великие Болгары. Арка входа в юго-западную комнату. Вид на центральный фонтан.

структивное значение столбов, поддерживающих покрытие. Повидимому, строитель привык работать с кирпичом и не особенно полагался на камень.

Из обстановки бани заслуживает внимания фонтан, аналогичный персидским водоемам.

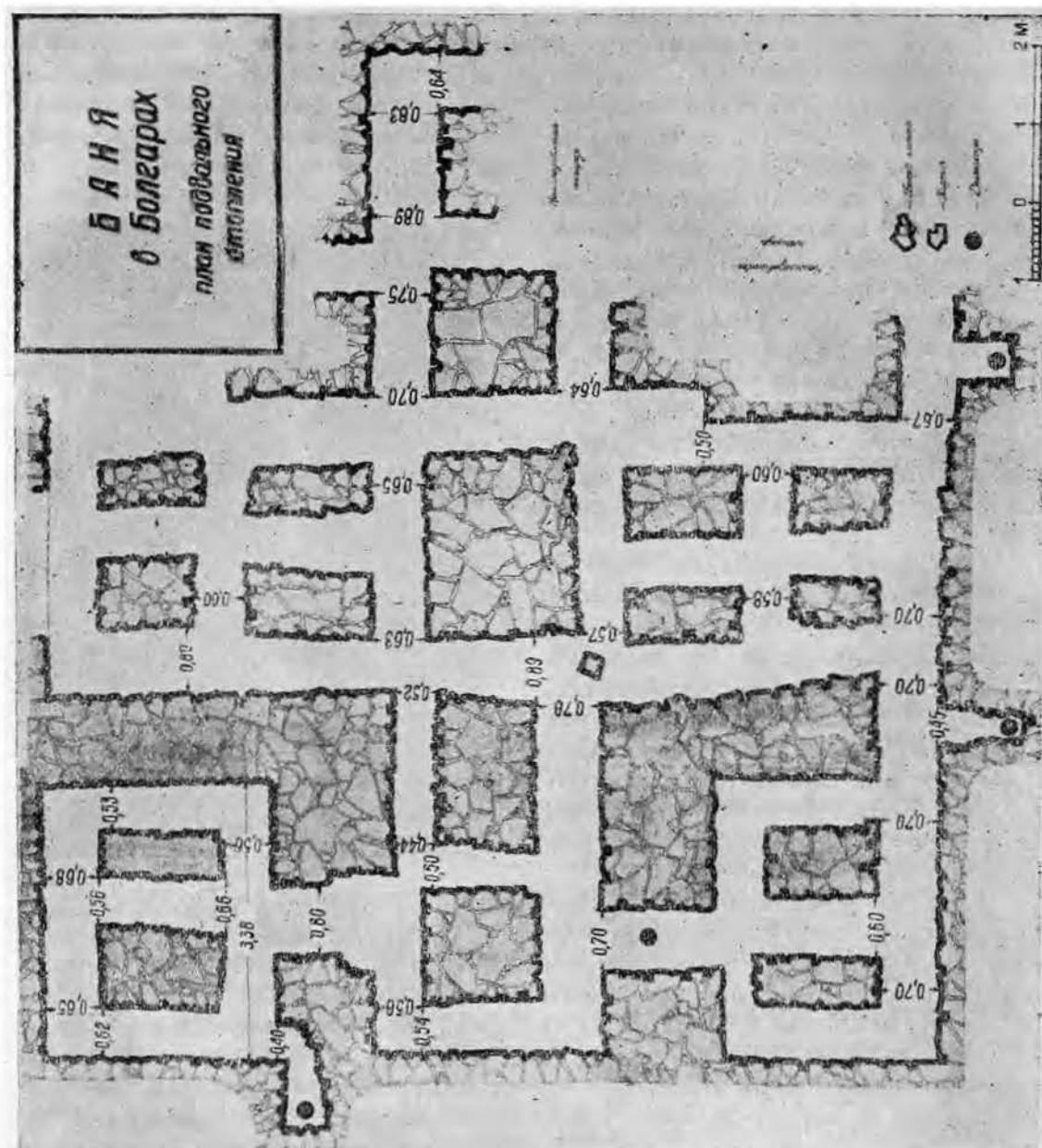

Рис. 20.

При раскопках бани найдено большое количество простой керамики и небольшое число поливной.

Установлено, что в конце золотоордынской эпохи красная и коричневая посуда сменяется черной, которая господствует в русский период.

Из других предметов заслуживают быть отмеченными серьги в виде знака вопроса, монеты XIV в., резная кость, китайский селадон и детская погремушка.

А. П. Смирнов

IV. ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ IX—XII ВВ. НА ДОНУ И ТАМАНИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ¹

I. Вопрос о раннеславянских поселениях на Дону и Тамани насчитывает почти столетнюю давность, однако единства взглядов до сего времени по нему не достигнуто. Основные причины этого следующие:

1) в большинстве случаев указанный вопрос не был предметом специального исследования, а рассматривался попутно, в связи с другими более широкими темами (В. И. Ламанский коснулся его в работе „О славянах в М. Азии, в Африке и в Испании“, Д. И. Иловайский в связи с „Разысканиями о начале Руси“ и полемикой с норманистами вообще, Д. И. Багалея и П. Голубовский в „Истории северской земли до половины XIV ст.“, А. А. Шахматов — при изучении древнерусского языка и т. д.); это не могло не внести в решение вопроса известной предвзятости, субъективизма, подчиненности основной теме;

2) скудость письменных источников и их плохая научная работанность, особенно восточных; это представляло исследователям возможность широкой интерпретации на любой лад;

3) разрыв истории и археологии, вследствие чего большинство дореволюционных историков игнорировало археологические памятники и не рассматривало их как исторические источники.

II. В исследовании вопроса намечаются три периода:

1) со времени выхода в свет работы В. И. Ламанского, впервые поставившего этот вопрос во всей полноте, и до конца XIX ст.; период этот характеризуется тем, что все исследователи, независимо от различия их подхода к решению этого вопроса, утверждали раннее появление славян на юго-востоке; по мнению большинства из них, в хазарский период славяне уже прочно освоили весь юго-восток до побережья Черного и Азовского морей (Ламанский, Барсов, Иловайский, Багалея, Голубовский, Шахматов и др.);

2) с конца XIX ст. (со времени появления работы А. А. Спицына „Расселение древнерусских племен по археологическим данным“) до начала широких археологических изысканий, предпринятых ГАИМК на юго-востоке с 1923 г.; особенность этого периода состоит в том, что наряду с дальнейшим развитием предшествующего направления (работы В. А. Пархоменко) появляется новое, полностью отрицающее бытование славяно-русских поселений вплоть до XII ст. (А. А. Спицын);

3) третий период определяется временем отмеченных выше крупных систематических археологических разысканий ГАИМК; археологические раскопки, хотя и подтвердили факт существования славянских поселений в степной полосе юго-востока в домонгольский период, вместе с тем внесли и существенные поправки в определение времени их появления. Возникновение этих поселений, на основе археологических данных, датируется послехазарским периодом, концом

¹ Тезисы диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

X ст., т. е. временем после похода Святослава на юго-восток (М. И. Артамонов).

III. Против положения о проникновении славяно-русского населения на юго-восток лишь после похода Святослава, т. е. во второй половине X ст., выдвинутого М. И. Артамоновым (1935), выступил В. В. Мавродин (1938). В своей работе „Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв.“ (кстати сказать, единственной, посвященной специально данному вопросу) он полемизирует с М. И. Артамоновым и „на основе нового материала данных археологии с учетом нового учения о языке Н. Я. Марра“ пытается заново обосновать старое положение, что славяне на юго-востоке — население исконное, автохтонное, связанное своими корнями с глубоким прошлым этого края.

IV. Стратиграфическое и сравнительное изучение археологических материалов средневековых поселений юго-востока [Таманского, Левобережного цымлянского (Саркела), Правобережного цымлянского, Коктебельского и др.] дает основание сделать следующие выводы:

1) никакие вещественные памятники славяно-русской культуры времени до конца X ст. на территории юго-востока пока что неизвестны;

2) археологические памятники юго-востока, в частности, керамика, относимые В. В. Мавродиным и другими исследователями к славяно-русской культуре X—XII ст., в действительности не являются таковыми, а принадлежат к памятникам иной, широко бытовавшей на юго-востоке, так называемой салтово-маяцкой культуре VIII—X ст.;

3) в составе средневековых археологических материалов юго-востока памятники славяно-русской культуры представлены совершенно иным комплексом вещей (лепная керамика, погребальный инвентарь курганных захоронений и т. п.) и относятся ко времени конца X—XII ст.;

4) это дает право говорить о появлении славяно-русской культуры на юго-востоке на основе археологических памятников пока что лишь с конца X ст.;

5) территориально памятники славяно-русской культуры прослеживаются в области Нижнего Дона [Левобережное цымлянское городище (Саркел), Потайновское поселение, Кобяково городище] и на Таманском полуострове (Таманское городище), а не на всем юго-востоке от восточного побережья Крыма (Коктебель) до Краснодара и от Таманского городища до Левобережного цымлянского, как утверждает В. В. Мавродин.

V. Исследование письменных источников подтверждает выводы, полученные на основе археологических данных. Ни в иноземных, ни в древнерусских источниках нет прямых указаний на славянские поселения в придонских степях и на Таманском полуострове до второй половины X ст.:

1) местоположение антов Прокопия Кессарийского, обитавших „далее на север от утургуров“, исходя из их оседлого земледельческого быта, следует приурочивать не к Нижнему Дону, а к верхнему, к району лесостепи;

2) свидетельства восточных писателей (Аль-Баладури, Табари и др.) о сакалибах (славянах?) на юго-востоке в IX—X ст., при отсутствии других данных, в частности археологических, подтверждающих бытование там славян до конца X ст., не являются убедительными, поскольку за термином „сакалиба“ скрываются не только славяне, но и другие народы севера (болгары, немцы, саксы и т. д.);

3) ко второй половине X ст. (965 г.) относится и первое упоминание о славянах на юго-востоке в древнерусских источниках; оно находится в полном соответствии с археологическими данными, так же как и ряд последующих свидетельств (напр. 1117 г.).

VI. На основе рассмотренных данных проникновение славяно-русского населения на юго-восток представляется в следующем виде:

1) до второй половины X ст. поселения восточных славян не выходят в юго-восточном направлении за пределы лесостепи (верховья Ворсклы, Сев. Донца, устье Тихой Сосны), доходя на востоке до правого берега р. Воронеж (рубеж верхнего и среднего течения Дона, поселения в районе г. Воронежа); это определяется, во-первых, трудностью освоения для славян степных тяжелых почв, в силу наличия у них земледельческой техники, приспособленной лишь к более легким лесным и лесостепным почвам; во-вторых, довольно ранним (конец VII — начало VIII ст.) освоением лучших участков этого района (границы степи и лесостепи, а также берегов рек) степным туземным полуоседлым населением (Салтовское, Саловское, Ольшанское, Алексеевское, Маяцкое, Цымлянское и др. поселения так наз. салтово-маяцкой культуры); в-третьих, отсутствием у славян потребности в продвижении на юго-восток в степь в виду слабой заселенности той территории, на которой они обитали, о чем свидетельствует небольшое количество средневековых археологических памятников — поселений и курганных могильников на этой территории;

2) археологические памятники XI—XII ст. степей юго-востока показывают, что массового колонизационного потока славяно-русского земледельческого населения не последовало туда и в конце X ст., когда западная часть Хазарского каганата (Подонье и Приазовье) была включена в виде Тмутараканского княжества в состав Киевской Руси;

3) прекратили свое существование славяно-русские земледельческо-промысловые поселения IX—X ст. на границе степи и лесостепи (поселения в верховьях Дона — Боршевское, у дома отдыха им. М. Горького, у Михайловского кордона и др.), а также большая часть поселений салтово-маяцкой культуры, оказавшиеся, по всей вероятности, после крушения Хазарского каганата беззащитными от произвола кочевников;

4) на территории Тмутараканского княжества славяно-русское население обнаруживается лишь в ряде крупных населенных пунктов, имевших в прошлом административно-военное и торговое значение [Левобережное цымлянское городище (Саркел), с прилегающим к нему поселением у хут. Потайновского, Кобяково городище, Таманское городище (Матарха)];

5) поселения, освоенные русскими, продолжали оставаться и в этот период административно-военными и торгово-промысловыми пунктами, вероятно, с пестрым этническим составом, но все же с преобладанием русского населения и с разносторонней хозяйственной деятельностью (торговля, ремесло, рыбная ловля и другие промыслы).

VII. Это проникновение славяно-русского населения на юго-восток, включение юго-востока в состав Киевской Руси и образование Тмутараканского княжества следует рассматривать как один из моментов „новых завоеваний“ князей империи рюриковичей (К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века), направленных на извлечение даней и поборов с местного туземного населения („ясов и косогов“) и с торговых операций на юго-восточных путях.

VIII. С упадком Киевской Руси, в связи с развитием и установлением новых общественных отношений, феодальных, с раздроблением Руси на уделы, юго-восток выпадает из-под контроля русских князей. Попытка (сначала черниговского князя Святослава, а затем переяславльского — Всеволода) удержать Тмутаракань в составе своих владений оказывается для них непосильной. Отдельные княжества были уже не в состоянии иметь достаточные военные силы (как это было, по всей веро-

ятности, в период Киевской Руси), способные держать область в подчинении. Отсутствует опора и в местном туземном населении, стремящемся всякий раз, при первой возможности, не только высвободиться из-под опеки Приднепровья, используя при этом внутренние распри русских князей, но и вмешаться в русские дела (походы на Русь с князьями-изгоями).

IX. В конце XI — начале XII ст. русские князья теряют Тмутаракань. В 1094 г. тмутараканский князь Олег, захвативший княжество не без участия Византии, оставляет Тмутаракань и идет отвоевывать с помощью „поганных“ свою „отчину“ — Чернигов, а в 1169 г., судя по договору византийского императора Мануила с генуэзцами, Та-Матарха (Тмутаракань) уже находится в руках византийцев. Слабость юго-восточного славяно-русского населения и отсутствие помощи извне в конечном счете приводят в то же самое время и его к необходимости покинуть этот край. Под 1117 г. летописец отмечает: „Том же лете придоша Беловежьци в Русь“ (ПСРЛ, т. II, стр. 281).

X. Летопись знает русское население в степях и в последующее время (XII и XIII ст.), но уже под именем бродников. Однако мы не располагаем пока никакими данными для ответа на вопрос, в какой связи стоит эта группа с славянскими поселениями юго-востока рассматриваемой нами поры.

И. И. Ляпушкин

V. ИНФОРМАЦИИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПИТЕКАНТРОПЕ

(Из доклада на секторе палеолита и неолита ИИМК 8 апреля 1940 г.)

В специальной статье, помещенной в № 6 журнала „Советская археология“, мы имели возможность подытожить значение открытых до 1939 г. остатков питекантропа.¹ Открытия, сделанные до 1939 г., наглядно подчеркнули исключительную важность находки питекантропа для объективного изучения эволюции человека и позволили точно определить место питекантропа среди предков человека. В свете указанных материалов питекантроп должен был быть признан самой ранней эволюционной формой рода *Homo*, стадияльно объединявшейся с синантропом.

1939 год принес новые, исключительно важные материалы по вопросу о питекантропе, подтверждающие такой вывод.

В январе 1939 г. на острове Яве, близ Сангирена, были открыты сначала фрагмент верхней челюсти, а затем (на том же месте) новый фрагмент мозгового черепа.²

Сохранность новых находок и характерные признаки их описаны в появившихся до настоящего времени публикациях следующим образом.

На фрагменте верхней челюсти сохранились с обеих сторон альвеоларные отростки, нижний край грушевидного отверстия *foramen nasalis anterior*, небные отростки и почти полная зубная дуга.

За исключением резцов сохранились *in situ* все категории зубов (с одной стороны). Сохранившиеся альвеолы резцов позволяют составить представление о мощности и общем характере резцов.

Челюсть в целом описывается как необычайно массивная. В частности отмечается большая ширина ее, по сравнению с верхней челюстью современного человека.

¹ Г. И. Петров. Завершение дискуссии о природе питекантропа. Сов. археол., 1940, № 6.

² G. H. R. Koenigswald a. Fr. Weidenreich. The Relationship between *Pithecanthropus* and *Sinanthropus*. *Nature*, 1939, т. 144, № 3657. — Fr. Weidenreich. Man or Ape? *Nat. Hist.*, 1940, т. XLIII, № 1.

Зубы в целом крупные и грубые, но клыки в соотношении с челюстью выглядят сравнительно мелкими.

Наиболее замечательной чертой вновь открытой верхней челюсти является наличие ясной диастемы. Последняя поражает своей величиной, она равна 6.2 мм, т. е. сходна по размерам с диастемой человекоподобных обезьян (оранга и шимпанзе). Характер челюсти не оставляет сомнений в том, что лицевая часть черепа питекантропа отличалась большой примитивностью.

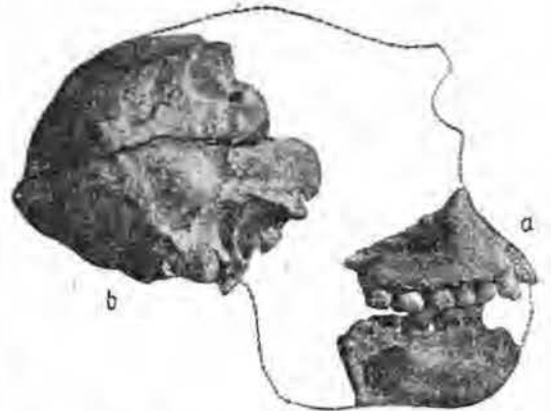

Рис. 21. Питекантроп IV. Фрагменты черепа.

a — фрагмент верхней челюсти; *b* — фрагмент мозговой части черепа.

Кроме верхней челюсти было найдено примерно три четверти мозговой коробки. Сохранилась лишь задняя часть мозгового черепа, включая основание (рис. 21). Новая находка получила наименование IV черепа питекантропа.

По основным морфологическим особенностям найденная часть черепа чрезвычайно близка к уже известным черепам питекантропа (к черепу I, найденному Дюбуа, и к черепу II, открытому Кенигсвальдом). Черепной свод низкий, уплощенный. Ясно заметен сагиттальный гребень. По наружным размерам вновь найденный череп несколько больше, чем

череп I и II. Однако увеличение размеров объясняется большой толщиной костей. Емкость черепа IV Вейденрейха оценивает цифрой примерно в 900 см³, т. е. по данному признаку череп IV близок к черепу I.

Большая толщина костей и сильное развитие мышечного рельефа дают основание определять череп IV как мужской. В связи с этим пересмотрена половая диагностика черепов, найденных ранее. Череп I и II определяются теперь как женские; на черепе III половые признаки выражены неясно вследствие его ювенильности.

Череп IV отличается от черепов, найденных ранее, несколько большим развитием в ширину. Но самое заметное различие наблюдается в конфигурации профиля затылка. Характерный для прежних черепов питекантропа и для черепов синантропа резкий излом между основанием и чешуей затылочной кости на вновь найденном черепе несколько смягчен.

Особый интерес представляют опубликованные Вейденрейхом результаты реконструкции полного черепа питекантропа. Реконструкция эта стала возможной в связи с находкой верхней челюсти и дает в наши руки первые достоверные сведения о чертах лица питекантропа. Кроме найденного фрагмента верхней челюсти и сохранившихся частей мозгового черепа, для реконструкции была использована мандибула питекантропа, найденная Кенигсвальдом близ Сангирена (мандибула B). При реконструкции недостающих частей мозгового черепа были учтены характерные особенности одноименных участков на ранее открытых черепках питекантропа. Отчетливо бросается в глаза весьма человекообразный общий облик питекантропа. В то же самое время обращает на себя внимание исключительно большой прогнатизм лицевой части черепа, приближающийся к прогнатизму антропоидов. Очень характерна большая вогнутость лицевого профиля, также напоминающая соответственный признак у антропоидов (напр. у оранга) и т. д.

Реконструкция лицевой части черепа питекантропа лишний раз подтвердила большую степень близости между питекантропом и синантропом.

Кроме этого нельзя не отметить бросающегося в глаза заметного сходства лицевой части черепа питекантропа с лицевой частью пресловутого пильдаунда („эоантропа“).

Учитывая характерные черты суанскомбского и штайнгеймского черепов,¹

¹ Report on the Swanscombe Skull. Prepared by the Swanscombe Committee. Journ. of the Anthr. Inst. of Gr. Britain and Ireland, 1938, V, т. LXVIII, стр. 17—98. — Г. И. Петров. Несостоятельная попытка антидарвинистического толко-

вание некоторого смягчения затылочного „излома“ на IV черепе питекантропа и отмечавшийся Вейнертом¹ (применительно к африкантропу и к штайнгеймскому неандертальцу) факт, что некоторые из признаков черепа (напр. форма затылка) уже на ранних ступенях эволюции гоминид могут приобретать характер, свойственный Homo sapiens, мы, может быть, найдем новые пути для решения вопроса об эоантропе. Перечисленные факты при условии проверки геологических датировок эоантропа дали бы некоторые основания для включения последнего в одну эволюционно-морфологическую стадию с питекантропом-синантропом-африкантропом. Такое решение вопроса значительно расширило бы наши представления о механизме процесса очеловечения и о территории, на которой этот процесс развертывался. Вопрос этот, как нам кажется, заслуживает серьезного внимания советских ученых и при этом не только антропологов, но и геологов.

Новые открытия остатков питекантропа позволили исследователям внести ряд поправок и дополнений в характеристику положения питекантропа в человеческой родословной.

Так, напр., Вейденрейх, настойчиво подчеркивавший и искавший еще в самом недавнем прошлом черты эволюционного различия между питекантропом и синантропом и относивший того и другого к дочеловеческой стадии эволюции,² в настоящее время решительно подчеркивает, что „Java Man was a Man“ („яванский человек был человеком“),³ а различия между питекантропом и синантропом считает лишь различиями региональными, различиями, не позволяющими ставить вопроса о степени эволюционного развития обоих существ. В совместной работе Вейденрейха и Кенигсвальда также подчеркивается,⁴ что питекантроп и синантроп несомненно являются примитивнейшими гоминидами и что они различаются между собою только как расы. Цитируемая работа, впрочем, еще не является совершенно четкой в смысле установок

вания суанскомбской находки. Природа, 1939, № 3 (приведен исчерпывающий список литературы вопроса). — H. We in e r t. Der Urmenschenschädel von Steinheim. Zeitschr. f. Morph. u. Anthropol., 1936, т. XXXV, стр. 463—518.

¹ H. We in e r t. Africanthropus njarasensis. Zeitschr. f. Morph. u. Anthropol., 1939, т. XXXIX, стр. 252—308.

² Fr. We id e n r e i c h. Tatsachen und Probleme der Menschheitsentwicklung. Biomorphosis, 1938, № 1 (и другие работы).

³ Fr. We id e n r e i c h. Man or Ape? Nat. Hist., 1940, т. XLV, № 1, стр. 36.

⁴ G. H. R. K o e n i g s w a l d a. Fr. We id e n r e i c h. The Relationship between Pithecanthropus and Sinanthropus. Nature, 1939, т. 144, № 3657, стр. 926, 929.

и выводов, так как в ней имеется тенденция сопоставить примитивную гоминидную стадию с прегоминидной стадией Буля. Это обстоятельство заслуживает внимания, особенно в связи с тем, что против причисления питекантропа и синантропа к гоминидной стадии решительно и настойчиво выступает в ряде работ французский антрополог Монтандон.¹ Однако в характеристике прегоминидной стадии Монтандон занимает более крайнюю позицию, чем сам Буль. „Прегоминиды“ Монтандона никоим образом не могут занимать места в ряду людей, хотя бы и самых примитивных. находка орудий вместе с костями синантропа, интересные открытия палеолитических местонахождений на Яве (хотя и не вместе с остатками питекантропа),² находка орудий шельско-ашельского типа в одних слоях с остатками африкантропа (а может быть и ранняя датировка суанскомбской находки) решают вопрос с безусловной ясностью. Наши предки на стадии питекантропа-синантропа - африкантропа (-зоантропа?) безусловно уже были людьми. Взгляды, развиваемые Монтандоном, отстают от уровня конкретных знаний. Совпадение между взглядами Кенигсвальда и Вейденрейха, с одной стороны, и Монтандона, с другой, в основном лишь терминологическое. В понятие „прегоминид“ Кенигсвальд и Вейденрейх вкладывали иное содержание, чем Монтандон. Это обстоятельство не следует упускать из виду. Последняя из работ Вейденрейха ясно показывает, что по мере изучения материала взгляды исследователя приобретают все большую четкость. Кенигсвальд и Вейденрейх поступают вполне объективно и правильно, не защищая устаревших взглядов. Этим они смыкают свои позиции с позициями передовой науки.

К числу неясных и дискуссионных вопросов в проблеме питекантропа следует отнести прежде всего вопрос о геологической датировке находок. После новых исследований Кенигсвальда, Тей-

яра,¹ De Terra² и др. становится общепризнанной датировка питекантропа средним плейстоценом. Такая датировка не нарушает картины морфологической эволюции при стадийном понимании этапов эволюции. Тем не менее резкое расхождение новых датировок с наблюдениями Дюбуа, с выводами экспедиции Зеленка-Бланкевгорн, а кроме того бросающаяся иногда в глаза тенденциозность в стремлениях к „омоложению“ питекантропа не могут быть оставлены без внимания. Хотелось бы услышать мнение советских геологов по этому серьезному вопросу.

Дискуссионным следует также признать стремление Кенигсвальда отрицать принадлежность питекантропу зубов, открытых Дюбуа,³ и стремление Вейденрейха отрицать принадлежность питекантропу найденных Дюбуа бедренных костей.⁴

Большая страстность, с которой оба автора пытаются „опорочить“ указанные материалы по питекантропу, заставляет настроенно относиться к их категорическим выводам и ждать новых материалов (в особенности опубликования материалов о 7 бедренных костях синантропа, о находках которых кратко сообщает Вейденрейх). Во всяком случае, как видно из изложенного выше, эти дискуссии по частным вопросам не помешали правильным и объективным выводам по существу проблемы. Этим лишний раз подчеркиваются значение и убедительная логика фактов в развитии действительной, передовой науки.

Г. И. Петров

¹ Teilhard de Chardin. Chronologie des alluvions pléistocènes de Java. L'anthropol., 1935, т. 45, № 5—6. Он же е. Deuxièmes notes sur la paléontologie humaine en Asie méridionale. L'anthrop., 1938, т. 48, № 5—6.

² H. De Terra a. P. Teilhard de Chardin. Observations on the Upper Siwalik Formation and Later Pleistocene Deposits in India. Proc. of the Amer. Philos. Soc., 1936, т. LXXVI, № 6.—H. De Terra. Preliminary Report on Recent Geological and Archaeological Discoveries Relating to Early Man in South-East Asia. Proc. of the National Acad. of Sc., 1938, т. 24, № 10.

³ G. H. R. Koenigswald. Ein neuer Pithecanthropus-Sehädel. Proc. Sect. of Sc. K. Akad., Amsterdam, 1938, т. XLI, № 2 (и последующие работы).

⁴ Fr. Weidenreich. Man or Ape? Nat. Hist., 1940, № 1.

¹ G. Montandon. Perspectives de Phylogénie humaine suggérées par la morphologie auriculaire et dentaire du sinanthrope. Rev. scient., 1938, № 12. — Он же е. La machoire de pithécanthrope récemment trouvée fait elle de lui un singe? Rev. scient., 1940, № 1.

² G. H. R. Koenigswald. A Review of the Stratigraphy of Java and its Relation to Early Man. Early Man, N. Y., 1937, стр. 23—32.

А. В. ДАВИДОВИЧ

19 февраля 1940 г. в бою с белофиннами на Ладожском озере пал смертью храбрых боец-доброволец ленинградского лыжного батальона, студент IV курса музейно-краеведческого факультета Коммунистического института им. Н. К. Крупской Александр Васильевич Давидович.

Серьезный, целеустремленный студент, А. Давидович с первого курса твердо решил посвятить себя археологии. За годы пребывания на Высших музейных курсах НКП (Москва), а затем в Институте им. Н. К. Крупской он принимал участие в многочисленных полевых археологических работах, напр., в раскопках Подборновской стоянки, Земского могильника и в разведках на Оке, в раскопках Балановского могильника (1937), в раскопках Волчьего Грота в Крыму (1938, 1939) и пр.

Помимо того, А. Давидович произвел ряд самостоятельных полевых исследований. Так, им обследованы археологические памятники вдоль трассы строившейся железной дороги Канаш — Чебоксары и районы р. Клязьмы и г. Коврова, обследованы районы Клинско-Дмитровской гряды и течение р. Дубны, при этом составлена археологическая карта последней. Им были собраны коллекции для Центрального Чувашского, Рязанского, Вязниковского, Талдомского, Дмитровского и других музеев.

В 1939 г. А. Давидович получил от ИИМК АН СССР на свое имя открытый лист и произвел по поручению Горьковского обл. музея очень удачные разведки на нижней Оке, которые должны были послужить базой для его дальнейших работ по изучению памятников первобытно-общинного строя в Волго-Окской области.

В последнее время А. Давидович работал в Гос. Эрмитаже.

Советская археология потеряла в лице А. В. Давидовича начинающего молодого ученого, а друзья Саши — чудесного, всегда бодрого и веселого товарища, неиссякаемая энергия которого поддерживала и зажигала в окружающих живой интерес к его любимой науке.

О. Бадер, Ю. Медведев

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Доклады на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР .	3
Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. — М. И. Артамонов .	—
ГАИМК -- ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. — А. Ю. Якубовский	14
II. Статьи	24
Поселения древнего Согда. — Г. В. Григорьев	—
Согдийская колонизация Семиречья. — А. Н. Бернштам .	34
Организация ремесла в Самарканде XV — XVI вв. — А. М. Беленицкий	43
Освоение огня. — П. И. Борисковский	47
Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. — Е. В. Жиров	51
Писаница на горе Кизех-тах. — Г. П. Сосновский	54
Тиритакский клад. — А. Н. Зограф .	58
К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. — М. К. Каргер	61
III. Полевые археологические исследования .	67
Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун-тау (Узбекистан) — П. Окладников	—
Хорезмская экспедиция 1939 г. — С. П. Толстов	70
Архаический некрополь на территории Ольвии. — Т. Н. Книпович	80
Баня XIV в. в Великих Болгарах. — А. П. Смирнов	82
IV. Тезисы диссертаций	89
Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — И. И. Ляпушкин	—
V. Информации .	93
Новые данные о питекантропе. — Г. И. Петров	—
А. В. Давидович .	96

Редактор издательства А. М. Барабанов
Технический редактор А. В. Смирнова Корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 4/VI 1940 г.

Подписано к печати 12/X 1940 г.

98 стр. (21 рис.)

Формат бум. 72 × 110 см. 6¹/₈ п. л. + 2 вкл. 9,33 уч.-авт. л. 59 280 тип. зн. в печ. л.
М 21324. Тираж 700. РИСО № 1379. — АНИ № 144. — Заказ № 2187

2-я типо-лит. Гидрометеиздата, Ленинград, Прачечный пер., 6.